

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального
образования
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филиал в г. Ярославле,
АДМИНИСТРАЦИИ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ
Отдел по вопросам высшей школы и науки,
Государственный архив Ярославской области,
Верхневолжское отделение Академии Военно-исторических наук,
МОУ ДПО Городской центр развития образования

«ВЕЛИКИЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ: ЧЕЛОВЕК, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ДОКУМЕНТ»

**ЗАОЧНАЯ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУЧНО-
МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

20 января 2008 года

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

**Ярославль
2008**

УДК 94 (100) 653/654

ББК 63.3 (0) 5

В 27

«Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ»: Заочная межрегиональная университетская научно-практическая конференция «Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ». Ярославль, 20 января 2008 г.: материалы конференции / под научной редакцией доцента А. В. Бородкина. — Ярославль: филиал РГГУ в г. Ярославле, 2007. — 268 с.

В сборнике публикуются материалы заочной межрегиональной университетской научно-методической конференции «Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ».

Наряду с Ярославскими специалистами в работе конференции приняли участие историки, молодые ученые, преподаватели и студенты ВУЗов из других регионов Российской Федерации и Белоруссии.

Цель конференции — активизировать научно-методическую работу и учебный процесс в филиалах РГГУ, ВУЗах г. Ярославля, Ярославской области и других регионов России.

В опубликованных работах содержится важный фактический материал, ценные наблюдения исследователей практиков, рекомендации по активизации учебного процесса. Сборник представляет научный и практический интерес и адресован ученым, педагогам, практикам образовательной сферы, молодым ученым, аспирантам, студентам, краеведам.

Текст статей представлен в авторской редакции.

Данный сборник является результатом совместной деятельности филиала РГГУ в г. Ярославле, отдела по вопросам высшей школы и науки Администрации Ярославской области, Государственного архива Ярославской области, Верхневолжского отделения Академии Военно-исторических наук и МОУ ДПО Городского центра развития образования.

Информацию об условиях и возможностях в последующих конференциях «Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ» можно получить в филиале РГГУ в г. Ярославле, тел.: (4852) 48-99-87, 27-77-51 или на сайте конференции.

Электронные версии материалов конференции доступны на WEB- сайте <http://www.gvw-rggu.narod.ru>

Подписано в печать 15.03.2008. Бумага офсетная. Тираж 500.

Отпечатано в типографии издательства «Литера»

г. Ярославль, ул. Салтыкова-Щедрина, 21, оф. 305—307. Тел.: (4852) 72-80-26

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
СЕКЦИЯ МЕТОДИКИ, МЕТОДОЛОГИИ, ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН	8
Формирование умений и навыков использования типизирующего и индивидуализирующего методов интерпретации источников <i>Волкова Т. И., Сараева Е. Л.</i>	8
Создание эмоциональной среды как одно из условий социально- педагогического сопровождения учебного процесса <i>Сергеева О. А.</i>	12
Полифонизм методологий и мозаичность сюжетов отечественных исследований на современном этапе изучения белого движения в России <i>Гришанин П. И.</i>	19
Методологические проблемы исторической науки <i>Малыгин А. Б.</i>	22
Междисциплинарный подход в трудах «русской исторической школы» <i>Никифоров Ю. С.</i>	25
СЕКЦИЯ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	32
Правовое регулирование общественно-политических отношений в дохристианской Руси <i>Гурьянич В. Н.</i>	32
Истоки призрения больных и раненых воинов в России: к вопросу об актуализации проблемы <i>Белова Е.Е.</i>	35
Вопрос о государственной политике по отношению к старообрядцам в первой половине XIX в. в отечественной историографии <i>Корнилова А. С.</i>	41
Традиции живы. Из истории семьи ярославского купца Василия Яковлевича Кузнецова <i>Кузнецова О. В.</i>	45
Николай Федорович Каптерев: общественно-политическая деятельность, историческое наследие и современность <i>Осьмачко С. Г.</i>	51

Разработка аграрной программы российскими либералами накануне революции 1905—1907 гг. <i>Ульяновская Е. В.</i>	54
Реформа государственно-политической системы российской империи в период подъема первой российской революции 1905—1907 гг. <i>Иерусалимский Ю. Ю.</i>	58
Ярославская и владимирская тюрьмы 1914—1917 гг. как отражение общегосударственного кризиса <i>Коняев А. Е.</i>	61
Советское искусство в 30-е гг. XX в. <i>Воронова Е. В.</i>	66
Традиции и культура Русской православной церкви в конце XX-го столетия <i>Старостина И. А.</i>	71
Русское богоискательство в интерпретации н. А. Бердяева <i>Маслехин В. Л.</i>	75
Ответственность российского государства за обеспечение прав и свобод человека: историко-правовые основы <i>Зацепина О. И.</i>	79
Популистская традиция США в отечественной американистике <i>Ефимов А. В.</i>	84
У. Л. Макензи Кинг: штрихи к политическому портрету <i>Койков Д. А.</i>	90
СЕКЦИЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ	95
Русская военная мысль в X—XX вв. <i>Науменко А. А.</i>	95
История полковой артиллерии русской армии 20—50-х гг. XVIII в. <i>Сисигин А. И.</i>	99
Русская армия во второй половине XIX — начале XX вв. <i>Ганижев М. З.</i>	102
Военно-профессиональная подготовка кадетов Российской империи, в конце XIX — начале XX вв. <i>Гуменный В. В.</i>	105
У истоков развития российской авиации <i>Надежкин Е. Г.</i>	107
Русско-японская война и либеральное общество в России <i>Ульяновская Е. В.</i>	113
Трансформации финансового обеспечения войск <i>Волков А. Ю.</i>	118

Значение национальных воинских формирований в развитии вооруженных сил в 30-е годы XX века <i>Исахаев У. Б.</i>	123
Воинская дисциплина: взгляд в прошлое <i>Жарков В. В.</i>	127
Военное обучение и военная подготовка в красной армии в межвоенный период <i>Новосельцев М. С.</i>	131
Военные преобразования в СССР в межвоенный период <i>Постолаки С. К.</i>	135
Система тыла РККА в межвоенный период 1921—1941 гг. <i>Малахов Д. Н.</i>	139
Неизвестные страницы войны: латышские рабочие батальоны красной армии в начале великой отечественной войны <i>Панин Е. Н.</i>	144
Патриотические движения населения верхнего Поволжья по оказанию помощи фронту в годы великой отечественной войны 1941—1945 гг. <i>Сыченко Р. А.</i>	148
Современные проблемы и воплощение концепции воздушно-космической обороны Российской Федерации <i>Павлов А. Л.</i>	150
Народно-освободительная армия Китая в 90-е годы XX века: основные тенденции развития <i>Лоханин А. М.</i>	154

СЕКЦИЯ АРХИВОВЕДЕНИЯ И КОМПАРАТИВИСТИКИ 162

Предания о ярославских старообрядцах как исторический источник <i>Бородин А. В.</i>	162
Делопроизводственные материалы как источник при изучении народного образования угличской земли во второй половине XIX — начале XX вв. <i>Иерусалимская С. Ю.</i>	166
Формирование образов «своего» — «чужого» юмористическим журналом «Ярославская колотушка» (1906—1908 гг.) <i>Таточенко В. В.</i>	169
Исторический образ офицера в Русской поэзии XIX века <i>Смирнова А. Н.</i>	175

СЕКЦИЯ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ 182

Скандинавские древности на Волжском пути <i>Казаков Г. М.</i>	182

Некоторые аспекты изучения культа камня на территории ярославского, ивановского и костромского поволжья <i>Чернецова С. Б.</i>	187
Опыт интерпретации преданий об аборигенах края в Верхнем Поволжье в связи с семантикой культовых камней <i>Чернецова С.Б.</i>	193
К вопросу о прашурах российского казачества <i>Носков А. А.</i>	199
Волга и ушкунники. Колыбель речного разбоя <i>Дутов Н.В.</i>	204
«Этот день считать неприсутственным...» <i>Дутов Н.В.</i>	216
«Человек, которого не было». К вопросу о судьбе верхневолжских общин старообрядцев-капитонов в конце XVII — начале XVIII вв <i>Бородкин А. В.</i>	227
О необходимости формирования историографии дореволюционной истории ярославской тюрьмы (на примере русского дореволюционного тюремоведения) <i>Коняев А. Е.</i>	233
К. Ф. Некрасову — В. Я. Брюсов <i>Мурзо Г. В.</i>	238
Архитектурная среда Ярославля (конец XIX — начало XX вв.): на примере комплекса зданий ярославского кадетского корпуса (ныне ЯВЗРУ ПВО) <i>Стовичек М.В.</i>	250
Сохранение и восстановление памятников архитектуры города Твери в 1918—1930 гг. <i>Личак Н.А.</i>	255
Становление своеобразия культуры симбирско-ульяновского поволжья <i>Тихонова А. Ю.</i>	259
НАШИ АВТОРЫ	265

Предисловие

«Великий Волжский путь» — веками объединял он Европу и Азию, людей, культуры и континенты, служил делу мира, дружбы, историческому и культурному общению. Именно эти цели объединяют людей, способствуют политическому, экономическому и культурному сотрудничеству, дружбе между народами.

В этой связи очень символично, что научная конференция «Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ» состоялась 20 января 2008 г. именно в Ярославле, в дни, когда наш замечательный город готовится встретить свой тысячелетний юбилей.

Вот уже почти 1000 лет «самый красивый город на Волге» живет, растет, развивается. Меняется облик древнего города, но его историческая миссия способствовать упрочению дружбы и сотрудничества людей и регионов неизменна.

Высокая миссия конференции, как и история Ярославля устремлены в будущее, а для того, что бы оно наступило необходима совместная работа городских властей, ученых, исследователей, всех горожан. Только совместными усилиями, постоянно сверяясь с многовековым историческим опытом, мы создадим «город, в котором хочется жить». В этой связи особую значимость приобретает диалог между властью и научным сообществом. Из этих диалогов выстраивается система работы органов власти, появляются интересные идеи и проекты, которые реализуются в конкретные дела.

Ярославцы, как известно, не только большие патриоты своего города, но и гостеприимные, радушные хозяева, которые приглашают всех к участию в работе научной конференции «Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ», которую решено проводить ежегодно.

заместитель мэра г. Ярославля
д. т. н., профессор
Сидоров Вячеслав Николаевич

СЕКЦИЯ

МЕТОДИКИ, МЕТОДОЛОГИИ,
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

ФОРМИРОВАНИЕ УМЕНИЙ И НАВЫКОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТИПИЗИРУЮЩЕГО И ИНДИВИДУАЛИЗИРУЮЩЕГО МЕТОДОВ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Волкова Т. И., Сараева Е. Л.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Формирование умений и навыков интерпретации источников является важнейшей задачей исторического образования студентов. На наш взгляд, большие возможности установления смысла источника имеет работа, предполагающая использование типизирующего и индивидуализирующего методов познания. Студентам важно объяснить, что исследователь должен стремиться к пониманию источника как явления культуры своего времени, следовательно, необходимо составить представление о ее базовых чертах. Историческая наука изучает типы культуры людей в разные эпохи, разрабатывает методы их изучения, чтобы реконструировать ценностный мир, жизненные ориентиры людей, их представления о смысле и содержании своей жизни, счастье, материальных и духовных потребностях. Произведение, созданное человеком, воспроизводит знаковые системы культуры своей социальной группы.

Современные исследователи актуализируют идеи А. С. Лаппо-Данилевского (1863—1919) о методах постижения культуры человека и общества. Признавая взаимозависимость человека и социума, Лаппо-Данилевский предлагал не растворять человеческую личность в массе, а изучать ее индивидуальность. Источником познания людей являются их произведения, которые позволяют воссоздать их духовный мир, психологические особенности восприятия жизненных обстоятельств. Согласно методологии истории Лаппо-Данилевского, главным объектом исследования является феномен человеческого общения. Ученый считал необходимым реконструировать общие черты

культуры сообщества и индивидуальных ее проявлений в личности ее носителя. Он дал теоретическое обоснование важности сочетания типизирующего и индивидуализирующего методов интерпретации источников. Понимание человека прошедшей эпохи, по убеждению Лаппо-Данилевского, предусматривает воспроизведение его психики, чужого «я». Осмысление духовной жизни исторической личности начинается с проникновения в его внутренний мир, выявления черт его самосознания.

Использование этих методов имеет исключительную значимость для постижения типов культуры различных социальных групп и духовного мира наиболее ярких их представителей. Программа университетского курса включает тему формирования русской интеллигенции, ее идейной жизни. Значительный интерес представляет изучение культурного мира интеллектуалов 1830—1840-х гг., создавших значительное число произведений. Интерпретация этих источников дает возможность выявить особенности духовной эволюции западников. Для западников было характерно стремление к самосознанию. Свободное общение представителей этого круга привело к формированию новой субкультуры. Членов кружков Н. В. Станкевича, А. И. Герцена, Т. Н. Грановского, В. Г. Белинского связывали искренние дружеские отношения. Друзья имели обыкновение в своих посланиях-исповедях излагать свои мысли, желания, чувства. Их письма запечатали духовные переживания, мировосприятие в момент создания письма.

Культуру переписки сформировал у своих друзей Н. В. Станкевич. Жившие вдали друг от друга, друзья обращались к письмам как способу самосознания, выражения своих размышлений о жизни. Письма были значимой для них формой культурной коммуникации. Исключительное внимание московских романтиков 1830-х гг. к письмам объясняется их пониманием дружбы, смысла жизни. Человек, считал Н. В. Станкевич, живет для высшего, человеческого наслаждения, которое заключается в любви к людям. Дружба, воспринимаемая как любовь, искренний интерес к духовной жизни дорогих людей, возможность жить для друзей, содействовать становлению личности, определяла характер общения в кругу московских романтиков. В кругу Станкевича существовала договоренность передавать письма, адресованные одному, всем друзьям, поскольку они жили общими интересами, исповедовали одни ценности, верили, что духовно близкие им лица отзовутся на исповедь их души. Из сохранившихся

346 писем Н. В. Станкевича за 1830-й — 1840-й гг. родным было адресовано 77, друзьям — 258, знакомым — 11 писем. Наибольшей информационной насыщенностью отличаются письма к близким друзьям Я. М. Неверову и Т. Н. Грановскому. Дружба, по мнению Станкевича, позволяла очистить душу, нести добро и любовь людям. Друзья должны стремиться к совместной жизни душ. Письма Н. В. Станкевича к друзьям — «голос души». Н. В. Станкевич раскрывал свою душу Я. М. Неверову и Т. Н. Грановскому, уверенный, что будет ими понят, найдет горячий, сочувственный отклик, что друзья помогут ему разрешить многие вопросы. Он писал Я. М. Неверову в 1835 г.: «...мне нужен ты, ты меня знаешь лучше других и мог бы дополнить меня ... разрешить для меня многие вопросы». В другом письме Януарию Михайловичу Николай Станкевич отмечал: «...привык писать тебе только от полноты души». В Я. М. Неверове Н. В. Станкевич ценил способность понимать движения его души. Он благодарил друга за редкий дар сопереживать человеку: «...из всех людей, которых я люблю от души, и которых я хорошо знаю, я никого не знаю способнее быть другом, кроме тебя...». Н. В. Станкевич считал, что его дружба с Я. М. Неверовым основана «на поэзии добра, в которой мы всегда одно. Это обязывает меня к полной откровенности». Юноша ждал от писем друзей «душевного возрождения». Благодаря бережному отношению Я. М. Неверова к письмам своего друга сохранились все 104 письма Н. В. Станкевича к нему за 1831—1839 гг. Они позволяют проследить эволюцию взглядов их автора, понять внутренний мир Н. В. Станкевича. Его письма к друзьям имеют нравственно-философское содержание, в них развивается новое воззрение на личность.

Искренностью и откровенностью отличались письма Н. В. Станкевича и к Т. Н. Грановскому, с которым он познакомился в 1835 г. и вскоре признал, что нашел в нем глубоко любящую душу: «...ты сам подал нам руку и мы прочли в душе твоей, что ты наш...». Размышляя в письмах к Т. Н. Грановскому о духовном развитии личности, назначении человека в мире, Н. В. Станкевич помогал своему другу найти свое призвание, «следовать своему внутреннему голосу и жить своей жизнью!». Он писал другу: «Ты мне простишь эти советы. Это — не советы, это — голос души, которая понимает твою и невольно стремится слить ее с собою, которая дорожит всяким прекрасным явлением, всяким чистым сердцем и крепко за него держится». Сохрани-

лось 20 писем Н. В. Станкевича к Т. Н. Грановскому за 1836—1840 гг. Станкевич называл свои письма к Я. М. Неверову и Т. Н. Грановскому «историей своей душевной жизни». В письмах Н. В. Станкевича к другим друзьям его внутренний мир был менее открыт, видимо, это зависело от способностей людей понимать душевные переживания. Благодаря этим письмам, запечатлевшим идейно-нравственные искания их автора, сопереживание родным душам, историки обладают уникальной возможностью проследить осмысление Н. В. Станкевичем своего духовного становления, воссоздать его внутренний мир, а, сравнивая их с посланиями его друзей, выявить типичные черты культуры «идеалистов» 1830-х гг. Письма несут информацию об истории кружка Н. В. Станкевича, анализ которой расширяет представления исследователей об особенностях дружбы московских романтиков, ее значении в формировании новой культурной среды. Они позволяют проследить эволюцию идей Н. В. Станкевича о личности.

Письма Н. В. Станкевича к друзьям содержат сведения о духовных исканиях «идеалистов» 30-х годов. Субкультура романтиков была плодом их совместного творчества. Интерпретация их писем дает возможность воспроизвести особенности самоидентификации «идеалистов» 1830-х гг., их духовные ценности, потребности души, идеи о своем предназначении.

Друзья Н. В. Станкевича научились относиться к письмам как «исповеди», форме рефлексии, возможности излить близкому человеку свои душевные переживания. Т. Н. Грановский писал своему другу Я. М. Неверову 10 июля 1836 года: «Теперь я пишу без всякого приготовления все, что мне приходит в голову и в душу...». Письма Н. В. Станкевича, В. Г. Белинского, М. А. Бакунина, Т. Н. Грановского, А. И. Герцена, В. П. Боткина привлекали к своим работам все историки, изучавшие русскую мысль 1830—1840-х гг. Они выявили такую особенность функционирования этих писем, как потребность интеллектуалов в самовыражении, самосознании и одновременно в работе общего воззрения на жизнь. Так, Е. Ю. Тихонова оценивает письма В. Г. Белинского к друзьям как «дневник духовного становления российского интеллигента поколения 1830-х — 1840-х годов». Она считает возможным типизировать многие черты духовного развития Белинского.

Несомненно, интерпретация и анализ содержания эпистолярного наследия русских мыслителей того времени обязывает применить

типизирующий и индивидуализирующий методы, открывающие возможность понять феномен духовной жизни ярких представителей русской интеллигенции.

Издания писем русских мыслителей могут и должны привлекаться для формирования у студентов умений и навыков использования типизирующего и индивидуализирующего методов интерпретации источников.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. В 2 т.
2. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 1913.
3. Медушевская О.М., Румянцева М. Ф. Методология истории. М., 1997.
4. Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840. М., 1914.
5. Тихонова Ю. М. Мироззрение молодого Белинского. М., 1998.

СОЗДАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Сергеева О. А.

*Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы
филиал в г. Ярославле*

Принципы современного образования, нашедшие отражение в Законе Российской Федерации «Об образовании», а также в Конвенции о правах ребенка, предполагают понимание образования как процесса обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства, направленного на развитие индивида, его индивидуальных умственных и физических способностей, одаренности и таланта. В Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года общедоступность и адаптивность систем образования к различным уровням развития и подготовки обучающихся обозначены среди принципов государственной политики в области образования. В этих условиях большое значение приобретает социально-педагогическое сопровождение школьников. Мы опираемся на концепцию Рожкова М. И., согласно которой социально-педагогическое сопровождение

направлено на поддержку групп детей и каждого ребенка в отдельности в построении ими своих социальных отношений, на преодоление организационных трудностей, что способствует решению задач социального воспитания. Любая поддержка сопровождается эмоциями. Широта и многогранность понятия «эмоции» определило наличие множества различных точек зрения, связанных с толкованием данного понятия. Нам представляется наиболее полным определение, данное Белухиным Д. А. По мнению исследователя, эмоция — «особое психическое состояние, в котором отражается специфическое для данной личности отношение к каким-либо жизненным ситуациям и обстоятельствам, проявляемое в поведении человека».

Влияние эмоциональной атмосферы учебных занятий на развитие личности, ее познавательную активность, творческое мышление отмечали А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, Ш. А. Амонашвили, А. Н. Лутошкин, Е. Н. Ильин, М. П. Щетинин и другие, называя в качестве одной из составляющей учебного процесса «мажорное настроение», «эмоциональную партитуру или инструментовку» и т. д. При этом закономерности, принципы формирования эмоциональной составляющей социально-педагогического сопровождения учебного процесса в литературе по проблеме исследования рассмотрены недостаточно. Для этого есть субъективные и объективные предпосылки. Возникновение любой жизненно важной потребности сопровождается эмоциями. Однако человек часто вынужден сдерживать эмоции. Современное общество не может позволить безудержность эмоций, поскольку это может привести к нарушению общественных норм поведения. Не случайно, общепринятое мнение заключается в том, что чем более воспитан человек, тем он более сдержан в проявлении эмоций. Во многом, поэтому и в школьной практике «большая часть педагогической энергии уходит не на раскрытие эмоционально-творческих потенциалов, а на их сдерживание», хотя очевидно, что учебная деятельность предполагает ту или иную реализацию эмоциональной сферы каждого участника учебного процесса.

Социально-педагогическое сопровождение учебного процесса включает эмоциональный компонент наряду с когнитивным, поведенческо-волевым и другими компонентами. Эмоциональный компонент характеризует «состояние личности, ее переживания, удовлетворенность или неудовлетворенность собой, своими действиями и отношениями». Как элемент педагогического сопрово-

ждения учебного процесса, эмоциональный компонент предполагает реализацию целенаправленного эмоционального воздействия на школьников с целью развития определенных личностных качеств и формирования у них позитивного отношения к учебной деятельности. Поскольку суть технологии сопровождения заключается в усилении позитивных факторов и нейтрализации негативных, то формирование умения управлять эмоциями становится особенно актуальным. При этом необходимо отметить, что помощь и поддержка (составляющие социально-педагогического сопровождения) важны для учащегося не только во время поиска решения в сложной «эмоциональной» ситуации, но и в процессе формирования способов реагирования с целью предупреждения возникновения негативных ситуаций. Решению вышеназванных задач способствует эмоциональная среда.

Под эмоциональной средой мы понимаем организацию ситуаций социально-педагогического сопровождения, способствующих максимальному проявлению определенного качества, свойства личности, адекватной реакции на происходящее, основанной на самопознании и самоконтроле. Находясь в эмоциональной среде, личность реализует себя, проявляя те или иные эмоции, воздействует на другого (или других) участника этих отношений, тем самым либо создавая среду, либо преобразовывая ее. Создание эмоциональной среды как одного из условий социально-педагогического сопровождения предполагает реализацию следующих закономерностей:

- взаимообусловленность результатов социально-педагогического сопровождения и уровня сформированности психологической готовности к реализации имеющегося у педагога и учащихся эмоционального потенциала,

- взаимосвязь результатов социально-педагогического сопровождения и реализации в его процессе рефлексивной позиции участников данного процесса,

- взаимозависимость эффективности социально-педагогического сопровождения от учета особенностей эмоциональной сферы учащихся, имеющих у них потребностей и приоритетных предпочтений в выборе видов деятельности и направлений общения.

Поскольку создание эмоциональной среды — процесс, требующий временной протяженности, то можно говорить о стадиях ее формирования.

Стадии формирования эмоциональной среды как одного из условий социально-педагогического сопровождения

1 стадия. Наличие эмоционального отклика

Под эмоциональным откликом понимается вызванная желаемая эмоциональная реакция на какие-либо факты, события, коллективные дела. Эмоциональный отклик, по мнению Яновской М.Г., представляет собой кратковременную реакцию на какую-либо деятельность или информацию. Раскрывая данное понятие, исследователь рассматривает лишь эмоциональную сферу школьника. Нам представляется возможным расширить представление об эмоциональном отклике. В рамках концепции социально-педагогического сопровождения, безусловно, необходимо говорить об эмоциональном отклике не только школьника, но и педагога, поскольку это двусторонний процесс.

2 стадия. Формирование эмоциональной культуры, под которой подразумевается:

- отзывчивость на достаточно широкий круг объектов
- способность ценить и уважать чувства другого человека
- способность к «сопереживанию».

3 стадия. Формирование эмоциональной зрелости

Эмоциональная зрелость, по Якобсону П.М., предполагает наличие чувства ответственности за свои переживания перед собой, а тем самым и перед людьми.

4 стадия. Создание эмоциональной компетентности, которая включает:

— эмоциональный интеллект, определяемый в научных психологических концепциях как совокупность интеллектуальных способностей к пониманию эмоциональных состояний и управлению ими. В отличие от абстрактного и конкретного интеллекта, которые отражают закономерности внешнего мира, эмоциональный интеллект отражает внутренний мир и его связи с поведением личности и взаимодействием с реальностью.

- эмоциональную гибкость
- эмоциональная грамотность — целенаправленное повышение эмоциональной компетентности.

Андреева И.А. отмечает, что авторитетного учителя учащиеся наделяют «эмоциональной референтностью»: у такого педагога школы склонны искать эмоциональную информацию с тем, чтобы использовать ее для осмысления происходящего.

Создание эмоциональной среды в качестве одного из условий социально-педагогического сопровождения позволяет решить следующие задачи:

- раскрытие собственных резервов внутренней активности, возможность самовыражения и самопознания
- улучшение настроения, пробуждение интереса к учебной деятельности, к познанию учебного предмета
- снятие или уменьшение тревожности, физического и интеллектуального напряжения, восстановление внутренних сил и резервов
- коррекция взаимоотношений, преодоление трудностей в поведении, учении, возникших или возникающих у школьников в общении с одноклассниками, учителями и др.

Безусловно, большое количество педагогических технологий, реализуемых в настоящее время, способствует формированию разнообразных эмоциональных сред. При этом важную роль играет то, в какой образовательной среде оказывается учащийся, поскольку, как показывают исследования, в различных образовательных средах эмоциональное состояние детей одного и того же возраста будет иметь свою специфику, зависящую от типа осуществления учебного взаимодействия в образовательной среде. В школах с образовательной технологией традиционного типа, а также с образовательной технологией «интеллектуалистского» типа приоритетным является умственное развитие детей, и основные усилия направлены на усвоение учащимися определенных знаний, умений и навыков. Если говорить об эмоциональной составляющей, то она сводится преимущественно к формированию у школьников чувства долга и привычки к каждодневному труду. Школы же с образовательной технологией развивающего типа (прежде всего Д. Б. Эльконин — В. В. Давыдов), а также школы с образовательной технологией смешанного типа, где сотрудничество учителя и учащихся является одной из ведущих форм учебного взаимодействия, отличается, как правило, благоприятная эмоциональная обстановка на уроке. Таким образом, в разных образовательных средах, характеризующихся различными типами учебного взаимодействия, эмоциональное состояние детей на уроках

имеет свою специфику, что по-разному сказывается на выраженности уровня познавательной активности и эмоционального самочувствия, учащихся в процессе урока.

Исследователи по-разному определяют составляющие эмоционального компонента. Ермакова И.В., Поливанова Н.И., Ривина И.В. в качестве индивидуальных характеристик эмоциональных компонентов выделяют тревожность, познавательную активность и негативные переживания школьников. Фетискин Н.П. среди неблагоприятных эмоциональных состояний выделяет монотонию, эмоциональное пресыщение, эмоциональную напряженность, утомление. Некоторые из вышеназванных эмоциональных компонентов, в частности тревога, могут выступать и как эмоциональное состояние, возникающее в конкретной ситуации, и как устойчивое качество личности. В любом случае неблагоприятные эмоциональные состояния являются «пусковым механизмом для развития таких отрицательных новообразований личности, как консерватизм, формализм, конфликтность, неадекватность деятельности и социального поведения и др.». Неслучайно Л. Ф. Спирин рассматривает эмоционально-волевую запущенность как разновидность педагогической запущенности учащихся наряду с такими разновидностями, как интеллектуально-педагогическая, нравственно-трудовая, художественно-эстетическая, нравственно-гражданская, нравственно-экологическая и санитарно-гигиеническая. При этом под эмоционально-волевой запущенностью автор понимает несформированность элементарных волевых усилий, адекватных эмоциональных реакций на события, происходящие в жизни и в школе.

Эмоция может быть подавлена, если человек внешне остается спокойным. Проблема заключается в том, любая эмоция даже в случае торможения ее произвольных компонентов обязательно распространится на деятельность внутренних органов, не поддающихся произвольному контролю. Исследования показывают, что от воздействия застойного эмоционального возбуждения страдает, как правило, наиболее уязвимый орган. Предотвратить последствия негативных эмоциональных состояний помогает положительная эмоция, которая может выступать в качестве одного из способов устранения нежелательного эмоционального состояния.

Неблагоприятные ← Благоприятные

эмоциональные → состояния эмоциональные состояния

Однако умение управлять эмоциями заключается не только том, чтобы подавить определенные (внешние) компоненты эмоций или разрядить уже возникшие эмоции (в частности, физической нагрузкой). Умение управлять эмоциями заключается в том, чтобы эта эмоция в определенной обстановке не возникла вообще. В этом случае одной из характеристик эмоциональной среды становится положительная психологическая атмосфера.

Социально-педагогическое сопровождение, включающее в себя помощь и поддержку, предполагает не решение проблемы за детей, а стимулирование их самостоятельности в решении возникающих проблем. Процесс совместного определения с учащимся его «эмоциональных черт», под которыми понимается склонность индивида к переживанию того или иного эмоционального состояния, помощь в выборе адекватного вида эмоционального реагирования предполагает реализацию определенных условий, одним из которых является создание эмоциональной среды.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Байбородова Л. В.* Взаимодействие педагогов и учащихся в школьном коллективе: учебное пособие. Ярославль, ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1991.
2. *Белухин Д. А.* Личностно ориентированная педагогика. М., Московский психолого-социальный институт. 2005. 448 с.
3. *Ермакова И. В., Поливанова Н. И., Ривина И. В.* Учебное взаимодействие педагога с учащимися как фактор их эмоциональной комфортности на уроке. // Психологическая наука и образование. 2004. № 1. С. 63—73.
4. *Изард К. Э.* Психология эмоций. Перевод с английского языка. СПб., Издательство «Питер», 1999.

ПОЛИФОНИЗМ МЕТОДОЛОГИЙ И МОЗАИЧНОСТЬ СЮЖЕТОВ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Гришанин П. И.

Пятигорский государственный лингвистический университет

В последнее время всё более явственно ощущается, что историография Белого движения претерпевает изменения в рамках исто-

риографии Гражданской войны. Которая переживает политическую смену оценочных характеристик: от классовых («высшая форма классовой борьбы») до цивилизационных («национальная трагедия») концепций, сконцентрировавшись в последнее время на социокультурной («братоубийственная война») парадигме. Осваивая опыт и традиции западной гуманитаристики, отечественные историки заметно солидаризируются с позициями первых исследователей Гражданской войны — ее участников и современников, написавших в так называемом Русском зарубежье свои первые работы в форме мемуаров и воспоминаний, не лишенных аналитического контекста.

Возникающее на этой основе затишье методологических дискуссий является благодатной почвой для освоения новых объектов исследования (экономические, социальные и культурные аспекты Гражданской войны). Поднимаются проблемы повседневной истории, локальной истории, моделируются исторические сюжеты, выясняется «казуальность» тех или иных событий политического противоборства в России после октября 1917 года. Действительно, предметом изучения все чаще становятся люди (в первую очередь политические деятели А. И. Деникин, А. В. Колчак, П. Н. Краснов, П. Н. Милюков, П. Б. Струве и др.) с их страстями и непредсказуемыми действиями. Отсюда доминирующей проблематикой истории Белого движения становится история человека, живущего в условиях политических, экономических и социальных катаклизмов 1917—1920 гг. в России [1]. Полифонизм методологий и мозаичность сюжетов исследований в этих условиях становятся неизбежными.

Современный этап в изучении Белого движения отражает наиболее существенные факторы, влияющие на современное историческое знание. Локализация и полисубъектность актуального исторического процесса, а также переход от информационного общества постмодерна к манипулятивному обществу постмодерна проявляются в том, что исследователь все чаще опирается не на развернутую систему аргументации, а на символы, метафоры, образы и другие репрезентативные объекты. Все они включают в себя мощные верификационные инструменты когнитивной семантики.

Современный исследователь истории Белого движения сталкивается с целым рядом проблем, являющихся следствием «переизбытка информации». Он вынужден скорее не исследовать интересующие его темы и предметные области, а осваивать все то, что уже было сделано

до него. Причем обилие и доступность разнообразной информации превращает эту работу в длительный и сложный процесс. Ее результаты суммируются в многочисленных тематических документальных публикациях, снабженных мощным научным комментарным аппаратом, представляющим собой своеобразное осмысление исследователем представленной проблемы.

Современная историография Белого движения развивается в условиях быстрого дистанцирования профессионального и быденного исторического сознания. При этом профессиональное историческое знание не успевает за потребностями социума. Это приводит к демократизации историографии Белого движения и включения ее в русло рыночной экономики, когда становятся востребованными главным образом работы, написанные в одном из развлекательных жанров.

Периодически возникающие кризисы доверия к научному мышлению приводят к активизации мифологического начала в общественном сознании [2]. На основе архаических моделей в современной политике и идеологии воссоздаются старые мифы в новых социальных и национальных оболочках. Происходит своеобразное переплетение так называемых «спонтанной» мифологии и «искусственной» мифологии, как конструирование с политическими и идеологическими целями внутри отдельных интеллектуальных или властных элит [3].

Именно таким способом происходит воздействие исторической науки на общественное сознание, на представления людей о своем прошлом. Тема мифов в истории Белого движения, роли доминирующих и конкурирующих в ней образов, сложившихся спонтанно или умело внедренных в массовое сознание, привлекает все большее внимание отечественных исследователей. На этом фоне особое место занимает проблема исторической и культурной памяти об истории антибольшевистского движения, которая является неотъемлемой составляющей групповой, социальной и национальной идентичности.

В то же время современная историография Белого движения интересна тем, что она стремится избежать штампованных оценок, предоставляя исследователю широкое поле для творческой деятельности. Поэтому тенденции современной историографии Белого движения многообразны и неоднозначны. Наряду с расцветом микроисторических исследований по истории Белого движения растет интерес к макроперспективе, ориентированной на изучение институциональных, демографических, культурных, экономических сюжетов российской

государственности начала XX века. Появляется довольно много работ, авторы которых претендуют на всеобъемлющее описание событий и процессов Белого движения [4]. Делается это главным образом для того, чтобы помочь современным политикам извлечь уроки из прошлого и учитывать их в процессе принятия политических решений.

Расширение историографического поля истории Белого движения за счет появления в его рамках новых направлений формирует новые модели и методы, которые включаются в исследовательский инструментарий в связи с избранной предметной областью. В борьбе с объективностью и истиной посмодернисты создают новые субъективные теории истины. Например, социальные конструкционисты ищут формы диалога, отличные от дискуссий и критики, основанных на объективизме. Нарративисты работают над выявлением «повествовательности» в нашей жизни, стремясь помочь людям создавать свои собственные повествования. Коллабористы подчеркивают динамическую и совместно конструируемую природу значения [5].

Поэтому актуальной проблемой становится конструирование целостности Белого движения как уникального феномена развития российской государственности в начале XX в. Механизм обнаружения этой целостности и границы этой целостности должны определяться с учетом глобализации и информатизации исторической науки, с одной стороны, и самоидентификации современного исследователя, включенного в социально-культурную коммуникацию, с другой.

В последнее время выходит немало научных исследований, авторы которых решение многих теоретических проблем, в том числе и по истории Белого движения, связывают с «технологией» исторического процесса (принципами и методами изучения объекта истории, учением об исторических источниках, языке историка и т. п.) [6]. Однако в них трудно обнаружить концептуальный понятийный аппарат теоретизирования в области истории, что, по мнению, например, современного исследователя В. П. Золотарева, затрудняет продвижение в области общей теории истории [7]. По этой причине он прямо заявляет о том, что «в теоретической отрасли современной российской исторической мысли господствует негативизм и анархия» [8].

В итоге, необходимо отметить, что, по-видимому, современное историческое исследование по истории Белого движения характеризуется специфическим способом сочетания гносеологических процедур понимания и объяснения, их взаимопроникновением, сложным

переплетением, практической невозможностью вычленения с помощью традиционных качественных методов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Черкасов-Георгиевский В. Г.* Колчак и Тимирева. М., 2006.
2. *Юнг К. Г.* Об архетипах коллективного бессознательного. //Вопросы философии. 1988. № 1. С. 133—152.
3. *Неклюдов С. Ю.* Структура и функция мифа. //Современная российская мифология. М., 2005. С. 23.
4. *Кенез П.* Красная атака, белое сопротивление. 1917—1918. М., 2007.
5. *Хольцман Л.* Как сделать постмодернизм деятельным. //Вопросы философии. 2006. № 6. С. 33.
6. *Коломийцев В. Ф.* Методология истории (от источника к исследованию). М., 2001; *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 2003; *Тош Дж.* Как овладеть ремеслом историка. М., 2000 и др.
7. *Золотарев В. П.* Общая теория истории: содержание понятия и его эволюция. //Историки в поиске новых смыслов. Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А. С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В. Д. Жигунина. Казань, 7—9 октября 2003 г. Казань, 2003. С. 74.
8. *Золотарев В. П.* Договоримся о словах! //Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А. С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Выпуск 1. СПб., 2003. С. 19.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Малыгин А. Б.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

XX век кардинально изменил положение истории в обществе. Некогда бывшая «царицей наук», гордо именовавшая себя «учительницей жизни», история сегодня переживает глубокий кризис, одной из характеристик которого является взаимоотчуждение истории и общества, утрата к ней общественного доверия и, соответственно, резкое падение ее социального статуса. Глубинные причины такого поло-

жения вещей следует искать в исторической методологии, не сумевшей найти адекватный ответ на вызов времени. В катастрофических потрясениях XX в. потерпели крушение традиционные основания классической историографии: убеждение в разумности мира и его умопостигаемости, сопряженное с верой в прогрессивный характер исторического развития, постижение закономерностей которого позволяет исторической науке не только осмысливать настоящее, но и предсказывать будущее.

Параллельно этому на протяжении столетия, особенно второй его половине, идет трудный, во многом противоречивый процесс формирования новой истории, складывающейся на руинах старого мирового порядка. В его основе — радикальное теоретико-методологическое перевооружение исторической науки, связанное с поисками нового социального статуса истории. Из всезнающего и непогрешимого руководства к политическому действию она превращается в широкую социокультурную дисциплину, изучающую человека во времени и тем самым способствующую его лучшему пониманию. Связывая под этим углом зрения прошлое с настоящим, гармонизируя общественное сознание, новая историческая наука стремится предоставить мятущемуся в стремительно изменяющемся мире человеку некоторые твердые точки опоры, что и обуславливает ее социальную значимость.

Так определяется проблематика курса. Его целью является ознакомление студентов с современным состоянием историко-методологической мысли, новейшими представлениями о природе исторической науки и ее месте в жизни общества. Соответственно этому в настоящее время раскрывается своеобразие исторического познания и природа исторической истины, характеризуются основные категории исторической науки и принципы исторического познания, рассматриваются взаимоотношение истории и современности и вытекающие отсюда социальные функции исторической науки.

Особое внимание уделяется гуманизации исторической науки как важнейшей характеристике ее современного состояния, понимаемой в двояком смысле. С одной стороны, это широкое утверждение представления о том, что не какие-то надличностные структуры, будь это чудесное провидение, высшие силы или что-либо другое, и не великие исторические личности, а обыкновенный человек во всех его ипостасях, в его поведении, мыслях, чувствах, ментальных установках

является преимущественным предметом исторического исследования. С другой стороны, гуманизируется понимание самого познавательного процесса, в котором акцентируется роль личности историка, его пристрастий, интуиции, воображения. Под этим углом зрения в курсе рассматриваются как теоретико-методологические проблемы исторической науки, так и, в особенности, ее социальный статус.

В процессе исторического развития человеческое сознание изменялось и становилось ясно, что средством достижения заметного статуса государства лежит через исследование военной мысли, грамотность которой и будет определять дальнейший путь развития и благосостояния государства.

Итак, русская военная мысль возникла не из чистого разума, а из длительного, пройденного драматического, опыта. Долгое время оставаясь мыслью практической, она не получала должного и полного теоретического оформления и развития. Но длительные, масштабные и решительные войны начала XIX в. (силами ряда государств и больших армий) потребовали дополнить структуры правительства и командования не просто квалифицированными офицерами генштаба, но специально, академически подготовленными кадрами. Прежние квартирмейстеры и колонновожатые по должности, но не специальности перестали справляться с планированием операций и боев, всесторонней подготовкой государства к войне, задачами обороны и развития в мирное время. Личный опыт этих офицеров и генералов требовалось обогатить историческим опытом в виде теории, подняв их знания на новый, более качественный уровень.

Г. А. Леер выделяет «три великие силы» — знание, вдохновение, здравый смысл; в них «тайна великих дел» (аббревиатура та же, что у театра военных действий — ТВД), они взаимно соответствуют триаде Суворова. Вдохновение — быстро сделанный расчет на основе заблаговременной подготовки; оно же — здравый смысл, уравновешенный наукой (их равнодействующая). Наряду с ними ум и воля как абсцисса и ордината образуют «квадрат». Их носитель — идеальный человек, по латыни «Homo Quadratus». (Аббревиатура та же, что у ставки главного командования — «Haupt Quartier».) Офицеры генштаба призваны воплотить идеальное равновесие ума и воли. Наконец, известен и квадрат «трех великих сил» — интегративная формула цивилизации, да и вселенной в целом — «*aequitas mundi*». Она образовалась на основе триады Суворова, но более сложным путем.

Чтобы управлять историей и фортуной, по-суворовски, надо знать, по каким принципам устроен мир и судьба, как они действуют. Г. А. Леер (в 1889—98 начальник Академии Генштаба) поставил вопрос о том, что стратегия нуждается в географическом прикрытии и политическом обеспечении, сама же должна опираться на прочный фундамент- историю.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ТРУДАХ «РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ»

Никифоров Ю. С.

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского*

В современной историографической ситуации ведущей тенденцией развития исторической мысли можно обозначить возрастающее обращение историков к исследовательским подходам других дисциплин. Такие историки как Л. П. Репина и Б. Г. Могильницкий пишут, что «раскрыть сущность исторического явления во всей многослойности и разноаспектности... можно через привлечение установок и методик, наработанных в других дисциплинах». Следовательно, междисциплинарность может быть заявлена как одна из важнейших методологических проблем современной исторической науки. Поставленная проблема требует специального исследования, как теоретическом уровне, так и в сфере историографии.

Яркий пример междисциплинарности в зарубежной историографии — деятельность школы «Анналов». Но, «Анналы» не единственная историческая школа, применявшая междисциплинарный подход. Как нам кажется, перспективным для изучения междисциплинарности является и наследие русской дореволюционной историографии 19—20 веков зарубежной истории, так называемой «русской исторической школы» всеобщей истории. Крупнейшие представители этой школы, такие как Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, А. Н. Савин, И. В. Лучицкий, П. Г. Виноградов, довольно ярко проводили линию междисциплинарного подхода в своих трудах. Особенно рельефно это проявилось в творчестве М. М. Ковалевского, который, по словам А. Б. Соколова, «... выступил не только как

историк, но и в области права, социологии, этнографии и других гуманитарных дисциплин».

Для исследования представляются перспективными ряд аспектов, связанных с междисциплинарным (методологическим) синтезом. Во-первых, тематика и проблематика исследований, выполненных в рамках междисциплинарной парадигмы русскими историками-всеобщниками. Во-вторых, методы, приемы и средства, установки и методики, которые применяли историки в своих специальных и обобщающих трудах. В-третьих, сравнительный анализ междисциплинарных парадигм этих историков внутри «русской исторической школы» и специфика подхода каждого из них («горизонтальный срез»). В-четвертых, компаративный анализ междисциплинарного подхода русской исторической школы в сравнении с современными концепциями методологического синтеза («вертикальный срез»). В-пятых, анализ научного дискурса, повлиявшего на формирование междисциплинарной парадигмы историков «русской школы», или, говоря словами британского историка Дж. Тоша, «...не упустить конкретный интеллектуальный и социальный контекст исторического труда». В-шестых, значение и роль междисциплинарного подхода представителей «русской исторической школы» для развития современной исторической науки.

Линия междисциплинарности (или методологического синтеза) напрямую связана с тематикой исследований историков. Научные интересы ученых стали стимулом в формировании междисциплинарного подхода их конкретно исторических исследований. Выделим существенные черты, отличающие исследовательскую практику «русской школы». Во-первых, глубокий интерес к социальной истории (в особенности, аграрной), «не имевший аналогов в западноевропейской историографии того времени». На формирование такой проблематики историков повлияла и социально-политическая обстановка пореформенной России. С этим же фактором связан и акцент на изучение истории в переломные моменты — реформации и революций (английская и французская). Во-вторых, интерес к исторической динамике — изучению исторических явлений в глубокой перспективе, возможно, предвосхитив глобалистские теории XX века. Стремление показать генезис исторического процесса видно даже из названий работ. Номотетический анализ показывает наличие ключевых лексических единиц, обозначающие процесс движения, таких как «ход»,

«происхождение», «развитие» и т. д. В-третьих, стремление выделить ценное в западном опыте и примерить его к настоящему России. К примеру, Кареев в одной из работ посвящает России целую главу в рамках очерка главных исторических эпох, пытаясь определить ее место в мире и влияние европейского опыта. А Ковалевский проводит прямые аналогии между экономической эволюцией современной ему России и развитием экономики стран Запада начала XIX века (Франции), констатируя общность и различие в формирования капитализма. Представляется возможным выделить несколько дисциплин для изучения их методологического синтеза с историей в творчестве «русской школы»: социология, экономика, право, этнография, антропология, психология, культурология. Остановимся более подробно на некоторых из них.

Наиболее широко междисциплинарный синтез проявился в соединении истории и социологии. Его демонстрировали особо ярко два представителя «русской школы» — Н. И. Кареев и М. М. Ковалевский. Их объединяла позитивистская методология, либеральное мировоззрение и интерес к проблемам развития Запада в новое время с точки зрения социологии. Н. И. Кареев сравнивал здание исторической науки с трехэтажным сооружением, последний этаж которого дает выход на социологию и философию. Он создал собственную версию этико-субъективной социологии, в центре которой личность и 3 стороны духовного бытия человека — ум, чувства, воля. Кареев считал, что психические взаимодействия лежат в основе развития всех сфер жизни общества и его социальных институтов. Социологическая теория Кареева получила развитие в его обобщающих трудах.

Но, если Н. И. Кареев разрабатывал общие теории и гипотезы, то М. М. Ковалевский строил свой оригинальный научный метод (метод генетической социологии), основываясь на обобщении фактического материала конкретно-исторических исследований. Он стремился к объяснению исторических явлений через анализ их происхождения. Этот метод проходит красной линией через целый ряд фундаментальных трудов Ковалевского. Ещё одна «визитная карточка» методологии М. Ковалевского — сравнительно-исторический метод, с помощью которого ученый стремился осуществить познание различных исторических ступеней развития одного явления. Через параллельное изучение фактов общественной эволюции народов историк хотел прояснить общую форму поступательного движения общественной

жизни. Ведущую роль в его теории играло учение о социальном прогрессе, сущность которого он видел в развитии солидарности между социальными группами, классами и народами. Описание, выявление сущности и многообразия солидарности историк считал одной из важнейших своих задач. Социологические представления Ковалевского нашли отражение в его обзорных и теоретических работах. Среди узкоспециальных работ, выполненных в социологическом русле, хочется выделить «Общественный строй Англии в конце средних веков», где через анализ статистики распределения движимой и недвижимой собственности автор выходит на социальную структуру английского общества.

Другим крупным полем приложения междисциплинарного подхода ученых «русской школы» стало взаимодействие истории с экономикой. Здесь, мы особо выделим труды историков-англоведов. Продолжением социологических взглядов Ковалевского стали его работы в духе историко-экономического синтеза, в которых проявляется талант Ковалевского-экономиста. Он приходит к выводам, не потерявшим актуальности и для современности: о росте населения как главном двигателе экономической эволюции. Выделяет эпохи хозяйства непосредственного потребления и менового хозяйства, в которых нетрудно увидеть современные категории натурального и товарного хозяйства; прогнозирует наступление эры глобализации мировой экономики — «... не надо быть пророком, чтоб предсказать наступление всемирного хозяйства, которое пойдет по путям, отличным от наших...». В ракурсе Ковалевского оказываются такие проблемы как эволюция земельной собственности (общинной и частной), цеховой строй, налогообложение. Поражает географический размах автора. Он выходит за рамки Западной Европы, исследуя эволюцию поземельных отношений в Британской Индии, на островах Вест-Индийского архипелага и Американском материке, а также во Французском Алжире.

В центре внимания П. Г. Виноградова и А. Н. Савина — аграрная история Англии в средние века и раннее новое время. П. Г. Виноградов исследовал генезис манора, как социального института на протяжении всех стадий английской истории от кельтов до норманнов. Перу А. Н. Савина принадлежат узкоспециальные монографии, посвященные аграрному вопросу в Англии 16 века. В одной из них ученый на основе огромной документальной базы (прежде всего различ-

ных судебных материалов) исследует различные аспекты разложения феодального строя в деревне, а в другой рассматривает процесс перехода фонда церковных земель в собственность короля. В указанных трудах прослеживается методологический синтез истории и статистики. По удачному выражению Дж. Тоша, «стоило историку заинтересоваться проблемами экономического развития, социальных изменений ... и вопросы численности, процентов приобрели важность, количественный элемент занял свое место в исследованиях».

Еще одна область методологического синтеза «русской школы» — пересечение истории и права. Безусловные лидеры в этой сфере междисциплинарного подхода — П. Г. Виноградов и М. М. Ковалевский. История права, как главный предмет изучения П. Г. Виноградова, понималась им как часть социальной истории и служила средством решения основной проблемы его научных интересов-исследования развития западноевропейского феодализма. Конкретное выражение данный аспект нашел в его сочинениях по истории права в Англии и Европе и обобщающем труде «История правоведения». Ковалевский отдавал предпочтение изучению новой истории и современности с точки зрения развития правовых институтов и идей. Он был сосредоточен на так называемой конституционной истории, включающей историю права и административную историю, которая «в наши дни демонстрирует все признаки второго дыхания». Ученый исследовал происхождение и функционирование английского местного самоуправления, юрисдикцию налогов во Франции, эволюцию институтов управления и власти, также он проследил эволюцию гражданских прав в концепциях мыслителей и европейских конституциях, подверг анализу «Манифест 17 октября», проводя аналогии с западноевропейским опытом. Внимания с методологической точки зрения заслуживает очерк, посвященный историко-сравнительному методу в юриспруденции. Интерес представляют работы Ковалевского по исследованию быта народов через изучение юридических норм кодифицированного права и обычного права в тесной связи с этнографией.

Рассмотренные сферы междисциплинарного подхода, безусловно, не единственные в творчестве историков «русской школы». По справедливому замечанию Дж. Тоша: «История — гибридная дисциплина, и своим очарованием и сложностью обязана тому, что несет в себе черты многих гуманитарных, общественных и естественных наук».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов П. Г.* Государственное право Англии. М., 1888. 158 с.
2. *Виноградов П. Г.* История правоведения. М., 1908. 250 с.
3. *Виноградов П. Г.* Средневековое поместье в Англии. Спб., 1911. 365 с.
4. *Кареев Н. И.* Введение в изучение социологии. Спб., 1897. 418 с.
5. *Кареев Н. И.* Идея всеобщей истории. Спб., 1885. 39 с.
6. *Кареев Н. И.* Историология. Пг., 1915. 320 с.
7. *Кареев Н. И.* Общий ход всемирной истории. Заокский, 1993. 385 с.
8. *Кареев Н. И.* Основные вопросы философии истории. Спб., 1897 455 с.
10. *Ковалевский М. М.* Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения права. М., 1880. 72 с.
11. *Ковалевский М. М.* История полицейской администрации с древнейших времен до смерти Эдуарда II. Прага, 1877. 219 с.
12. *Ковалевский М. М.* Краткий обзор экономической эволюции и подразделение ее на периоды. Спб., 1899. 28 с.
13. *Ковалевский М. М.* Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879. 232 с.
14. *Ковалевский М. М.* Общественный строй Англии в конце средних веков. М., 1880. 396 с.
15. *Ковалевский М. М.* Общее конституционное право. Спб., 1908. 506 с.
16. *Ковалевский М. М.* Опыты по истории налогов во Франции с 14 века до смерти Людовика XIV. М., 1876. 285 с.
17. *Ковалевский М. М.* От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентарной (в 3 тт.). Спб., 1906.
18. *Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии (в 4 тт.). Спб., 1895.
19. *Ковалевский М. М.* Развитие народного хозяйства в Западной Европе. Спб., 1899. 225 с.
20. *Ковалевский М. М.* Русская конституция. Спб., 1906. 48 с.
21. *Ковалевский М. М.* Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном описании. М., 1886. 410 с.
22. *Ковалевский М. М.* Современные социологи (в 2 тт.). Спб., 1997. 415 с.
23. *Ковалевский М. М.* Социология (в 2 тт.). Спб., 1997. 287 с.
24. *Ковалевский М. М.* Учение о личных правах. М., 1905. 42 с.
25. *Ковалевский М. М.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1898 373 с.
26. *Ковалевский М. М.* Экономический строй России. М., 1900. 240 с.
27. *Ковалевский М. М.* Юридический быт генуэзских купцов на Черном море во второй половине XV в. // Сборник статей по истории права. К., 1904 (С.195—229).

28. Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. // Под ред. Могильницкого Б.Г., Николаевой И.Ю., Репиной Л.П. М., 2004. 169 с.

29. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004. 286 с.

30. Савин А. Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. 486 с.

31. Савин А. Н. Английская секуляризация. М., 1906. 577 с.

32. Соколов А. Б. Введение в историографию нового и новейшего времени стран Западной Европы и США. Яр., 2007. 241 с.

33. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. 298 с.

СЕКЦИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДОХРИСТИАНСКОЙ РУСИ

Гурьянчик В. Н.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

По свидетельству летописи, каждое славянское племя занимало особую область: «словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесах; а друзие седоша межю Припятью и Двиной нарекошася дреговичи... Словене же седоша около езера Илмеря...». Каждое племя составляло особое княжение, и оно было независимо от других княжений, имело свое имя, свою территорию, свои органы власти и свою систему права. Область, занятая племенем, называлась «землею»: земля Древлянская, земля Вятичей и т. д. Главный город «земли» по отношению к главным городам назывался «старейшим городом», здесь была резиденция князя.

Субъектами права, согласно обычаям, были: жрецы-волхвы, князья, свободные люди и рабы. Жрецы-вещуны-волхвы-знахарикудесники — лица, обладавшие искусством познавать волю богов. Они не имели у славян значения ни касты, ни замкнутого сословия. Заниматься этой деятельностью мог каждый, кто обладал искусством волхвования. Князья-бояре-старейшны-лучшие мужи были начальниками земель, волостей и городов.

Людьми называлось все свободное население городов. Горожане занимались преимущественно земледелием, однако знали и другие промыслы. Каждый горожанин мог быть земледельцем, купцом, ремесленником, воином и в случае избрания боярином-князем.

Рабы назывались челядью. Источником рабства был военный плен. Славяне не держали пленников в вечном рабстве, как другие народы, а только определенный срок, по истечении которого пленным предоставлялся выбор: откупиться, вернуться на родину или оставаться

в качестве людей свободных. Категория рабов не была многочисленной. «С рабами они (т. е. руссы) обращаются мягко, часто отпускают их на волю...» — писал об этом Прокопий Кесарийский.

Главные проблемы решались не начальниками, а народными собраниями — вече (от вешать — совещание). Новгородское решение призвать Рюрика было принято на вече. Вече существовали во всех городах, но значение органа верховной — государственной власти имело вече старейшего города племенной земли. Это вече соединяло в себе законодательную, исполнительную и судебную власть.

Становление светского феодального права в Древней Руси было длительным процессом. Его истоки уходят к племенным Правдам восточных славян. Это были обычные правовые системы, предназначенные для юридического регулирования всей совокупности социально-экономических и правовых отношений в каждом племени или союзе племен.

Ко второй половине IX века в Среднем Поднепровье — Русской земле произошла унификация близких по составу и социальной природе Правд этих племен в Закон Русский, юрисдикция которого распространилась на территорию государственного образования славян с центром в Киеве. Данной системой права руководствовались в судебной практике великие киевские князья и контролируемые ими княжеские и местные общинные суды.

Нормы Закона Русского учитывались великими киевскими князьями при заключении договоров с Византией в 911 и 944 годах.

Закон Русский представлял собой качественно новый этап развития русского устного права в условиях существования государства. У древних славян власть гражданская не была отделена от военной. Защищать свое княжение — обязанность всего населения, способного носить оружие. Заранее определялись сигналы военной тревоги и пункты сборов воинов. В военных целях все воители волости делились на сотни и тысячи, состоявшие под начальством сотников и тысяцких.

Рядом с судебной властью веча стояла судебная власть князя, начальника волости, судебное собрание общины, называемое «вечем», «копою» и «громадою». Судебное собрание составляли домохозяева («сходатаи», «общие мужи», «околичные соседи»). Братья и сыновья сходатаев и женщины приглашались в собрание только как свидетели. Суд вершился под открытым небом в центральном селении об-

щины («копище») или на месте совершения преступления. Особым уважением в судах пользовалось мнение «старцев». Руководствовались не письменным правом, а древним вечевым правом. В ряду доказательств играли важную роль клятва и судебный поединок.

Обвинение и защита перед судом, соби́рание доказательств и исполнение судебных решений составляло право и обязанность тяжущихся сторон, потому что ни обвинителей, ни защиты не существовало. Потерпевший от преступления имел право простить преступника («шкодника»).

Закон руссов языческой эпохи давал право обиженному преступлением в некоторых случаях убить преступника до суда. Такими преступниками были: явные преступники, совершившие убийство при свидетелях; воры, пойманные на месте преступления и др.

Праславянские слова: закон, суд, судья, справа, грех, вина, злодей, кара, казнь доказывают, что в далекие времена до принятия христианства имелась система уголовного права, определявшая меру наказания по закону и приговору суда. В договорах с Византией преступление именовалось «проказою» и «согрешением», а преступник — «татем» и «злодеем».

Русское право языческой эпохи позволяло многоженство. Князь Святослав имел двух жен, а князь Владимир имел пять жен и восемьсот наложниц (300 содержались в Вышгороде, 300 — в Белгороде, 200 — в сельце Берестовом). Жены приобретались насильственным похищением, пленением, покупкой, соглашением жениха с невестой и ее родителями.

Жены, приобретенные по договору, пользовались большей свободой в имущественных правах в доме своего мужа. Каждая из них имела право распоряжаться своим имуществом, как при жизни, так и после его смерти, имела равное с мужем право развода. Жены, приобретенные посредством купли-продажи, воровства и грабежа или как военная добыча, по языческому праву были под властью мужа.

Расторжение брака было возможно по обоюдному согласию. Языческий обряд требовал от супругов отправиться к ручью и встать на противоположных берегах. Взявши за концы тонкую ветку, тянуть ее до той поры, пока она не разорвется. У воды совершался языческий брак, у воды он и прекращался.

Взрослый сын женился по указанию родителей, сообразующихся с желанием сына настолько, насколько это желание соответствовало

хозяйственным соображениям семейства. Когда у хозяина не было сына, а была дочь, то он брал себе приемыша, чтобы воспитать его и женить на дочери. По смерти хозяина, если в доме нет взрослых сыновей, все его права по управлению домом переходили к вдове до времени возмужания детей, но без права отчуждения имущества умершего хозяина без разрешения мирского схода. Взрослые женатые и неженатые сыновья по смерти их отца имели право разделить между собой наследство или пользоваться им сообща, оставаясь жить совместно в родительском доме.

При разделе все имущество умершего отца делилось на равные «паи» по количеству братьев, а паи распределялись по жребию. Если братья оставались жить в родительском доме под главенством старшего по рождению или выборного из своей среды, то образовывалась «большая семья» или семейная община. Сестры получали приданое.

Вышеприведенные сведения основываются на обычаях славянских народов, многие из которых нашли отражение в договорах славян с Византией, на богатых археологических и этнографических открытиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Повесть временных лет. М., 1927, С. 12.
2. Российское законодательство X-XX вв. Т.1. М., 1984, С.23.
3. Памятники русского права. Выпуск первый. Под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. С.7—9.

ИСТОКИ ПРИЗРЕНИЯ БОЛЬНЫХ И РАНЕНЫХ ВОИНОВ В РОССИИ: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРОБЛЕМЫ

Белова Е.Е.

*Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы
филиал в г. Ярославле*

В наши дни особое социальное и научное значение приобретает изучение истории дореволюционной российской благотворительности. Проблемы призрения и оказания помощи различным категориям нуждающихся практически не поднимались в советское время. Однако сегодня, когда появились не только те, кто нуждается,

но и те, кто готов им помогать, появляется потребность в научном осмыслении и описании не только современных форм и перспектив развития российской благотворительности, но и её исторических традиций.

Одним из аспектов многогранной истории благотворительной деятельности в России является организация помощи больным и раненым воинам, а также социальная поддержка их семей во время и особенно после военных кампаний конца XIX — начала XX вв. Данная проблема является малоизученной. С одной стороны, поскольку в целом история благотворительности в России долгое время не была предметом изучения исторической науки. С другой стороны, раненые и больные воины — это особая категория нуждающихся, изучению призрения которой не уделялось особого внимания, в силу того, что эти люди оказались в сложной жизненной ситуации в результате служения государству, и таким образом, государство в некоторой степени было в долгу перед ними. Конечно, на дело развития и правильной постановки призрения воинов в значительной степени влияло финансовое и культурное состояние России в различные исторические периоды. В данной работе рассматриваются истоки организации государственной помощи больным и раненым воинам, а также семьям погибших, основы которой были заложены в XVII—XVIII вв.

Первые указания на действительное участие правительства к участи пострадавших на войне и их семей встречаются лишь в XVII столетии. В XVII веке для больных и раненых были устроены больницы и богадельни, их помещали в монастыри на пропитание, давались щедрые денежные и поместные вознаграждения, назначались пособия на лечение ран (своеобразный прообраз единовременных пособий дальнейшего периода развития призрения). Не забывались даже семьи погибших: грамотой 31 марта 1649 г. запрещалось выселять жен — казацких, стрелецких и пушкарских — из дворов их мужей, убитых на службе, взятых в плен или умерших. Несомненно, рассматривая организацию государственного призрения больных и раненых воинов в XVII в., нельзя говорить о системе оказания помощи данной категории, об установлении общих норм, которые можно было бы применить в будущем в аналогичных ситуациях. Все указы XVII в., которые издавались для обеспечения раненых и увечных, рассматривались как награды за известный поход, и право инвалидов

на поместное и денежное жалованье возникало тогда, когда правящие круги считали нужным объявить свою благодарность. Поместное и денежное жалованье, которое давали в XVII веке за раны и увечья, рассматривалось не как вид призрения инвалидов, нуждающихся в государственной помощи, а как награда за совершенные подвиги и полученные раны.

В XVIII веке при Петре I покровительство начало оказываться тем, кто не имел собственного дома и родственников. Таким образом, из почти официального награждения признание перешло в вид правительственной благотворительной помощи неимущим инвалидам. В XVIII в. продолжалось и систематизировалось помещение инвалидов в монастыри и богадельни, назначение отставных раненых на должности разного рода, назначение вознаграждения за раны, как раненым, так и их семьям, помещение на поселение с отпуском земли, денег и с предоставлением льгот в платеже повинностей и др.

Прежде всего, по указу 9 февраля 1710 г. престарелые, раненые и увечные офицеры, урядники, солдаты, признанные в ходе осмотра в военном приказе годными к службе, рассылались по губерниям для обучения рекрут, а те, кто был уже неспособен к службе, отправлялись в богадельни. Вообще, в первой половине XVIII в. правительство заботилось о предоставлении военным инвалидам возможности с пользой для себя и для государства использовать свои силы, умения и опыт. Указы 30—60-х гг. XVIII в. определили должности, которые предоставлялись отставным офицерам, в том числе раненым. Они наблюдали за продажей соли в Уфимской провинции; как людей опытных в ратном деле их направляли для поимки воров и разбойников; грамотные унтер-офицеры и солдаты назначались в должности досмотрщиков петербургской портовой и внутренней таможен; они назначались надзирателями за исправностью дорог, за содержанием мостов, перевозов и прорубей, а также «для смотрения за госпиталями и надзирания за больными» отставными офицерами.

Кроме того, именно в начале XVIII века при Петре I впервые было установлено общее положение о праве раненых и увечных на вознаграждение и лечение за казенный счет, что в свою очередь прекращало практику предоставления вознаграждений по отдельному случаю, вернее после каждого похода. Одновременно развивалось признание

семей раненых, погибших и инвалидов. Ряд нормативных актов (Морской Устав 1720 г., Регламент об управлении Адмиралтейств и флотов 1765 г. и др.) ставил условия и порядок назначения пенсий и единовременных пособий вдовам и сиротам павших воинов. Правда в начале XVIII в. существовали ограничения на выдачу пенсий вдовам и сиротам по возрасту и состоянию здоровья. Старым и больным вдовам выдавалась пенсия в размере 1/3 содержания мужа, а другим (причем лишь достигшим 40-летнего возраста) выдавалось единовременное пособие в размере годового содержания. Кроме того, вдовы теряли право на пенсию, если вторично выходили замуж.

Пенсия за погибшего отца для сирот, не достигших 12-летнего возраста, составляла 3 руб. в год. С 12 лет мальчиков нужно было отдавать в школу и «к определению к военной службе». Девочки по истечении 12 лет, если никто не возьмет их «на собственное призрение», отдавались на фабрики.

Однако к концу XVIII в. ограничения по возрасту и состоянию здоровья вдов и сирот были сняты, а пенсия за мужа или отца достигла размера полного жалованья по его чину. Дети получали пенсию до наступления совершеннолетия. По указу 1803 г. вдовы сохраняли право на пенсию, даже если вторично выходили замуж. Таким образом, пенсия считалась обязанностью правительства в признательность за жизнь, отданную за царя и Отечество.

Указом 1799 г. те офицеры, которые в результате ранения или получения травм становились инвалидами, имели право на получение пенсии, т.н. «инвалидного содержания». Это пособие выплачивалось и тем, кто пострадал во время стрельбы на учениях. Размер «инвалидного содержания» составлял 1/3 часть оклада офицера, получившего ранение.

Но, несомненно, самой популярной мерой призрения больных и раненых воинов в XVIII в. было определение на пропитание и на пострижение в монастыри. Указы 1719 г., 1720 г., 1723 г., 1763 г. устанавливали порядок определения в монастырь. Негодные к службе вследствие ран или старости проходили освидетельствование либо в Военной Коллегии, либо в особых комиссиях в губерниях. Первоначально хотя и существовало ограничение относительно Троицкого Александро-Невского монастыря и Троице-Сергиевой Лавры, всё же выбор обители был предоставлен самим инвалидам. Этот порядок привел к неравномерному распределению призреваемых по мона-

стырям, что в свою очередь отражалось на их содержании. В результате с 1726 г. выбирать монастырь для призрения раненых и больных воинов стал Синод. Женатые и семейные инвалиды, определенные на пропитание в монастырь, жили не в самом монастыре, а поблизости обители. Иногда отставные инвалиды постригались в монашество, но обязательного пострижения не было. С 1736 г. был введен запрет на пострижение, осталось лишь призрение в виде кормления при обителях. Указом 26 февраля 1764 г. отсылка инвалидов в монастыри была окончательно прекращена. По этой реформе «оних военных людей, как гвардии обер и унтер-офицеров и рядовых же, по их из службы отставке, отныне на пропитание в монастыри не посылать...».

Таким образом, закончилось определение инвалидов в монастыри, а взамен усилилось отправление инвалидов на поселение, практиковавшееся и ранее с 1736 г. С 1736 г. указы, определявшие место или порядок поселений, издавались почти каждый год. Нуждаясь на территориях Среднего Поволжья, устьях Оки и Волги в испытанных поселенцах, способных оказать сопротивление «волнующимся инородцам», правительство обратило внимание на инвалидов, т. е. на нижние чины, которые из-за ран и увечий не были способны к строевой службе, но которые были «...в таких ещё непрестарелых годах, что могут на поселении умножать с пользою общую экономию». Поселенцы наделялись участками земли от 20 до 30 четвертей на семью, деньгами на проезд и хлебом, а ссуда на обзаведение составляла от 5 до 10 руб. Офицеры по прибытии на место становились командирами над поселенцами. Для обеспечения безопасности было предписано селиться дворами по 100 и более. К 1758 г. на поселении находилось 3489 человек.

После уничтожения монастырского призрения видную роль стали играть богадельни и инвалидные дома. В одном из наиболее ранних указов XVIII в., датированном 1714 г., содержатся сведения о тех средствах, на которые содержались ранее открытые заведения подобного рода. На содержание раненых и увечных солдат был назначен т.н. «вечный сбор», т. е. сбор со свадеб. До 1714 г. взимали «с первобрачных по 12 копеек, с полуторабрачных по 18 копеек, со второбрачных по 25 копеек, с троебрачных по 30 копеек». С 1714 г. этот сбор был увеличен в 2 раза и использовался на содержание лазаретов, на пропитание и лечение больных и раненых солдат. В 90-е гг. XVIII в. были

построены инвалидные дома в Киеве и Санкт-Петербурге, в начале XIX в. было решено открыть инвалидные дома в Москве, Смоленске, Чернигове и Курске. Реформой губернского управления 1775 г. во многих городах были учреждены Приказы общественного призрения, которым в числе прочего было вверено главное попечение и об инвалидах, причем они призревались на общих основаниях. Ярославский приказ общественного призрения был учрежден в 1777 г., он и занимался призрением военных инвалидов в Ярославской губернии вплоть до 60-х гг. XIX века. В основном призрение заключалось в помещении в богадельню. Отставные военные помещались в богадельни по просьбе Управления Ярославского Губернского Воинского начальника в связи с неизлечимой болезнью, а также «по дряхлости и преклонности лет». Например, в богадельню Приказа общественного призрения рядовой Семён Маслов был принят, поскольку был «... одержим падучею болезнью», а отставной рядовой Иван Челушкин «состоял на казенном содержании, но по своей старости не мог оставаться без присмотра».

Итак, с XVII в. русские государи обращали внимание на судьбу больных и раненых воинов. В начале XIX в. призрение больных и раненых воинов заключалось в помещении их в богадельни и инвалидные дома, в назначении вознаграждений и пенсий инвалидам и семьям погибших воинов, в отправлении на поселение. Однако, общественное призрение инвалидов, больных и раненых воинов к началу XIX в. не сложилось в стройную целостную систему. В обществе по-прежнему доминировали отношения «государь-народ». Лишь к концу XIX века на первый план выходят отношения «государство-личность», и появляются новые организации и общества, вырабатываются новые формы и принципы организации призрения больных и раненых воинов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ярославской области. Ф.83. Оп.1.Д.1332. Л.89 об.
2. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е]. Спб., 1830. Т. 7, 9, 12, 16, 24, 25, 30.
3. Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т.1 — 15.
4. Столетие Военного Министерства. 1802—1902. Спб., 1902. Т. II. Кн.1.
5. Свирина Е. Н. Социальное государство и социальная помощь. //ПИОШ. 2007. № 8. С.48.

ВОПРОС О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЦАМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Корнилова А. С.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Тема русского религиозного раскола (старообрядчества) является одной из интереснейших и сложных тем в отечественной историографии. Раскольническое движение представляет собой чрезвычайно многогранное и противоречивое явление не только в религиозной, но и в социально-политической жизни России. В этой связи старообрядчество неизменно привлекало к себе внимание светских чиновников, церковных деятелей и историков-исследователей. Выделяются следующие направления в историографии вопроса:

- церковная дореволюционная историография;
- светская дореволюционная историография;
- советская отечественная историография;
- современная отечественная историография;

Прологом к изучению старообрядчества и его взаимоотношений с властными структурами явилась церковная дореволюционная историография. Широкую известность у исследователей получили труды таких авторов как, например, Д. Ростовский (Туптало), митрополит Макарий (Булгаков). В их работах дается подробное описание истории раскола, присутствуют попытки анализа причин его возникновения. Однако данное направление историографии грешит своей тенденциозностью и ярко выраженным стремлением показать старообрядчество не в лучшем свете, а труды вышеупомянутых авторов носят миссионерский характер. Можно сказать, что появление подобных сочинений как таковых является отражением государственной политики, ибо власть светская и власть духовная ставили своей целью побороть раскол.

Светская дореволюционная историография берет свое начало в середине XIX века. Именно в рамках данного направления старообрядчество стало рассматриваться как оппозиция правительству. В исторической литературе того времени достаточное внимание уделялось эпохе Николая I (1825—1855 гг.), когда наметился возврат к репрессивным мерам в отношении староверов. В. В. Кельсиев писал, что «вера, более всего доступная народу, служит ему предлогом вести

чисто политическую борьбу». О старообрядцах он пишет, что «по всей Великой России ... расходятся селения недовольных настоящим правительством», где с ним (правительством — прим. авт.) «идет вечная глухая война, в каждом доме потаенные ходы и ... тайники, полиция на подкупе, агенты по всей России». В труде В. В. Кельсиева содержатся сведения из секретных записок, дневников светских чиновников, исследовавших раскол на местах (в частности, в Ярославской и Костромской губерниях). Автор также описывает меры правительства против раскольников неблагонадежной Черниговской губернии (например, организация особой полиции за счет усиления налогового гнета в отношении самих же раскольников).

В изданиях, посвященных деятельности высших органов власти, имеются ссылки на время правления Александра I (1801—1825 гг.) как на «золотой век русского сектантства», когда «правительство преследовало лишь нарушение раскольниками законов и кроткие меры поучения породили наглость раскольников». Описания государственных мер против раскола в николаевское время и сравнительные характеристики политики двух русских императоров первой половины 19 века можно встретить в трудах К. Плотникова, Н. К. Шильдера и многих других авторов.

Отдельные аспекты государственной политики, касающиеся арестов, тюремного заключения, ссылок и вопросов заключения браков у раскольников и т. п., нашли свое отражение в сочинениях И. Нильского, М. Колчина, А. С. Пругавина. В трудах А. П. Щапова расколу придавался характер социально-экономического движения, обусловленного духовными и светскими притеснениями. Этот тезис вызвал большой резонанс среди представителей либерально-демократической интеллигенции, таких как, В. В. Андреев, А. С. Пругавин, И. И. Юзов (Каблиц). Пругавин писал, что «раскол составляет крупное явление народного умственного прогресса». Не остался в стороне и видный русский историк Н. И. Костомаров, которому принадлежат следующие слова: «... раскол был едва ли не единственным явлением, когда русский народ ... в целых массах ... показал ... деятельность в области мысли и убеждения. Раскол расшевелил спавший мозг русского человека».

Не только историки интересовались судьбами старообрядчества, но и правоведы. В конце XIX — начале XX вв. их внимание привлекало правовое положение старообрядцев в России. В тот же период

времени ярославские краеведы вели изучение повседневной жизни местных староверов. Так, в свет вышли очерки В. И. Лествицына, Л. Н. Трефолева, А. А. Титова и др.

В советский период проблемы старообрядчества не являлись приоритетными в отечественной исторической науке. Свою роль сыграли атеистическая пропаганда и существовавшая идеология. Но, уже начиная с середины XX века наметилась тенденция дальнейшего изучения различных аспектов отношений государства и раскола. Старообрядчество рассматривалось как антифеодальный протест в трудах В. Г. Карцова, А. И. Клибанова, В. Ф. Миловидова.

Особого внимания заслуживает школа академика Н. Н. Покровского, исследовавшая в 1970—80-е гг. старообрядчество русского Севера, Урала и Сибири. Ученые данной школы акцентировали свое внимание на политической роли раскола, истории его взаимоотношений с властью, староверие изучалось ими как форма общественного сознания.

В рамках современной отечественной историографии рассматривается широкий круг вопросов: традиции старообрядчества, его экономическая деятельность (купечество) и т. д. Особую значимость приобретает проблема эволюции и осуществления на практике государственной политики в отношении старообрядцев. Противостояние раскола и власти светской и духовной в разные периоды истории рассматривали О. П. Ершова, А. С. Ряжев, Ю. Д. Рыков, И. Д. Боченкова, Д. А. Балалыкин.

В заключении нужно отметить, что каждое из указанных направлений, внося неоценимый вклад в отечественную науку, подготавливало почву для зарождения последующих. Разрабатывались новые теории и концепции изучения старообрядчества, накапливался богатейший источниковый материал, т. е. можно смело утверждать, что русский раскол довольно хорошо изучен специалистами. Однако тема государственной политики по отношению к старообрядцам в первой половине 19 века, особенно в Верхнем Поволжье, не становилась предметом специального исследования даже в современной историографии. Информацию по данной теме мы можем получить из сочинений, посвященных внутренней политике императоров Александра I и Николая I, или касающихся непосредственно раскола. Данное обстоятельство предоставляет благоприятную возможность для изучения этой страницы истории русского старообрядчества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ростовский Д.* (Туптало). Розыск о раскольнической брынской вере, о учении и о делах их, в котором показано, что вера их не права, учение их душевредно и дела их не богоугодны. М., 1846.; *Макарий*. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. Спб., 1855.

2. Сборник правительственных сведений о раскольниках. Сост. *В. Кельсиев*. Выпуск 2. Лондон, 1861., С.3.

3. Исторический обзор деятельности комитета министров. Т. 1., сост. *С. М. Середонин*. Спб., 1902. С. 593—594.

4. *Плотников К.* История русского раскола, известного под именем старообрядчества. Петрозаводск, 1898; *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Том 1. Спб., 1903; История христианской церкви в XIX веке. Том 2. Православный восток. Петроград, 1901; *Корнилов А. А.* Курс истории России в XIX веке. М., Высшая школа. 1993; Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. Т. 51. Спб., 1899.

5. *Нильский И.* Семейная жизнь в русском расколе (исторический очерк раскольнического учения о браке). Выпуск 2 (царствование императора Николая I). 1869; *Колчин М.* Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в 16—19 вв. Исторический очерк. М., 1908; *Пругавин А. С.* Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. К вопросу о веротерпимости. б.г.

6. *Щапов.А. П.* Земство и раскол. Спб., 1862.

7. *Андреев В. В.* Раскол и его значение в народной русской истории. Спб., 1870; *Пругавин А. С.* Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905; *Юзов И.И. (Каблиц).* Политические воззрения староверия. // Русская мысль. 1882. № 5.

8. *Пругавин А. С.* Раскол и сектантство ... С.12.

9. Костомаров Н. И. История раскола у раскольников. //Вестник Европы. 1871. № 4. С. 460.

10. *Ранп Е. К.* Русский раскол и законодательство (меры с начала текущего столетия). //Вестник Европы, 1880. № 4,5; *Формаковский В.* О противогосударственном элементе в расколе. //Отечественные записки, 1866.

11. *Лествицын В. И.* Раскол в Ярославской епархии 40 лет назад. // ЯЕВ. Ч. неофиц., 1886. Стб.173 и др.; *Трефолов Л. Н.* Странники. Эпизод из истории раскола. //Труды С К. Вып. 1. Ярославль, 1866. С. 155—268; *Титов А. А.* Раскол в Ярославской губернии в первой половине XIX столетия // Ярославская старина. Вып. 5. Ярославль, 1890. С. 13—48.

14. *Карцов В. Г.* Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Ч. 1—2. Калинин, 1971; *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977; *Миловидов В. Ф.*

Старообрядчество и социальный прогресс. М., Знание. 1983; *Катунский А. Е.* Старообрядчество. М., Политиздат. 1972.

15. *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев. Новосибирск, 1974; *Пихоя Р. Г.* Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (кон. XVII-XVIII вв.). Свердловск, 1987.

16. *Ершова О. П.* Раскол и власть. (Отношения государства и старообрядчества в 50—60-е гг. XIX в.). Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. истор. наук. М., 1991; *Ряжев А. С.* Государственная политика по отношению к старообрядцам-переселенцам из Речи Посполитой во второй половине XVIII в. // Сословия и государственная власть в России. XV- середина XIX века. Ч. 2. М., 1994. С. 70—77; *Рыков Ю. Д.* Новонайденная повесть о разорении иргизского Средне-никольского монастыря в 1837 г. // Старообрядчество в России (XVII- XX в.). Сборник научных трудов. 1999; *Боченкова И. Д.* Государственная политика в отношении староверов в последней четверти XVIII- начале XIX века. (На материалах Ярославского наместничества). Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. истор. наук./ МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1999; *Балалыкин Д. А.* Русский религиозный раскол в контексте церковно-государственных отношений во второй половине XVII века в отечественной историографии. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. истор. наук./ Ун-т Дружбы народов им. П. Лумумбы. М., 2007.

ТРАДИЦИИ ЖИВЫ. ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ ЯРОСЛАВСКОГО КУПЦА ВАСИЛИЯ ЯКОВЛЕВИЧА КУЗНЕЦОВА

Кузнецова О. В.

Государственный архив Ярославской области

В. Я. Кузнецов родился в деревне Добрецово Нерехтского уезда Костромской губернии около 1833 г. Кроме Василия в семье было еще двое детей — Мавра и Платон.

Еще мальчиками Платон и Василий были отданы отцом на службу. Платона отвезли в г. Иваново-Вознесенск к торговке мучными товарами, а Василий попал на службу в Нерехту к торговцу Барсову. Как рассказывают документы, юноша отличался сметливостью, аккуратностью и честностью. Ярославский купец Андрей Григорьевич Сушев, у которого покупал товар Барсов, переманил Василия к себе

в Ярославль, на должность приказчика. Поработав у нового хозяина несколько лет, молодой человек так полюбился Сушеву, что он отдал за него замуж свою дочь Олимпиаду.

Когда тесть умер, Василий открыл свое торговое дело в Ярославле. Первые свидетельства об этом относятся к началу 1860-х гг. В «Ведомости проверки торговли и промыслов купцов и мещан г. Ярославля», датированной 1863 г., сказано: «Временный третьей гильдии купец Василий Яковлев Кузнецов. Имеет одну лавку... В лавке торгует сам купец Кузнецов чаем, сахаром, кофе, бумагой, карандашами, перьями и другими канцелярскими принадлежностями и бакалейным товаром, годовой оборот до 1000 руб.».

Через несколько лет занятия торговлей, заслужив большое доверие у известной московской фирмы «Торговый дом Расторгуевых», Василий Яковлевич остановил свое внимание на чае, сахаре и лампадном (оливковом) масле. Он так умело повел дело, что снабжал этими товарами не только Ярославскую, но и прилегающие к ней соседние губернии. Честность и аккуратность, точность и быстрота выполнения заказов и поручений — эти качества работы создали авторитет его фирме.

По мере расширения торговли у В. Я. Кузнецова появилось достаточное количество средств, чтобы приобрести недвижимость. В 1869—1870-х гг. за 2100 руб. им были куплены четыре лавки на ул. Казанской, в которых организована торговля мукой. В 1881 г. у ярославского мещанина П. А. Курочкина за 1500 руб. был приобретен дом в г. Нерехте. По купчим 1872 и 1895 гг. В. Я. Кузнецову отошел двухэтажный каменный дом в Москательной ряду (ныне — ул. Нахимсона), а также несколько каменных лавок и палаток; сумма этой сделки составила 10 тыс. руб. На основании договора с крестьянами деревни Жабино Троицкой волости Ярославского уезда и по купчим 1891 и 1896 гг. Василий Яковлевич стал владельцем 500 десятин земли.

Вскоре у Кузнецова умерла первая супруга, и он женился на дочери ярославского купца Максима Григорьевича Кузнецова — Елизавете. Однако детей у Василия Яковлевича не было ни в первом, ни во втором браке. Тогда Кузнецов обратился к родному брату Платону Яковлевичу Кузнецову и сестре Мавре Яковлевне Говоровой с предложением отдать ему как бы в приемные сыновья племянников-погодков Василия и Павла.

Сделка между родственниками состоялась. Оба мальчика стали жить и работать в доме В. Я. Кузнецова. По сведениям документов, это произошло во второй половине 1870-х гг.

По воспоминаниям племянников, «характер у хозяина, Василия Яковлевича, был очень строгим и взыскательным. Он был человеком волевым и держался твердых правил в жизни как сам, так и требовал их соблюдения другими. Правила эти были несложными. Первое — это быть честным, то есть уважать чужое; не пить вина, не курить, точно исполнять приказания и обязательно посещать церковь, молиться, соблюдать посты; относиться с почтением ко всем старшим, быть скромным... В своей личной жизни, при всем его богатстве, — а состояние Василия Яковлевича к концу жизни было близко к миллиону рублей, — он был необычайно скромн».

На основании купчих 1889 и 1891 гг. за 9 тыс. руб. у Ярославского Городского общества и ярославского купца Н. А. Друженкова были куплены каменный ветхий двухэтажный дом на Волжской набережной и земельный участок общей площадью свыше 400 кв. саженей. После окончания постройки и отделки особняка на набережной, В. Я. Кузнецов перебрался в новый дом.

Характеристику этого имения дают документы, датированные началом XX в., когда дом уже принадлежал Е. М. Кузнецовой. В квартире владелицы, находившейся на первом и втором этажах, насчитывалось 16 комнат. Жили в них хозяйка, 3 горничные, 2 кухарки. Двухэтажный дом располагал современными по тем временам удобствами: водопроводом, двумя ватер-клозетами, ванной; отапливался особняк духовыми печами. В подвальном помещении, состоящем из трех комнат, проживали кучер, дворник, мальчики. С левой стороны от дома был сад, за садом, в глубине двора — огород. Во дворе располагались конюшня, каретник, дровяной сарай, кладовая.

Как свидетельствуют документы, В. Я. Кузнецов был глубоко религиозным человеком. В 1870—1880-х гг. он являлся старостой Богословской церкви и пожертвовал на ее благоустройство более 25 тыс. руб. серебром. На эти средства в зимнем и летнем храмах был заменен паркетный пол, устроены новые иконостасы с позолотой; для отопления холодного храма поставлены три изразцовые печи; стены церкви и колокольни побелены, заменены крыши на папертях.

В 1880-е гг. В. Я. Кузнецов пожертвовал 6 тыс. руб. на благоустройство и украшение Духовской церкви Ярославского Спасского монастыря.

«За отличное усердие на пользу церкви» Василий Яковлевич был награжден орденом св. Анны 3-й степени и орденом св. Станислава 3-й степени.

В. Я. Кузнецов являлся заметной фигурой в светской жизни города. С 1871 г. и на протяжении тридцати лет он был гласным Ярославской городской думы. С 1889 по 1898 гг. являлся членом губернского податного присутствия; с 1890 по 1898 гг. — директором попечительного о тюрьмах комитета; с 1889 по 1900 гг. — членом Ярославского комитета призрения неимущих; с 1887 по 1900 гг. — попечителем городского Александровского приюта для мальчиков-сирот; с 1894 по 1900 гг. — членом Ярославского управления Российского общества Красного Креста. В 1890-е гг. Василию Яковлевичу было присвоено звание потомственного почетного гражданина.

Кузнецов умер в Ярославле в августе 1901 г. и был похоронен на Леонтьевском кладбище, в склепе, специально сделанном под самой церковью.

За полмесяца до кончины Василия Яковлевича, ярославским нотариусом Зыковым было оформлено духовное завещание. Своей супруге Елизавете Максимовне Кузнецов завещал в пожизненную собственность дом на Волжской набережной, лавки по ул. Казанской, имение в Жабино. Дом в г. Ярославле в Москательном ряду был завещан племяннику Василию Платоновичу Кузнецову, дом по ул. Рождественской — племяннику Павлу Онуфриевичу Говорову. Родной сестре Мавре Яковлевне завещалось имение В. Я. Кузнецова в г. Нерехте.

Весь наличный и банковский капитал, кроме находившегося на текущих счетах, передавался Ярославскому городскому Александровскому приюту, городской богадельне при Леонтьевском кладбище, в полтора десятка ярославских церквей, в Ярославские монастыри. Племянникам Василию Кузнецову и Павлу Говорову завещалась торговля со всеми товарами, долговые документы, капиталы, находившиеся на текущих счетах. Но самое главное, «...дядя оставил своим племянникам — продолжателям дела — свое честное, уважаемое имя, репутацию коммерческой надежности, а это в торговом деле дороже всего», — так говорится в документах.

Завещание В. Я. Кузнецова поступило на рассмотрение в Ярославский окружной суд 22 сентября 1901 г. и вступило в законную силу 18 августа 1902 г., спустя год после смерти завещателя.

Племянники Василия Яковлевича в 1902 г. основали Торговый Дом «Наследники В. Я. Кузнецова», который просуществовал до 1909 г. и впоследствии был преобразован в фирму «Бельфор», единолично принадлежавшую с 1913 до 1918 гг. В. П. Кузнецову. Василий Платонович, как и дядя, оказался очень предприимчивым человеком. В 1902 г. он основал кондитерскую фабрику в Ярославле, известную ныне как ЗАО «Ярославлькондитер». Павел Онуфриевич Говоров, в отличие от своего двоюродного брата, промотал завещанные дядей капиталы.

Традиции купеческой семьи Кузнецовых живы. Доказательством этого факта служит деятельность музея истории города Ярославля, располагающегося в бывшем особняке Василия Яковлевича на Волжской набережной.

В феврале 2006 г. в музее в рамках проекта «Ярославль — купеческая столица Верхнего Поволжья» состоялась презентация программы «В гостях у купцов Кузнецовых»; была открыта постоянно действующая выставка «Василий Яковлевич Кузнецов и его семья».

Гостей праздника встречала хозяйка дома — Елизавета Максимовна Кузнецова, роль которой превосходно сыграла сотрудница музея. Она провела гостей по экспозиции, рассказывающей о самых значительных событиях в истории города, познакомила с комнатами особняка. Затем в парадном зале второго этажа музея состоялся торжественный прием и бал. По сценарию действия, гости, переодетые в костюмы и платья начала XX в., и изображавшие видных купцов Пастуховых, Оловянишниковых, Гарцевых, Огняновых, чинно обсуждали последние городские новости, высказывали свои мнения по разным вопросам светской жизни. Организаторам программы удалось воссоздать колорит эпохи, сделать обстановку праздника теплой, семейной и незабываемой.

В настоящее время программа «В гостях у купцов Кузнецовых» уже третий год пользуется успехом у посетителей. Для групп иностранных туристов сотрудники музея проводят экскурсию на английском языке.

В канун Нового года в музее для учащихся средних школ проводится праздник «Елка в купеческом доме». Дети знакомятся с жизнью Ярославля конца XIX — начала XX вв. Их ожидают новогодние конкурсы, розыгрыши, игры в фанты, гадания.

В память о посещении музея истории города взрослые и дети — участники программ «В гостях у купцов Кузнецовых» и «Елка в купеческом доме» — получают шоколадный подарок: символическую конфету производства первой паровой кондитерской фабрики В. П. Кузнецова «Бельфор».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ярославской области — ГАЯО. Фонд 230. Опись 3. Дело 2171.
2. Там же. Ф. 346. Оп. 5. Д. 2452; там же. Д. 8829; там же. Д. 5853.
3. Там же. Ф. 501. Оп. 1. Д. 2753; там же. Д. 2752; там же. Д. 2831.
4. Там же. Ф. 509. Оп. 1. Д. 287; там же. Оп. 2. Д. 1708; там же. Оп. 3. Д. 595; там же. Д. 584; там же. Д. 1981. Части 10—11, 33—34, 37.
5. Там же. Ф. 642. Оп. 3. Д. 1329. Л. 197 об-198.
6. Из воспоминаний старшего сына основателя Ярославской кондитерской фабрики Василия Платоновича Кузнецова — Василия Васильевича Кузнецова. — М., 1958. Рукопись.
7. Календарь Ярославской губернии на 1885 г. Ярославль, 1885.
8. Календарь Ярославской губернии на 1887 год. Ярославль, 1887.
9. Календарь Ярославской губернии на 1889 год. Ярославль, 1888.
10. *Кузнецова О. В.* Надежное качество из века в век. 100 лет первой паровой кондитерской фабрики в Ярославле // Ярославский календарь на 2002 год. Ярославль, 2002. С. 22—24.
11. *Кузнецова О. В.* Наследник, не обманувший надежд. К 140-летию со дня рождения В. П. Кузнецова // Ярославский календарь на 2005 год. Ярославль, 2005. С. 35—38.
12. *Кузнецова О. В.* Этапы большого пути. К столетию Ярославской кондитерской фабрики. Ярославль, 2002. С. 6—10.
13. Памятная книжка Ярославской губернии на 1898 год. Ярославль, 1898.
14. Памятная книжка Ярославской губернии на 1900 год. Ярославль, 1900.
15. Ярославские губернские ведомости. — 1901. — 21 августа.
16. Ярославский календарь на 1889 год. Ярославль, 1888.
17. Ярославский календарь на 1890 год. Ярославль, 1889.
18. Ярославский календарь на 1892 год. Ярославль, 1892.
19. Ярославский календарь на 1894 год. Ярославль, 1893.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ КАПТЕРЕВ: ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Осьмачко С. Г.

*Российский государственный гуманитарный университет
филиал в г. Ярославле*

Замечательный русский историк Николай Федорович Каптерев родился 8 июля 1847 г. в селе Кленово Подольского уезда Московской губернии в семье священника. Его мать — Надежда Яковлевна — рано осталась вдовой с восемью малолетними детьми на руках. Нужда заставляла привлекать их к хозяйственным работам по дому, в поле, в огороде. Может быть, уже отсюда берут начало те трудолюбие и упорство, которые позволили братьям Каптеревым (младший брат Николая Федоровича — Петр Федорович является классиком отечественной педагогической мысли) со временем стать замечательными представителями духовной, интеллектуальной элиты России.

Единственным доступным учебным заведением, куда Надежда Яковлевна могла определить своих сыновей, было духовное училище в г. Подольске. После его окончания В. Ф. Каптерев поступил в Вифанскую духовную семинарию, а затем — в Московскую духовную академию, которую и закончил в 1872 г. Впоследствии более тридцати лет творческий путь Николая Федоровича был связан с этим высшим духовным учебным заведением. Вначале он был оставлен при кафедре древней гражданской истории в качестве приват-доцента, а с 1873 г. — доцента. В 1874 г. Каптерев защитил магистерскую диссертацию на тему «Светские архиерейские чиновники в Древней Руси», которая была опубликована в этом же году. Эта первая, и может быть в чем-то еще несколько ученическая, работа историка до сих пор имеет весьма высокий индекс цитируемости (как и все его работы).

Надо сказать, что в то время обучение в академии было рассчитано на четыре года, за первые три года студенты проходили полный курс наук и представляли «квалификационную работу», на основании которой им присваивалась степень кандидата богословия. На четвертый курс допускались лишь отличники, которые готовились к преподавательской деятельности в семинариях. Прежде всего, студентам четвертого курса предоставлялось право выбора специализации; им

так же было необходимо сдать магистерские экзамены и подготовить к публичной защите магистерскую диссертацию. Впоследствии степень доктора богословия присуждалась после защиты соответствующей диссертации и при условии, что соискатель уже был магистром.

В штате каждой духовной академии (всего их было четыре — в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве и Казани) имелись должности девяти ординарных, девяти экстраординарных профессоров, восьми доцентов и трех преподавателей современных иностранных языков. Приват-доцентов могло быть сколько угодно, но на положении внештатных сотрудников.

С 1883 г. Каптерев занимает должность экстраординарного профессора Московской духовной академии. В 1891 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Сношение Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством. 1669—1707 гг.» (опубликована в 1891 г.) и получил степень доктора церковной истории. Не случайно, во многих справочных изданиях Н. Ф. Каптерева называют «историком церкви», хотя, по нашему мнению, в данной квалификации имеет место несомненное сужение значения его научно-исторического творчества, особенно учитывая ту роль, которую Русская православная церковь играла в создании государства российского и пр.

В 1894—1904 гг. Каптерев занимал пост городского старосты г. Сергиева Посада, где и располагалась духовная академия. При его активном участии мужская классическая прогимназия была преобразована в полную гимназию, были открыты женская гимназия и городская больница, построен ряд новых общественных зданий. Николай Федорович много и плодотворно занимался благотворительской деятельностью, организовывал и возглавлял различные социально значимые акции по вспомоществованию нуждающимся, был членом ряда благотворительных обществ.

Эффективная и плодотворная общественно-политическая деятельность Каптерева получила высокую оценку современников, что сказалось, в частности, на его выдвижении в состав депутатов IV Государственной думы (1912—1917 гг.) от партии прогрессистов.

С 1896 г. Николай Федорович являлся ординарным, а с 1899 г. — заслуженным ординарным профессором Московской духовной академии. В это время увидели свет его фундаментальные труды, созданные на основе изучения обширных архивных материалов, в том числе по истории православных церквей Востока («Господство гре-

ков в Иерусалимском патриархате с первой половины XVI в. до половины XVIII в.», опубликована в журнале «Богословский вестник» за 1897 г.), об отношениях Русской православной церкви с православными церквями в XVI-XVIII вв. («Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях», издана в 1895 г. в Москве, удостоена Уваровской премии Санкт-Петербургской Академии наук), по русской церковной истории («Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов», издавалась дважды — в 1897 и 1913 гг.; «Царь и церковные московские соборы XVI и XVII столетий», опубликована в 10—12 номерах «Богословского вестника» за 1905 г.).

Центральной исторической работой Н. Ф. Каптерева является двухтомное издание «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович», увидевшее свет в Сергиевом Посаде в 1909—1912 гг. и неоднократно переиздававшееся позже. Взгляды Николая Федоровича на раскол в русской церкви, роль в этом Алексея Михайловича, Никона отличались от официальной точки зрения власти, что вызвало запрещение со стороны обер-прокурора Священного Синода К. П. Победоносцева печатать статьи Каптерева о патриархе Никоне.

Н. Ф. Каптерев умер 31 декабря 1917 г. Думается, что его историческое наследие — и на фактологическом, и на аналитическом, и на методологическом уровнях — имеет большое практическое значение в современных условиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Российский Государственный Исторический Архив, Ф. 1278, Оп. 9, Д. 332.
2. Академия наук СССР. 250 лет. 1725—1974 гг. Персональный состав. Книга 1. 1724—1917. М., Наука, 1974.
3. *Архипов И. Л.* Похороненная революцией: Феномен IV Государственной думы (1912—1917 гг.) // Звезда. 2000. № 3.
4. *Вишневский Э.* Прогрессисты на выборах в IV Государственную думу // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1984. № 4.
5. *Каптерев П. Ф.* Избранные педагогические сочинения. М., Педагогика, 1980.
6. Отечественная история: энциклопедия. Т. 2. М., Большая Российская энциклопедия, 1996.
7. Педагогика российского зарубежья. М., Институт практической психологии, 1996.

8. Федоров В. А. Духовное образование в Русской православной Церкви в XIX в. // Педагогика. 2000. № 5.

РАЗРАБОТКА АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКИМИ ЛИБЕРАЛАМИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Ульяновская Е.В.

*Российский государственный гуманитарный университет
филиал в г. Калининграде*

Российские либералы появились в Государственной думе в 1906 году. Одновременно они предложили депутатам законопроекты, решающие коренным образом проблемы, которые стояли перед обществом в ходе первой русской революции. Как известно, наиболее болезненным был аграрный вопрос. Свою аграрную программу они начали разрабатывать с июня 1902 года, когда в Штутгарте вышел первый номер нелегального журнала «Освобождение».

Анализируя опубликованную и неопубликованную переписку между редактором и читателями, можно сказать, что обсуждение данного вопроса выявило два направления внутри формирующегося либерального лагеря. Итогом дискуссии стала статья Ландау Г.А. «К аграрному вопросу», опубликованная в № 9 (33) в октябре 1903 года.

Основной причиной существования в России аграрного вопроса, как и других экономических проблем, являлось, по мнению либералов, самодержавие. Следовательно, освобождение — единственный путь к разрешению аграрного вопроса в комплексе с другими.

Не избег автор дилеммы: по какому пути пойдет дальнейшее развитие сельского хозяйства. Принимая во внимание две существовавшие в то время концепции, было высказано предположение, что сплошное обезземеливание крестьянства и вытеснение крестьянского хозяйства капиталистическими элементами в центральной части России маловероятно и нежелательно по своим социально-экономическим последствиям. Либералам была более близка концепция народников, как и последние, они были убеждены в том, что в свободной России крестьянское хозяйство, дополняемое широким развитием кооперации, с помощью товарищеской взаимопомощи производителей, ока-

жется жизнеспособным и даже, более того, что именно ему будет принадлежать первенствующая роль в земледелии. Община же должна была превратиться в союз свободных крестьян, обладающих правом выхода и входа в нее, и обрести права юридического лица.

Другой стороной решения аграрного вопроса должно было стать юридическое завершение освобождения крестьян, признание их полноправными гражданами со всеми вытекающими отсюда последствиями: предоставлением права свободного передвижения и выбора места жительства и рода занятий, отменой ограничений в правах семейной самостоятельности и личной собственности и пр. Однако, по мнению либералов, эти реформы должны были быть подкреплены рядом мер, устраняющих существующую практику искусственного поддержания дворянства в качестве «опоры престола» за счет крестьян. Государство должно было отменить выкупные платежи — замаскированный выкуп за личную свободу; отменить льготные кредиты, предоставляемые дворянским банком, а также созданные по закону 1902 г. дворянские кассы с новыми льготами; отменить «кормления» земских начальников и освободить от опеки земские учреждения.

Особое место в программе должен был занять земельный вопрос. Рассматривая проблему малоземелья, авторами статьи отмечалось, что причина ее появления кроется в различных по своему происхождению явлениях. В одних случаях оно было создано самими условиями ликвидации крепостного права, «отрезками» и дарственными или четвертными наделами, в других — естественным приростом населения, превысившим емкость сельскохозяйственной территории, возможную при данных условиях земледельческой культуры. Только органы местного самоуправления могут учесть все индивидуальные причины малоземелья и выработать меры борьбы с ними.

С другой стороны, автором статьи отмечалось, что понятие «малоземелье» применительно к России условно. Если сравнивать со странами высокоинтенсивной культуры земледелия, то ни о каком «малоземелье» говорить не приходится. Введение интенсивной технологии обработки земли способно исчерпать эту проблему. Но, как было отмечено, при существующем культурном уровне крестьянина и крестьянского земледелия, а также при существовании непомерной налоговой тяжести, повышение земельной площади даже до максимальных размеров не освободит сельское население от его тяжелого состояния.

Поэтому на третьем месте, после демократизации земельной собственности на основе ее более справедливого и экономически более рационального распределения и облегчения податной тяготы крестьянства, либералы поставили меры по просвещению и агрономическому образованию народа, предоставлению ему льготного кредита и развитию всякого рода кооперации.

Особую роль в решении земельного вопроса авторы статьи отводили государству, которое, по их мнению, должно было содействовать переходу земель в руки трудящихся. Государство могло бы образовать специальный фонд земель для крестьянской колонизации, который включил бы в себя земли, скопившиеся в руках Дворянского банка, государственные и удельные. Кроме того, государство могло бы установить за собой право преимущественной покупки по справедливой оценке всех предполагаемых к продаже земель, а в отдельных случаях применяло бы право принудительного отчуждения, как оно существовало при проведении железных дорог.

Предложенное либералами решение аграрного вопроса учитывала, прежде всего, интересы производителей сельскохозяйственной продукции — крестьян. Ими разрабатывался наименее безболезненный путь развития аграрного сектора при сохранении прав частной собственности на землю. Основную тяжесть по проведению реформ должно было взять на себя государство, но право проведения реформа на местах предоставлялось органам местного самоуправления. Будучи в большей части своей дворянами и землевладельцами, отказываясь от помощи государства в поддержании «оскудевающего» сословия, либералы старались оградить помещиков от покушений на их права частных собственников.

События первой русской революции и усиление «крестьянских беспорядков» в очередной раз привлекли внимание радикальных либералов к аграрной части своей программы. В майском номере «Освобождения» редакция опубликовала аграрную программу, принятую на съезде земских деятелей 24—25 февраля 1905 г. В ней повторялись основные положения, изложенные в предыдущей программе, и добавлялись новые. Земцы требовали признания государственным земельным фондом казенных и частных удельных, кабинетских и монастырских земель и увеличения его путем покупки и выкупа частновладельческих земель, упорядочения условия аренды путем государственного вмешательства в арендные отношения в интересах

трудящегося населения. Требовали они также пересмотра межевого законодательства с целью облегчения, ускорения и удешевления размежевания земель, уничтожения чересполосицы частновладельческих земель, обмена участков и т. п.

В отличие от предыдущей программы, земцы теперь не брали на себя право осуществления аграрной реформы на местах, а предлагали создать общественно-государственные посреднические комиссии, которые бы занялись этой проблемой.

Примечательно, что в этом же номере журнала была опубликована программа «Союз Освобождения», где в сжатой форме излагалась земская программа с одним добавлением: рабочее законодательство должно было распространяться на «земельных рабочих» (батраков) там, где существует наемная форма ведения хозяйства.

Как видим, на протяжении 1902—1905 гг. аграрная часть программы радикального крыла либерализма прошла длительный путь разработки, начиная от признания необходимости решения аграрного вопроса до рассмотрения деталей аграрного законодательства. Принятие такой программы и воплощение ее в жизнь могло бы коренным образом изменить облик русской деревни, наиболее безболезненно снять то накопившееся напряжение, которое достигло своего апогея в годы революции.

Безусловно, это был решительный шаг в сторону капитализации страны, который мог вызвать серьезное противодействие со стороны лишившегося своих сословных привилегий дворянства, но без уступок с его стороны, и это понимали либералы, дальнейший прогресс был невозможен. Однако, как показали дальнейшие события, аграрная программа либералов так и не была принята. С одной стороны, самодержавие и наиболее реакционно настроенная часть помещиков до конца держались своих привилегий и не шли на какие-либо уступки, с другой, — крестьянство, особенно ясно это проявилось в ходе революции, требовало полной конфискации земель, что выразилось в самовольных захватах собственности помещиков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Освобождение. Штутгарт-Париж, 1902—1905.
2. Шацillo К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. Организация. Программы. Тактика. М., 1985.

3. Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 279 — фонд П. Б. Струве и редакции журнала «Освобождение».

РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД ПОДЪЕМА ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Иерусалимский Ю. Ю.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

В период подъема первой российской революции в мае 1905 г., видя нарастание в стране революционного движения и стремясь снизить накал ситуации, съезд земских и городских деятелей выступил с заявлением, в котором призывал императора «созвать народных представителей». На приёме депутации съезда Николай II заявил о намерении созвать выборных от народа. В июле 1905 г. министр внутренних дел А. Г. Булыгин вместе со специальной комиссией по личному указанию Николая II выработал пункт об учреждении законосовещательного органа — Государственной Думы.

На очередном съезде либерального «Союза Союзов» в начале июля было решено бойкотировать будущую Думу.

6 августа были опубликованы «Учреждение Государственной Думы» и «Положение» о выборах. Согласно этим документам в России для «предварительной разработки и обсуждения законодательных предположений» и рассмотрения бюджета создавалась Государственная Дума. Выборы в неё были многоступенчатые, и избиратели делились на три курии: землевладельцы, горожане, крестьяне. Право участия в выборах не получили рабочие, женщины, военнослужащие, учащаяся молодёжь. Чтобы не допустить «неблагонадёжных» в Думу, устанавливался очень высокий имущественный ценз (обладание недвижимым имуществом стоимостью 1.500 руб. — ср. со средней заработной платой рабочего — 15 руб. в месяц) и возрастной — 25 лет.

В условиях нарастания революционного движения уступки самодержавия уже мало кого могли удовлетворить. Меньшевики предложили использовать новый закон для «агитации за истинно народное правительство». Большевики и эсеры также заняли активную бойко-

тистскую позицию по отношению к булыгинской Думе. В результате на время восторжествовала «левоблокистская» тактика.

Некоторые либеральные деятели также высказались за бойкот Думы, однако большая часть либералов поддержала выборы. Их настроения ярко характеризуют воспоминания П. Н. Милюкова: «Я категорически высказался против бойкота булыгинской Думы. Здесь как-никак ... перейдён тот Рубикон, перед которым на полвека оставилась русская политическая борьба. Из акта 6 августа, во всяком случае, вытекает признание существования политических партий, а стало быть, и тех «свобод», которые ... связаны с самим фактом выборов народных представителей». Л. Д. Троцкий резко критиковал за эти взгляды П. Н. Милюкова и П. Б. Струве. Теоретические споры вскоре были разрешены самим ходом событий. Нарастающая революционная волна смела булыгинскую Думу, которая так и не была созвана.

В октябре 1905 г. в стране бастовало примерно 2 млн. человек, при этом процент политических стачек составлял 63%. Исследователи часто цитировали слова В. И. Ленина: «Царизм уже не в силах подавить революцию. Революция ещё не в силах раздавить царизм». Однако они забывали добавить, что появилась эта фраза за несколько часов до подписания Манифеста 17 октября. В оценке ситуации и в умении извлечь максимум выгоды из нее у В. И. Ленина можно поучиться.

В правительственном лагере в это время было две группировки. Одну из них представлял генерал-губернатор Петербурга Д. Ф. Трепов. Основная его идея — борьба с забастовщиками посредством применения военной силы. Печально известный приказ Д. Ф. Трепова «Патронов не жалеть и холостых залпов не давать» вполне характеризовал его действия и убеждения. Однако попытки установить военную диктатуру должны были опираться на армию, а надёжных войск у самодержавия было немного.

Ярким представителем другого течения являлся С. Ю. Витте. Он был сторонником блока крупной буржуазии с царизмом. Основное направление деятельности С. Ю. Витте: сделав уступки, не допустить полного свержения царизма. В. И. Ленин отмечал, что оба правительственных лагеря делали одно дело, но разными тактическими средствами.

Осенью 1905 г. победило течение, возглавляемое С. Ю. Витте. 9 октября он написал письмо Николаю II, в котором говорилось, что

необходимо выступить с инициативой реформ, т. п. лучше уступки сверху, чем революция. Царь колебался. Тогда С. Ю. Витте поддержал дядя царя, великий князь Николай Николаевич. Он приехал с Витте во дворец и заявил, что застрелится на глазах у императора, если тот не подпишет Манифест. Текст документа был уже подготовлен С. Ю. Витте. Николай II, подумав некоторое время, согласился.

Основные положения Манифеста 17 октября 1905 г. заключались в следующем: «1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов; 2. Не приостанавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе ... все классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав ...; 3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей». Как видим, царь решил передать будущему парламенту законодательные функции, бывшие до этого неизменным атрибутом императорской власти. Налицо была явная попытка сбить принятием Манифеста накал революционной борьбы, стремление помешать возможному блоку революционно-демократических сил с либералами.

Вместе с тем Россия сделала определённый шаг к конституционной монархии. В первый момент большинство народа поняло Манифест как основной конституционный акт, как обещание царя править в согласии с народным представительством, как ограничение самодержавия. Этот взгляд находил подтверждение в одобренной Николаем II и опубликованной одновременно с Манифестом объяснительной запиской графа С. Ю. Витте. В ней высказывалось убеждение, что «волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо ... только как результат организованных действий крайних партий, а в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя». Как видим, царь одобрил весьма радикальные положения.

Самодержавие лавировало: председателем Совета министров был назначен С. Ю. Витте, 21 октября объявлена политическая амнистия, уволен в отставку сторонник жесткой линии Д. Ф. Трепов. Но, как

заметил в 1907 г. Д. С. Мережковский в книге «Царь и революция»: «Вам кажется, что мы ... остепенемся, взнуздаемся парламентским намордником, откажемся от социалистических и монархических крайностей и удовольствуемся буржуазно-демократическою лавочкою, вместо града Божьего: так было везде, так будет и у нас ... Пожалуй, и действительно, было бы так, если бы мы не были бы «наизнанку», если бы не наша «трансцендентность», заставляющая нас разбивать голову о стенку, лететь «пятами вверх». Во всяком случае, на конституционной монархии мы не остановимся. Да и не могла бы, если бы даже хотела, русская монархия дать конституцию. Для царя православного отречься от самодержавия значит отречься от православия ...».

Итак, в период подъема первой российской революции 1905—1907 гг. в результате осуществления ряда реформ в России наметился переход от абсолютной монархии к дуалистической монархии парламентского типа.

ЯРОСЛАВСКАЯ И ВЛАДИМИРСКАЯ ТЮРЬМЫ 1914—1917 гг. КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОГО КРИЗИСА

Коняев А. Е.

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского*

Современный российский историк А. Степанский, описывая Россию начала 1910-х гг., назвал это время «эпохой юбилеев». И всё же, по его мнению, «бурный прогресс экономики и культуры резко контрастировал с полным отсутствием прогресса политического. В этой сфере Россия после 1907 года шла назад или, в лучшем случае, топталась на месте». Как заметил в те дни один из оппозиционно настроенных депутатов Государственной думы, «иногда сама государственная система роковым образом подготавливает политическую катастрофу».

Однако заправлявшие во власти консерваторы надеялись, что «военным клином удастся вышибить клин революционный». Войну многие считали выходом из тупика; эти соображения подкреплялись первоначальными успехами русской армии на «германском фрон-

те», вызвавшими всплеск патриотизма и любви к царскому дому. Но едва начались поражения — всё пошло по мрачному сценарию, предсказанному в феврале 1914-го бывшим министром внутренних дел П. Н. Дурново: «революция в самых крайних её проявлениях у нас неизбежна. Начнётся с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнётся яростная кампания против него, как результат, которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги — единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения».

К 1916 г. в стране наступила общая «политическая» криминализация. Сохранились, например, такие свидетельства: в одном провинциальном суде разбиралось дело некоего крестьянина, обвинявшегося в «заочном оскорблении царя». Свидетель — тоже крестьянин — давал показания, как он пытался унять обвиняемого: «Зачем ты, говорю, царя-то трогаешь? Ты его, говорю, не трожь, он тут ни при чём. Ты её ругай...» — «и свидетель, глядя ясными глазами на судей, уверенный в своей правоте и благонамеренности, начал поносить императрицу. Судьи растерялись: хоть заводи новое дело». В целом «ни в одной стране власть не была так дискредитирована, как в России. Политика царизма «готовила» условия для революционного взрыва».

Изменение политической ситуации в полной мере отразилось и на жизни и быте тюремных учреждений.

Стремясь «под шумок» начавшейся войны разгромить революционное движение, карательные органы Российской империи зачастую проводили столь грубую и неумелую политику, что сами порождали новый всплеск революционной активности. В фондах Государственного архива Ярославской области сохранились, например, воспоминания «старого большевика» Пчёлина. Проявив свою революционную активность, по-видимому, ещё в годы первой русской революции и в полной мере «получив своё», к 1915 г. Пчёлин остепенился. Перебравшись в Ярославль и перевезя сюда семью из 4 человек, он устроился токарем на завод братьев Смоляковых. Как он сам пишет, «на заводе с мастеровыми сработался, думаю, заживу теперь снова, мытарства мои кончились, но мечта моя была преждевременна. В середине мая в 2 часа утра пожаловали ко мне неожиданные гости, человек 5, во главе с приставом 2-го участка, произвели обыск, забрали записную книжку, письмо от тов. Морозова из Волонецкой

(видимо, Олонецкой — А. К.) губ., и меня с собой захватили: довели до участка, а потом в Губернскую тюрьму за Романовскую заставу. Просидел суток пять — там не вызывают и на мои заявления за что не отвечают, сижу, думаю: за что, про что сижу — не знаю. Вечером перед праздником, после тюремной всенощной, отпирают камеру, говорят: собирайтесь с вещами. Не понимаю — этап — нет? Прихожу в контору — говорят: выпустить его».

Какова была ответная реакция общества на такие действия власти? Ответ находим, например, в протоколе о столкновении помощника начальника Рыбинской тюрьмы с частными рабочими. Он 22 сентября 1915 г. привёл в тюрьму на обед партию арестантов, занятых на «внешних» работах в Рыбинском порту. Было обнаружено отсутствие двух заключённых; помощник начальника в сопровождении нескольких надзирателей пошёл в порт искать беглых. Одного, прятавшегося в трюме пустой баржи, нашли быстро; при поисках второго подозрение пало на одну из барж, чьи рабочие могли укрывать арестанта. А далее, как сказано в рапорте помощника начальника тюрьмы, «когда я пришёл на баржу № 23, на которой работали вольные рабочие латыши, последние начали кричать, называя меня и надзор кровопийцами и не пускали меня и надзор к осмотру баржи и не дали мне трёх рабочих, которых я хотел задержать для установления личности». Когда, при помощи полиции, баржу всё же удалось осмотреть, никаких следов пребывания беглого там не нашли; трое подозреваемых латышей предъявили подлинные удостоверения личности. А если эти люди были чисты перед законом — что, кроме ненависти к представителям власти, толкало их на открытый конфликт с тюремными служащими?

Или ещё более показательный сюжет. В тюрьмах Ярославля регулярно сидели, за переполнением городской гауптвахты, военные арестанты. Один из них, солдат Новицкий, оказавшийся в Ярославском исправительном арестантском отделении, в январе 1906 написал прошение «господину Воинскому Начальнику г. Ярославлю», где умолял «Ваше Высоко Благородию» «сделать какое-нибудь распоряжение» о переводе назад на гауптвахту или хотя бы в общую камеру с уголовниками — столь тяжёл был для него режим «Коровников».

К началу 1917-го ситуация изменилась коренным образом. «Военные» стали составлять изрядную долю от общего числа арестантов: так, в Ярославскую губернскую тюрьму их только за январь 1917 г.

прибыло, по сохранившимся данным, 26 человек. Военные арестанты, которых теперь пришлось размещать в общих камерах, стали образовывать агрессивно настроенные группировки, с одной из которых столкнулся и.о. начальника ЯГТ, надзиратель с 35-летним стажем Кузьма Никаноров. «4 февраля (1917 г. — А. К.) я был дежурным по тюрьме, — писал он в рапорте. — В 8-м часу вечера пришёл на проверку военных арестантов, содержащихся в камере 6, которые, несмотря на то, что им дали команду «Смирно!», продолжали в моём присутствии смеяться и курить. На моё замечание, что так вести себя заключённым в тюрьме непристойно, они подняли крик и нанесли мне оскорбление словами «С... Кузька!», произнося по моему адресу ругательства площадной бранью».

Впрочем, недовольство сложившейся ситуацией и желание коренным образом её изменить было характерно не только для арестантов. «Политический» Ярославской временно-каторжной тюрьмы А. Ясюкевич описал сцену, совершенно поразившую его. Даже в самом конце февраля 1917 г. арестанты ЯВКТ «конечно, ничего не подозревали о событиях в далёком от нас мире. Единственная газета — надзиратель. Но разве можно от него ждать человеческого слова? Однако 1-го марта на ночной смене в мастерской надзиратель почему-то разболтался с нами и между прочим сказал: «А не знаете ли вы, ребята, новость — наше правительство целиком пошло в отставку. Да, да, правда, правда!» ...Через день мы уже узнали, что свершилась революция и самодержавие свергнуто».

Подобные «неформальные беседы» надзирателей и заключённых вызывались ещё и ненавистью к тюремному начальству, причём ненависть эта была у подчинённых едва ли меньше, чем у «контингента». Ещё в сентябре 1911 г., характеризуя начальника Т. В. Адамова, Ярославское губернское жандармское управление отметило его «несоразмерно строгое отношение к служебным проступкам подчинённых»: «В большинстве случаев провинившиеся надзиратели увольняются им со службы без расчёта, залога и аттестата, не взирая ни на продолжительность, ни на безукоризненность предшествующей их службы. Бывали случаи такого увольнения надзирателей, непрерывно служивших в каторжной тюрьме до 17 лет».

Подобные «завинчивания гаек» происходили и во Владимирской каторжной тюрьме. «До конца 1908 г. режим в тюрьме был сравнительно мягким. Но в конце 1908 года тюрьму стали «подтягивать»,

прежнего начальника — тюремщика старой школы, с оттенком патриархальности, капитана Парфёнова отправили в отставку, назначив на его место уже и тогда довольно известного своим свирепым нравом Гудему». Это назначение уже в 1908 г. вызвало ответную протестную реакцию: при объявлении арестантам о назначении нового начальника централа «старший надзиратель Черенков могучим голосом скомандовал: «Смирно! Шапки долой!». Гудема стоял, наблюдал и как будто чего-то ждал. Через секунду, как бы в ответ на команду Черенкова, из 200 уст вылетело: «Палач! Убийца! Вон!». Сопровождавшие Гудему помощники и надзиратели трусливо бросились бежать, надзиратели на вышках взяли толпу заключённых на прицел».

В марте 1917-го подобная ответная реакция выплеснулась уже на улицы городов. Хорошо известен сюжет, когда в Петрограде разоружённых городских толпа выстраивала в шеренги и вела в Таврический дворец: «Тщи в Думу, а там разберут!». Наспех созданные исполкомы местных советов занялись освобождением «политических» арестантов, в число которых в подавляющем большинстве входили «боевики»; интеллигенция же составляла явное меньшинство. Например, из Владимирского централа 3—4 марта 1917 г. были «властью Владимирского исполнительного комитета» освобождены многие «колоритные» личности. Террорист С. Попов-отставной моряк, в 1908 г. осужденный на 15 лет каторги за «участие в сообществе, составившемся для учинения насильственного изменения в России образа правления, когда это сообщество имело в своём распоряжении средства для взрыва и запасы оружия». Или Я. Митин, в 1906 г. осужденный на 20 лет каторги за «участие вооружённого восстания нижних чинов 2-й роты 31-го пехотного Екатеринбургского полка». В Ярославле на свободу вышел А. Молодов, бывший моряк-черноморец, осужденный в 1905 г. на 15 лет каторги за участие в вооружённом мятеже и разграблении казённого имущества.

...Теперь этим людям предстояло на обломках самодержавия строить новое, справедливое и свободное общество...

* * *

Политика «закручивания гаек» вместо реформирования самодержавного строя, в XX веке ставшего в европейской стране позорным феодальным пережитком, потерпела в России полный и вполне закономерный крах. Нагнетание реакционных мер не привело, да и не могло привести, ни к чему иному, кроме роста общего недовольства

царизмом и желания поскорее избавиться от самодержавного правления и начавшаяся мировая война лишь усугубила ситуацию. Наиболее ярко это отразилось в пенитенциарных учреждениях Российской империи 1914—1917 гг.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 705. О. 1. Д. 5.
2. ГАВО. Ф. 705. О. 1. Д. 40.
3. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 337. О. 1. Д. 211.
4. ГАЯО. Ф. 906. О. 4. Д. 928.
5. ГАЯО. Ф. 936. О. 1. Д. 398.
6. ГАЯО. Ф. 936. О. 1. Д. 478.
7. ГАЯО. Ф. 936. О. 1. Д. 481.
8. ГАЯО. Ф. Р-849. О. 1. Д. 67.
9. *Галаншина Т. Г.* Владимирский централ. М., 2007.
10. История России. 1861—1917. Экспериментальное учебное пособие. // Под общей ред. *В. Шелохаева*. М., 1996.
11. *Коняев А. Е.* Изменение характера взаимоотношений заключённых и надзирателей ярославских тюрем в конце XIX — начале XX вв. // *Ярославский педагогический вестник*. 2005. № 3. С. 115—120.
12. *Кочешков Г. Н.* 1917 год в судьбе России. // *История России с древнейших времён до настоящего времени*. Ярославль. ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. 2000.
13. *Степанский А.* Последнее величие. // *Родина*. 1993. № 1. С. 170; 177—178.
14. *Ясюкевич А.* Накануне Февральской революции. // *На перевале*. 1923. № 8—9. С. 26—27.

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО В 30-е гг. XX в.

Воронова Е. В.

Военная Академия Республики Беларусь

Укрепление административно-командной системы в СССР влекло за собой аналогичные процессы в сфере искусства. Свойственное 20-м гг. содержательное, стилевое и организационное многообразие форм художественной жизни страны (во многом стимулированное

отъездом ведущих мастеров за рубеж) в 30-е гг. было постепенно вытеснено централизованной и заорганизованной «культурной работой партии». Сталинский режим стремился к тотальному контролю и в этой сфере. Достигалось это по двум основным линиям:

а) организационной — через бюрократический контроль за работой мастеров искусств путем их обязательного членства в соответствующих творческих союзах;

б) содержательной — через повсеместное внедрение метода «социалистического реализма», официально объявленного единственным политически выдержанным методом художественного восприятия мира. Официальная трактовка данного метода была: «художественный метод, основным принципом которого является правдивое, исторически конкретное изображение действительности в ее революционном развитии, а важнейшей задачей — коммунистическое воспитание масс. Социалистический реализм стал основным творческим методом в СССР».

В апреле 1932 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций», которое явно отразило стремление организационно унифицировать творческую деятельность в стране. Рекомендовалось (суть — приказывалось) распустить все ранее существовавшие организации и объединения работников искусств и создать единые в масштабах СССР союзы творческих работников (писателей, художников, композиторов, архитекторов и пр.). Уже в мае 1932 г. был создан оргкомитет Союза советских писателей (А. М. Горький), подготовивший к августу 1934 г. I Съезд советских писателей.

Союзы имели высшие руководящие органы, местные организации и руководящие документы. Принадлежность творческого работника к соответствующему союзу рассматривалась как критерий его политической благонадежности и, кроме того, выступала условием материальной обеспеченности художника. Выход из союза влек за собой утрату привилегий (пользование домами творчества, мастерскими, получение аванса для длительной работы и пр.) и полный отрыв от потребителей искусства (прекращение издания, переиздания, выставок, концертов и пр.).

Союзы быстро усвоили стиль деятельности, свойственный советскому чиновничеству. Они бюрократизировались, отрывались от народа, от творческой интеллигенции; становились своего рода «ми-

нистерствами» по делам литературы и искусства, казнившими и миловавшими членов союза «по мановению указующего перста».

Руководство союзов по большому счету само ничего не решало. Оно обычно выполняло личную волю Сталина или уполномоченных им лиц (например, секретаря ЦК партии по вопросам идеологии А. А. Жданова, «ждановщина» и пр.). Считая себя знатоком литературы, Сталин лично подбирал формы интеграции мастеров художественного слова в свою систему: одних он канонизировал (В. Маяковский), других выдвигал на ответственные посты (Н. Тихонов, А. Фадеев), третьих активно поддерживал (В. Василевская, К. Симонов, И. Эренбург, А. Корнейчук). С неугодными же Сталин либо расправлялся (О. Мандельштам, И. Бабель), либо лишал их возможности творить (А. Платонов, М. Булгаков, Б. Пастернак).

Покончивший с собой глава Союза советских писателей Фадеев писал в предсмертной записке: «Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому отдал я жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партий, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли, благодаря попустительству власть имущих... Литература — это святая святых — отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа... Нас... низвели на положение мальчишек, уничтожили, идеологически пугали и называли это — «партийностью».

Те из писателей, кто не пожелал склониться перед сталинистским диктатом, погибли, как, например, Бабель, отказавшийся на суде от выбитых пытками показаний, но все равно расстрелянный. Другие, пусть и талантливые, были вынуждены создавать произведения, далекие от исторической объективности («Поднятая целина» М. Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого и пр.).

Советское руководство большое значение придавало кинематографии. В 30-е гг. были созданы многочисленные фильмы исторической тематики, ставившие целью героизировать сильную личность («Петр I», «Богдан Хмельницкий», «Александр Невский», 1-я серия «Ивана Грозного», «Щорс», «Чапаев» и пр.). Фильмы чаще всего ходульно рисовали богатырей-правителей, создававших могучее государство, ликвидировавших лютыми казнями «подлых» бояр; естественно, что эти правители прославлялись своим народом. Такой подход четко укладывался в логику репрессивного сталинского режима.

Действительную «свободу творчества» показала жесткая критика 2-й серии картины С. Эйзенштейна «Иван Грозный», в которой была предпринята попытка проанализировать трагедию личности царя-тирана, а якобы прогрессивная опричнина изображалась как банда разбойников. Сталин лично давал указания сценаристам и режиссерам (Чиаурели, Довженко и пр.) не только о темах, но и о направлении их разработки, о трактовке образов и др.

9 сентября 1940 г. в ЦК партии состоялся разбор фильма «Закон жизни», сценаристом которого был А. Авдеенко — старый рабочий и, безусловно преданный Советской власти человек. Фильм был разгромлен. Сценариста обвинили в безыдейности, искажении действительности и пр. На замечание Авдеенко, что он не ожидал такого разговора именно в ЦК, ответил Жданов: «Вы разве считаете, что творчество не под контролем партии? Наверное, вы так считаете, что каждый сам себе хозяин, как хочу, так и делаю, не ваше дело, не лезьте в эту область?» Было принято решение, что сценарии фильмов на наиболее важные и ответственные темы должны впредь утверждаться в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП (б).

Еще одним типичным образом кино тех лет был показанный карикатурно, мятущийся интеллигент меньшевистско-эсеровского толка, обязательно уничтожаемый органами НКВД.

Развитие музыкального искусства также подчинялось политическому курсу правящего режима. 17 января 1936 г. «Правда» напечатала статью «Сумбур вместо музыки», в которой содержалась грубая и неквалифицированная критика новаторской оперы «Катерина Измайлова» выдающегося композитора XX в. Д. Шостаковича. Уровень критики выдает следующая цитата: «Это музыка, умышленно сделанная «шиворот-навыворот», так, чтобы ничего не напоминало классическую оперную музыку, ничего не было общего с симфоническими звучаниями, с простой, общедоступной музыкальной речью».

Обвинение в формализме, предъявленное Шостаковичу, основывалось на утверждении, что искусство должно быть понятно народу. А последнему гораздо легче запоминались бодрые, мажорные, легко усваивавшиеся (хотя в чем-то и примитивные) песенки, безусловно, талантливых И. Дунаевского, Б. Мокроусова и пр. Их произведения достаточно сильно влияли на слушателей (романтика, пафос и пр.). Не случайно Дунаевский был дважды лауреатом Сталинской премии.

«Борьба с формализмом» захватила, не только музыку, но и театр («мейерхольдовщина» — в декабре 1937 г. в «Правде» появилась статья «Чужой театр», громившая В. Мейерхольда), литературу («булгаковщина»), изобразительное искусство (критика А. Дейнеки, В. Фаворского, А. Лентулова, К. Малевича, П. Филонова и др.).

В архитектуре наметились тенденции стандартизации, монументальности, увлечения классическим стилем, избытком декора при недостатке удобств (примером могут послужить московские Дом СНК СССР, гостиницы «Москва» и пр.). В это же время уничтожались архитектурные памятники большого историко-культурного значения. 5 декабря 1931 г. несколько направленных взрывов уничтожили храм Христа Спасителя в Москве. На его месте планировалось построить Дворец Советов, но из-за выяснившейся слабости почвы, ее неспособности удержать громадное здание, вместо него был построен открытый бассейн «Москва». В 1934 г. была взорвана Сухарева башня. Был уничтожен Златоверхий собор в Киеве. Под лагеря НКВД использовались монастыри (Сухановский под Москвой, Соловецкий и пр.).

И конечно, во многих произведениях того времени тиражировался сталинский образ.

На совести сталинской руководящей группы — сделки по продаже национального культурного достояния за спиной у народа. Шедевры Рембрандта, Веласкеса, Тициана и др. из коллекций Эрмитажа, Русского музея, музея им. А. С. Пушкина, Музея нового западного искусства, церковные ценности, предметы быта из собственности царской фамилии за бесценок уходили за рубеж. Вырученная валюта направлялась на закупку техники. Сталинистская политика в области искусства отличалась культурной близорукостью, эстетической неграмотностью и утилитаризмом. Ставка на художественную самодетельность (в 1940 г. в СССР насчитывалось около 11 тыс. различных кружков с 2 млн. участников; число колхозных и совхозных театров в 1934—1937 гг. выросло с 23 до 208) не могла преодолеть неблагоприятных тенденций.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Большая Советская Энциклопедия. М., 1957. Т. 4.
2. Культура развитого социализма. Некоторые вопросы теории и истории. М., 1978.
3. Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1988. Ч. I-II.

4. *Осьмачко С. Г.* История государства Российского. Социально-экономические и политические процессы в СССР в конце 20-х — 30-е гг. Ярославль, 1993.

5. Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель. М., 1989.

6. Правда. 1936. 17 января.

7. Советская культура. История и современность. М., 1983.

8. Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1998.

ТРАДИЦИИ И КУЛЬТУРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ XX-го СТОЛЕТИЯ

Старостина И. А.

Московский институт физической культуры и спорта

В конце прошлого века в России происходят существенные преобразования в политической, правовой и экономической сферах в жизни нашего общества. В этот период Россия оказывается в ситуации культурной нестабильности. С конца 1980-х годов и до настоящего времени развернувшаяся трансформация нашего общества создала условия для подъема Православия.

Русская Православная Церковь (РПЦ), занимая активную социальную позицию, транслирует свои представления об актуальных вопросах современности во все сферы общественной жизни.

Период с 1985 по 1991 год можно обозначить как период обновления РПЦ. В это время в действиях руководства Московской Патриархии прослеживается тенденция перехода от робких попыток заявить о своей качественно иной роли на Соборе 1988 года до четкой позиции во время августовских событий 1991 года.

Изменение политической ситуации в стране в этот период и последовавшее формирование принципиально новой юридической базы создали абсолютно новые условия для Русской Православной Церкви и ее взаимоотношений с государством. Важнейшим событием в жизни нашего общества стало празднование в 1988 г. 1000-летия Крещения Руси. Оно превратилось в общегосударственный праздник. Это означало, что власть предержащие начинают новый диалог с церковью, признают ее огромную историческую роль

в судьбе Отечества, ее вклад в формирование нравственных устоев нации.

Событиями большой значимости в жизни Русского Православия в этот период также стали: празднование в 1989 году 400-летия учреждения Московского Патриархата, проведение в 1990 году Архиерейского Собора, Поместного Собора в 1988 и 1990 годах. На них был избран очередной патриарх и определена политика РПЦ в отношении государства в соответствии с новыми правовыми условиями. Эти события вызвали оживление религиозных настроений в стране. Стали публиковаться многочисленные работы, в которых под новым углом зрения анализируются истоки и исторические процессы в русской культуре, корнями уходящие в Православие. Широкое празднование тысячелетия русского Православия и сам факт выживания Русской Церкви позволили многим пересмотреть свои взгляды на ее значение, роль религии и духовенства в историческом плане. Властные структуры также демонстрировали изменившееся отношение к религии. Юбилейный 1988 год принес с собой существенные перемены в церковной жизни. Начиная с 60-х годов одной из самых серьезных проблем церкви было недостаточное количество приходов, которое явно не соответствовало числу посещавших церковь.

В 1986 году Русская Православная Церковь имела 6794 прихода, с 1981 по 1986 год их число уменьшилось на 213, но в 1987 году впервые с середины 50-х годов их количество начало возрастать, а в 1988 году было открыто уже более тысячи новых приходов. Этот процесс продолжался и в 1989 году, к концу его число православных приходов приблизилось к десяти тысячам.росло и число прихожан, расширялся круг людей, сочувствующих Православию. Систематические социологические исследования зафиксировали устойчивый рост числа верующих: по данным Всероссийского центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ), в 1988 году он составлял 18,6%, в 1993 году — 43%. Таким образом, к началу 90-х годов в этой области прослеживалась четкая положительная динамика.

Русской Православной Церкви были возвращены монастыри: Толгский в Ярославской епархии, знаменитая Оптина Пустынь — в Калужской, древняя святыня Руси — Киево-Печерская Лавра. 29 новых монастырей открылось в других епархиях: Московской, Рязанской, Ивано-Франковской, Курской, Кишиневской и Львовской.

Как ранее отмечалось, одним из важнейших мероприятий, приуроченных к празднованию 1000-летия введения христианства на Руси, стал Поместный Собор 1988 года. Его открытию предшествовало Архиерейское Собрание, состоявшееся 28—31 марта 1988 года в Москве в Новодевичьем монастыре, на котором получили одобрение документы, которые предстояло вынести на Поместный Собор. Особо следует отметить доклад архиепископа Смоленского и Вяземского Кирилла.

На Поместном Соборе 1988 года был принят новый Устав Русской Православной Церкви. Важность этого события трудно переоценить. Хотя он и не восстановил во всей полноте ту соборность, которая была принята Собором 1917—1918 гг., но явился крупным шагом в этом направлении, особенно в отношении восстановления канонического положения настоятеля прихода, который ранее лишался всякого права управления приходом правилами, навязанными Церкви советским правительством в 1961 году.

В Соборе 1988 года значительным событием была канонизация девяти святых. Это — Дмитрий Донской (1350—1389 гг.), митрополит Макарий (1482—1563 гг.), Амвросий Оптинский (1812—1891 гг.), иконописец Андрей Рублев (около 1360—1370 гг. — около 1430 г.), церковный писатель и публицист Максим Грек (около 1475—1556 гг.), собиратель и переводчик святоотеческих произведений, возродитель старчества схииеромонах Паисий Величковский (1722—1794 гг.), блаженная Ксения Петербургская (XVIII — нач. XIX в.), богослов епископ Игнатий Брянчанинов (1807—1867 гг.), богослов епископ Феофан Затворник (1815—1894 гг.).

Пожалуй, самым значительным и великодушным актом Собора было примирительное, полное любви и даже кротости обращение его к русским зарубежным церковным обществам, не имеющим литургического общения с РПЦ, объединение которых осуществилось лишь к концу 2007 г. Два года спустя после Поместного собора 1988 года, 3 апреля 1990 года руководство Русской Православной Церкви впервые поставит под сомнение «благополучное развитие» церкви в социалистическом обществе.

Таким образом, начавшийся в 1988 году процесс оздоровления Русской Православной Церкви, постепенного ее высвобождения из-под усиленной «опеки» советских властей, обретения самостоятельности, с самого начала сопровождался нарастающими негативными

процессами. Они были особенно очевидны на Украине, и причина крылась не столько в области теологической (хотя наиболее остро встала именно проблема восстановления «униатства» — Греко-католичества), сколько в области политической.

Национальный вопрос выдвинулся на передний план, национализм, часто в самых крайних проявлениях, начал захлестывать всю страну, этим вопросом были озабочены все народы, в том числе и русский. Особую опасность представляли экстремистские политические группировки, которые пытались использовать религию для обострения межнациональных отношений. При этом все или почти все эти шовинистические группировки причисляли себя к «истинно православным», компрометируя тем самым православную церковь.

Неожиданная и быстрая реализация свободы вероисповедания привела к расколам не только на Украине, но и в других частях бывшего СССР, где присутствовали епархии Московского Патриархата. События августа 1991 года положили конец 73-летнему существованию Русской Православной Церкви в атеистическом государстве. Церковь перестала быть послушным орудием в его руках. Смена общественно-политического строя открыла возможность для свободного развития церкви в условиях зарождающейся демократии и процессе становления правового государства.

Период с 1985 по 1991 год вошел в историю как период обновления Русской Православной Церкви. Это время определило тенденцию перехода к ее качественно новой роли в жизни нашего Отечества.

* * *

Таким образом, делая выводы, целесообразно отметить, что в конце XX-го века в России происходят существенные преобразования в политической, правовой и экономической сферах, которые создали условия для подъема Православия. Смена общественно-политического строя открыла возможность для развития церкви в условиях развивающейся демократии и рамках становления правового государства.

Важнейшими событиями уходящего столетия стали празднование 1000-летия Крещения Руси, проведение Архиерейского и Поместного Соборов, на которых была определена политика РПЦ по отношению к государству в соответствии с новыми правовыми условиями.

В эти годы Русская Православная Церковь стала ориентироваться на дальнейшее освоение христианского догматического учения

в жизни нашего общества и плодотворное участие в традиционном воспитании православных христиан.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Согрин В.* Политическая история современной России. 1985—1994 гг.: От Горбачева до Ельцина. М., 1994. С.91—108.
2. *Цыпин В.* История РПЦ 1917—1990 гг. М., 1990. С.192—193.
3. *Уолтер Лакер.* Черная сотня. Вашингтон, 1994. С. 303.
4. Русская мысль. 1988. 20 мая.
5. Московский церковный вестник. 1990. Ноябрь. № 25. С.1.

РУССКОЕ БОГОИСКАТЕЛЬСТВО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

Маслехин В. Л.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

В изломах и муках затянувшихся преобразований Россия завершила XIX столетие. Ни в одном классе, ни в одном сословии не было примиряющего начала: вражда сжигала сердца и озлобляла умы. Интеллигенция, по выражению Н. Бердяева, раскололась на две расы: на одном полюсе сконцентрировалась культурная элита, жаждавшая мистических тайн и религиозных откровений, на другом — силы революции, вдохновляемые идеями русского радикализма и марксизма. Это были будущие богоискатели и большевики.

После В. С. Соловьева Николай Александрович Бердяев (1874—1948), несомненно, самая крупная величина в философии русского духовного ренессанса. Он приобрел широкую известность задолго до своей высылки из Советской России в 1922 г. Его отход от «легального марксизма» совершился быстро и безболезненно. Н. Бердяев никогда не был фанатиком какой-либо одной идеи, одного культа. Даже войдя в храм, он не смог просто остановиться перед алтарной преградой в молитвенном послушании. Душа его жаждала не веры, но знания, он и в религиозной жизни хотел сохранить свободу искания, свободу творчества. Неслучайно свою первую книгу он назвал — «Смысл творчества» (1916 г.). К ней примыкает целая серия его эмигрантских трактатов: «Философия свободного духа. Проблематика и апология

христианства» (1927 г.), «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931 г.), «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» (1939 г.), «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» (1941 г.) и др.

Ум Н. Бердяева был всецело поглощен экзистенциальным интересом к человеку. Однако его волновала не столько трагедия человеческого существования, сколько свобода человеческого творчества, он вдохновлялся не сопереживанием, а антроподицеей — оправданием человека в творчестве и через творчество. Антроподицея, согласно Н. Бердяеву, это третье антропологическое откровение, возвещающее о наступлении творческой религиозной эпохи. Творчество не оправдывается и не допускается религией, а само является религией. Его цель — искание смысла, который всегда находится за пределами мировой данности. Творчество означает возможность прорыва к смыслу через бессмыслицу. Смысл, в свою очередь, есть ценность, и потому ценностно окрашено всякое творческое стремление. Творчество создает особый мир, оно продолжает дело творения, уподобляет человека Богу-Творцу.

Н. Бердяев называл человека «экзистенциальным центром» мира, наделенным свободой. По его мысли Бог-Творец всемогущ над бытием, но не обладает никакой властью над небытием, над несотворенной свободой. Эта бездна первичной свободы, изначально предшествующей Богу, является источником зла. Н. Бердяев не возлагал ответственность за зло в мире на Бога. Но он в равной мере не принимал христианскую схему, укоренявшую зло в самом человеке. Предпочитал абсолютизировать свободу, отделить ее от Бога и человека, чтобы тем самым онтологизировать зло, погрузить его в добытийственный хаос. Это отрывало путь к гармонизации бытия, которая осуществлялась с помощью творчества. Но поскольку творчество также происходит из свободы, то противоборство зла и творчества составляет сущность новой религиозной эпохи — эпохи «третьего откровения».

Эта мировоззренческая схема определяла подход Н. Бердяева к отечественной духовной традиции, который наиболее полно представлен в его трактате «Русская идея». Опубликованный впервые в Париже в 1946 г., трактат не является собственно историко-философским сочинением, хотя тема его — Россия, русская мысль. Н. Бердяев вообще отвергал историю в качестве верифицируемой реальности; для него любая объективация, в том числе историческая, имела минимальную

познавательную ценность. В истории он усматривал лишь конечную цель, эсхатологию, что позволяло декларировать примат свободы над бытием, личности — над историческим временем. Его интересовала не Россия сама по себе — в ее духовных и политических реалиях, а то, что «замыслил Творец о России». Следуя за В. С. Соловьевым, Н. Бердяев признавал, что идея нации есть не то, что она сама о себе думает во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности. Он воспринимал историю как чистое творчество, свободное волеизъявление ума. Он созидал историософию России, не утруждая себя ни логикой, ни доказательствами. В основе его концепции — не достоверный факт, а интуитивный тезис о саморазорванности, противоречивости русской души.

Русский народ, по Бердяеву, представляет собой «совмещение противоположностей» — как заимствованных, привнесенных извне, так и местных, порожденных непосредственно стихией национальной жизни. На одном полюсе — изначальное язычество, дионисийность, на другом аскетически-монашеское православие, церковь. Их постоянная борьба в течение веков способствовала развитию особого «творческого религиозного сознания», составляющего сущность русской идеи. Это религиозное сознание охватывает все направления отечественного любу мудрия — масонов и декабристов, славянофилов и западников, анархистов и даже русских марксистов. Все они выражали идеалы, соответствующие характеру и призванию русского народа, его самобытной религиозности. В статье, открывающей сборник «Душа России», Н. Бердяев указывает на антиномичность русского национального самосознания, раскрытие которой позволит подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России. Он выделяет несколько таких антиномичных пар.

Антиномия — 1. Россия — самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ — самый аполитичный народ в мире. Антитезис. Россия — самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю.

Антиномия — 2. Россия — самая не шовинистическая страна в мире. Народу русскому свойственно национальное бескорыстие. Россия призвана быть освободительницей народов. Антитезис. Россия самая националистическая страна в мире, страна невиданных

эксцессов национализма, страна, в которой все национализировано плоть до вселенской церкви.

Антиномия — 3. Россия — страна безграничной свободы духа, страна искания Божьей и социальной правды, страна мученичества за идею. Россия не приспособлена к материальному и духовному благополучию, в ней нет дара создания средней культуры. Антитезис. Россия — страна неслыханной жуткой покорности, страна, лишенная прав личности и не защищающая достоинства личности.

Корень этих и других антиномий Н. Бердяев видит в экзистенциальных особенностях русской души. В превалировании в ней женского начала, в отличие от мужественного, характерного для духа европейских народов, прошедших школу рыцарства и монашеской аскезы. Отсюда терпение, покорность судьбе, переходящее в апатию и лень. Второе основание антиномичности развития России Н. Бердяев видел в срединном положении России между Востоком и Западом. Россия не может противопоставлять себя Западу, равно как и стремиться стать Западом. Россия должна сознавать себя Востоко-Западом, ее призванием является соединение двух миров, а не разъединение их.

Умудренный опытом второй мировой войны, из которой Россия вышла с честью, Н. Бердяев в конце жизни обращается к русской идее в работе с идентичным названием. Его «русская идея» предстает как «целостное, тоталитарное миросозерцание», «принципиально свободное в путях познания». В этой тоталитарности (всеобщности) проявляется ее религиозный характер, более того — она вообще оказывается новой формой религиозной философии. Н. Бердяев отмечал, что для религиозного философа откровение есть духовный опыт и духовный факт, а не авторитет; его метод интуитивный. Религиозная философия предполагает соединение теоретического и практического разума, достижение целостности в познании. Это есть познание совокупностью духовных сил, а не одним разумом. Русская религиозная философия особенно настаивает на том, что философское познание есть познание целостным духом, в котором разум соединяется с волей и чувством, и в котором нет рационалистической рассеченности.

Данное ограничение разума не имело ничего общего с агностицизмом. В бердяевской теории целостного знания интуиция не просто восполняла недостатки рационального познания, а обнажала в нем человеческое начало, воплощающееся в свободе выбора, в волеии.

Учение Н. Бердяева получило широчайший резонанс в русской духовности, включив в сферу своего влияния все направления отечественной мысли XX в. Оно по праву имело мировое значение. К голосу Бердяева действительно прислушивались во всем мире.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н. А.* Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века //Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб., 1992.
2. *Ермичев А. А.* Три свободы Николая Бердяева. М., 1990.
3. *Зеньковский Н. А.* История русской философии. Л., 1991. Т. II. Ч.2.
4. *Замалеев А. Ф.* Курс истории русской философии. Учебное пособие для гуманитарных вузов. М., 1995.
5. *Новикова Л. И., Сиземская И. Н.* Русская философия истории. М., 1997.
6. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Зацепина О. И.

Ярославская государственная сельскохозяйственная академия

Мы полагаем, что в современных условиях общественного развития наибольшего внимания заслуживают вопросы реализации принципов индивидуальной свободы, правового равенства граждан, их самостоятельности и самоорганизации. Необходимо отметить, что взаимоотношения между государством и человеком в России исторически складывались неоднозначно и крайне противоречиво.

Мы придерживаемся точки зрения, что, несмотря на все трагические и даже, катастрофические эпизоды этих отношений, нельзя однозначно утверждать, что российское государство на протяжении всей своей многовековой истории играло крайне негативную роль по отношению к человеку. Президент РФ В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ еще в 2003 г. отметил, что великая Россия — это не только великое государство, но, прежде всего, —

«современное, развитое общество, которое само по себе не возникает» [1].

Так, например, высочайший манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и Указ «О временных правилах, об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. впервые провозгласили «незыблемые основы гражданской на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», законодательно допустили деятельность различных, в том числе, и оппозиционных, политических образований.

Интересный материал приводится в работе Глушковой С. И. «Права человека в России». Автор в сравнении показывает, как в программах ведущих политических партий периода 1905—1917 гг. были отражены требования прав и свобод человека [2]. Если кадеты придерживались необходимости установления государственных гарантий основных прав и свобод человека, то «Союз 17 октября» отрицал требования свободы совести, права петиций, политического и гражданского равноправия, свободного культурного самоопределения. Эсеры игнорировали право на свободу вероисповедания, право на петицию, право на личную свободу, право на политическое и гражданское равноправие, обеспечение их судебной защитой. Большевики резко выступали против свободы слова, права петиций, личной свободы, политического и гражданского равноправия, обеспечения их судебной защитой.

Поэтому взаимоотношения советского государства и общества строились по принципу «суверен — вассал». Принятый II Всероссийским съездом Советов 25 октября 1917 г. Декрет о Советской власти отразил принципы прямого государственного руководства обществом и коллективизма в пользовании гражданскими правами, но не закрепил принципы охраны государством прав и свобод человека и подотчетности исполнительной власти перед народом.

Анализируя первую российскую Конституцию можно констатировать, что она закрепила полновластие советов как сугубо централизованной системы (вышестоящий мог отменить любое решение нижестоящего), а Всероссийский съезд Советов и ВЦИК имели право брать к своему ведению все вопросы по своему усмотрению [3].

Особенность Конституции СССР 1936 г. состояла в том, что для нее все граждане были равны в своих правах. Не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное

положение, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе. Однако эти положения не были реализованы в политической практике. Многие семьи и по сей день сохраняют генетическую память о репрессиях 1937 г., происходивших по прямым санкциям государства, и, как следствие, отождествляемых с целенаправленной государственной политикой.

В Конституции 1977 г. находят отражение общепризнанные международные принципы прав и свобод человека и гражданина. Это связано с тем, что СССР стал участником ряда международных конвенций. В соответствии с целями коммунистического строительства граждане СССР имели право объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самодеятельности, удовлетворению их многообразных интересов. Но на практике реализовывался разрешительный порядок создания общественных объединений и организаций, что, существенным образом, ограничивало самодеятельность населения.

В Конституции РФ 1993 г. декларируется: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства [4]. Таково официальное отношение современного российского государства к реализации принципов индивидуальной свободы, правового равенства граждан, их самодеятельности и самоорганизации.

В то же время в массовом сознании происходит некая «селекция» жизненных и ценностных приоритетов, когда главными «болевыми» точками общественной жизни становятся уровень жизни населения и проблемы безопасности граждан. Исследования, проведенные Институтом комплексных социальных исследований РАН, показали, альтернатива «права и свободы — порядок» делит общество почти поровну (по 45%), причем одни готовы во имя порядка жертвовать правами и свободами отдельных групп общества, другие считают неукоснительное соблюдение прав и свобод неотъемлемой частью самого порядка. При этом около трети россиян по оценкам специалистов можно отнести к зоне «дискриминационного риска» [5].

Возможно, причины происходящего скрыты в том, что на практике российская государственность не всегда в состоянии обеспечить осуществление личностью своих законных интересов. Гражданам, чьи права нарушены самим государством, его органами и должностными лицами, порой сложно добиться справедливости, выполнения своих

законных требований. Вероятно, сказывается здесь инерция самого государства, государственного аппарата, сформированного в основном еще в «старые, добрые» застойные времена. Кроме того, немало-важный фактор — господствующий патриархально-поданнический тип политической культуры самих граждан. Вышеназванные факторы в силу известных историко-правовых причин сильно укоренились и в правовом сознании россиян, и в реальной государственной практике. Поэтому так важны позитивные изменения отношения государства к человеку.

Например, статистика дел Тутаевского городского суда Ярославской области (единственного суда на весь муниципальный округ) показывает, что, во-первых, количество гражданских дел преобладает над уголовными; во-вторых, в период 2002—2005 гг. поступление количества жалоб возросло, в-третьих, больше всего заявлений касается жилищных споров, чуть меньше дел о лишении родительских прав, имеют место в производстве дела о признании договоров недействительными, восстановлении права собственности на имущество, а так же о восстановлении права пользования и распоряжения имуществом. Жилищные споры рассматриваются в большом количестве, а так же имеют место дела о восстановлении права владения и пользования имуществом. Эта статистика свидетельствует, что граждане обращаются за защитой своих прав в судебные органы власти и рассматривают их как важный механизм обеспечения их конституционных прав и свобод.

Одним из важнейших направлений повышения ответственности государства за обеспечение прав человек следует считать развитие различных независимых структур, действующих, прежде всего, в рамках гражданского общества. Вступивший в силу 1. 07. 2005 г. ФЗ «Об Общественной палате» имеет целью вовлечение широких кругов общественности в реализацию государственной политики России, обеспечение защиты прав общественных объединений, а также создание механизма общественного контроля за деятельностью органов публичной власти.

В Ярославской области с 1996 г. активно действует, созданное по инициативе Губернатора А. И. Лисицына Губернское общественное собрание. В соответствии с его Постановлением от 17 сентября 1996 г. N 541 «О Ярославском Губернском общественном собрании» Собрание было сформировано для обеспечения более тесного взаимодей-

ствия органов государственной власти, общественных объединений граждан и населения области в целях стремления к гражданскому миру и согласию. В течение десяти лет Собрание осуществляло следующие направления деятельности: обеспечение взаимодействия между органами государственной власти, общественными объединениями граждан и населением; поддержка гражданских инициатив и институтов гражданского общества; осуществление общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления.

Так, например, в августе — сентябре 1998 г. в период острого правительственного кризиса после объявленного дефолта, по инициативе Координационного совета забастовочного движения Ярославской области был организован рабочий пикет. Участники пикета протестовали против невыплат заработной платы, пенсий и других пособий, против обесценивания рубля и роста инфляции. Начатая рабочими акция по пикетированию Северной железной дороги предусматривала возможность ее перекрытия, что могло еще больше дестабилизировать обстановку не только в области, но и на Севере России. В связи с этими событиями на своем пленарном заседании Губернское общественное собрание приняло Совместное заявление Губернатора Ярославской области, Собрания, представителей областного профсоюзного движения. В заявлении выражалась поддержка акции. В то же время Собрание признало «возможным на данном этапе выразить доверие председателю Правительства России Е. Примакову, требуя от него безотлагательных, конкретных действий по кардинальному изменению социально-экономической ситуации в стране». Автору, как участнику этих событий, было очевидно, что Заявление послужило необходимой основой для поиска путей выхода из кризиса без социальных потрясений, в границах цивилизованных форм протеста.

Таким образом, краткий анализ историко-правовых основ ответственности российского государства за обеспечение прав и свобод человека показывает, что, во-первых, на протяжении всего XX века характер взаимоотношений государства, общества и человека был неоднозначный, во-вторых, только с принятием Конституции 1993 г. начался целенаправленный процесс строительства правового государства, ответственного перед гражданским обществом за реализацию законных интересов граждан, в-третьих, в настоящее время в России создаются правовые основы для установления равноправных отно-

шений между органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями, политическими партиями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2003. 17 мая.
2. См.: Глушкова С. И. Права человека в России: Учебное пособие. М., Юрист, 2005. С. 105.
3. Ескина Л. Б. Два юбилея Российской Конституции. // Правоведение. 1999. № 1. С. 16.
4. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек. Ст. 2.
5. См.: Петухов В. В., Пахомова Е. И., Седова Н. Н. Права человека и дискриминационные практики в современной России. // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 43, 44.

ПОПУЛИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ США В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АМЕРИКАНИСТИКЕ

Ефимов А. В.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

История американского популизма является важной страницей в истории Ш А. Его появление было вызвано конкретными событиями эпохи: высокие железнодорожные тарифы, сложности с закупкой рабочего инвентаря, проблемы, связанные с продажей сельскохозяйственных продуктов, — все это вынудило фермеров начать активную деятельность по защите своих прав. Как результат, появляются течения грейнджеров и гринбекеров, которые затем сменились фермерскими альянсами. Но, чувствуя сложности в достижении своих требований, фермеры при участии некоторых рабочих организаций объединяются в Народную партию, известную также как партия популистов, или Популистская партия. Популисты выдвигают требования, актуальные и по сей день: принцип народного контроля над деятельностью правительства, прямые выборы в органы государственной власти, введение прогрессивного налогообложения и др.

Популизм — это сложный феномен, однако на сегодняшний день в его понимание зачастую вкладывается негативный смысл, и многие отождествляют популизм с демагогией. В Большом Российском Энциклопедическом словаре популизм трактуется как «разнородные по идейно-политическому содержанию общественные течения», для которых «характерны вера в возможность простейшего решения социальных проблем антиинтеллектуализм, почвенничество и др.».

Такое упрощенное понимание заставило автора настоящей статьи обратиться к ранним взглядам на понятие и роль популизма в истории США на рубеже XIX — XX веков и попытаться обобщить отечественную историографию указанной проблемы.

Тема американского популизма привлекала к себе внимание историков, но отечественные исследователи не занимались специальным изучением этого феномена. Зачастую какие-либо сведения о популистах можно встретить только в сводных трудах, имеющих цель обобщить всю историю США. К тому же, традиционно популизм принято связывать с фермерским движением. Все это обуславливает недостаточную разработку данного вопроса.

На наш взгляд, наиболее серьезным исследованием по истории движения популистов на сегодняшний день остается работа Г. П. Куропятника «Фермерское движение в Ш. А. От грейнджеров к Народной партии», вышедшая в 1971 году. Автор ставит перед собой цель раскрыть причины активизации фермеров, проанализировать программные установки и вскрыть причины их поражения. Г. П. Куропятник дает краткий историографический обзор, где характеризует работы зарубежных и отечественных историков. Среди отечественных исследователей он выделяет А. В. Ефимова, Л. И. Зубока и В. И. Лана. При этом он отмечает недостаточную разработку данной проблемы.

Г. П. Куропятник проводит добротный анализ программных требований фермерских альянсов и Народной партии, однако он не характеризует все требования популистов, а отдает приоритет экономическим требованиям. Ключевой проблемой он считает именно социально-экономическое притеснение фермеров. Очень существенным является также то, что автор пытается проследить взаимоотношения фермеров и рабочих, так как зачастую популизм отождествляется с фермерским движением и изучается в отрыве от рабочего.

Нужно отметить, что данная работа является замечательным образцом исторического исследования по интересующему нас вопросу,

но совершенно очевидно, что она написана под влиянием некоторых идеологических догм. Разумеется, мы не можем в этом упрекнуть автора, учитывая время выхода работы в свет.

Обобщенные выводы данного исследования представлены во втором томе «Истории США» под редакцией Г. П. Куропятника.

Заслуживает внимания и работа Л. И. Зубока «Очерки истории США», где изложена история США от окончания Гражданской войны до окончания Первой Мировой войны. Разумеется, автор не мог обойти своим вниманием проблему популистского движения. Хотя Л. И. Зубок специально не изучал популизм, он, насколько это позволяют рамки его исследования, достаточно полно раскрывает экономические причины формирования фермерского и рабочего движения, но характеризует историю этих движений по отдельности вплоть до появления рабоче-популистского блока. Л. И. Зубок в данной работе не дает конечной оценки деятельности популистов: он лишь упоминает, что Демократическая партия повлияла на распад Народной партии, часть членов которой вступили в ряды демократов.

Особняком стоит работа В. И. Лана «США от испано-американской до Первой Мировой войны». Автор дает характеристику экономических предпосылок возникновения популистского движения, кратко упоминает о процессе формирования Народной партии и подробно описывает избирательную кампанию 1896 года. Следует признать, что исследование В. И. Лана очень фактологично, содержит интересный материал о процессе избирательной кампании 1896 года и участии в ней лидеров популистского движения. При этом он уточняет, что ведущим вопросом на этих выборах был вопрос о «дешевых деньгах», который являлся важнейшим пунктом популистской программы. Популисты нашли поддержку среди демократов и выступили на выборах единым фронтом с ними. При этом В. И. Лан говорит, что У. Дж. Брайан, кандидат в президенты от Демократической и Народной партий, был сыном фермера, что тоже, безусловно, пророчило ему поддержку этого слоя.

В. И. Лан рассматривает противоречия между демократами и популистами, вызванные единым кандидатом в президенты, но разными кандидатами в вице-президенты.

Но, несмотря на актуальность этой работы, В. И. Лан все-таки не ставил перед собой задачи рассмотреть проблемы популистской традиции в США, что обусловлено, в первую очередь, хронологически-

ми рамками данного исследования и вниманием историка к другим проблемам.

Определенное внимание проблеме популизма уделено в «Очерках Новой и Новейшей истории США» под редакцией Г. Н. Севостьянова. Авторский коллектив уделяет место рабочим в популистском движении и упоминает, что наряду с фермерами в создании союза участвовали «Орден Рыцарей Труда», Союз угольщиков Огайо, Центральный рабочий союз Сент-Луиса и др. Это замечание является ценным еще и потому, что во многих работах редко упоминаются другие рабочие организации, кроме «Рыцарей Труда». Что касается причин распада Популистской партии, то они в трактовке авторского коллектива носят исключительно марксистско-ленинский характер: неспособность фермеров освободиться от гнета буржуазии и помещиков без помощи рабочих, слабость рабочего движения в США в данный период, распад крестьянства при капитализме на сельскую буржуазию и сельский пролетариат и др.

Среди работ, появившихся в относительно недавнее время, следует отметить одно из исследований В. В. Согрина «Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века». Автор отмечает, что современное понимание популизма сильно искажает его историческую сущность. При этом он подчеркивает, что популизм в США в конце XIX века был довольно демократичным, хотя и обладал рядом противоречий.

В. В. Согрин подробно анализирует основные требования популистов, особенно необходимость введения «дешевых денег», упрощение процесса внесения поправок в Конституцию, предоставление народу широкого права законодательной инициативы и др. и приходит к выводу, что многие из них были наивными и давали упрощенное объяснение причин тяжелого экономического положения. Тем не менее, считает автор, это не помешало включить некоторые из этих требований в программу Демократической партии, что, безусловно, подчеркивает злободневность данных вопросов.

Очень важной проблемой в изучении истории американского популизма являются отношения популистов с демократами и республиканцами. Эту проблему в некоторой степени затронули А. Г. Бочкарев, А. С. Маныкин и Е. Ф. Язьков.

А. Г. Бочкарев представляет подробную характеристику истории Демократической партии на рубеже XIX — XX веков и делает ряд вы-

водов о взаимоотношениях ее с популистами. Он полагает, что в программе Демократической партии 1896 года содержится больше популистских требований, чем в программе 1892 года. По мнению автора, сотрудничество популистов с демократами привело к расколу внутри Демократической партии и образованию Национальной Демократической партии. А. Г. Бочкарев считает, что поглощение демократами Популистской партии оказалось положительным: во-первых, в качестве самостоятельной партии популисты были серьезными конкурентами для демократов, а во-вторых, путем слияния демократы расширили социальную базу и увеличили свою поддержку.

Проблемы взаимоотношений популистов с другими партиями касаются А. С. Маныкин и Е. Ф. Язьков в статье «Роль третьих партий в партийно-политической системе США». Авторы выявляют признаки третьих партий, методику формирования идейной платформы, степень участия в политике и подчеркивают, что таким партиям отводится роль аутсайдеров. Авторы рассматривают наиболее яркие третьи партии и в их числе дают характеристику Народной партии. Они делают вывод, что ни одна из существовавших ранее третьих партий не отражала в такой степени интересы широких масс трудящихся, как Народная партия. А. С. Маныкин и Е. Ф. Язьков понимают необходимость изучения фермерского движения в тесном контакте с историей рабочего движения. Они полагают, что среди некоторых руководителей популистов было некоторое недоверие к рабочим массам, и это мешало созданию прочной базы партии, особенно в северо-западных штатах.

Более того, демократы смогли оценить пользу некоторых требований популистов, включив их в свою программу. Эти требования стали контраргументом демократов, позволившим противостоять наиболее радикальным пунктам программы Народной партии.

В заключение авторы делают вывод, что Народная партия серьезно повлияла на основные партии, особенно на Демократическую. К 1896 году в ее программе появились новые требования, а позиции консервативных демократов во главе с С. Г. Кливлендом ослабли.

Большое значение в движении популистов имела деятельность черного населения. Афро-американцы входили в состав Северного фермерского альянса, а также формировали свои организации. Отметим, что до сих пор этот вопрос детально не исследован. Существуют некоторые общие труды по истории черного населения в США, но

ни один из них не содержит детальной разработки данной проблемы. Среди американских историков указанным вопросом занимался Уильям Фостер. Некоторые положения его исследований до сих пор составляют базу для дальнейшего изучения роли афро-американцев в истории Ш. А. Поэтому многие отечественные историки, так или иначе касающиеся указанной проблемы в своих исследованиях, опираются на эту работу.

В отечественной историографии определенных успехов в изучении роли черного населения в движении популистов добился Э. Л. Нитобург. Он провел исследование роли негров в истории США с XVII до начала XX вв. Разумеется, Э. Л. Нитобург не мог обойти проблему формирования Народной партии и участия в ней афро-американцев. Автор ссылается на Тома Уотсона, одного из лидеров Южного альянса, и приводит его слова: Народная партия «уничтожит цветной барьер, обеспечит гражданские права каждому человеку независимо от цвета его кожи» и «решит негритянский вопрос».

Э. Л. Нитобург приходит к выводу, что популисты к середине 90-х годов смогли добиться серьезного сотрудничества между белыми и черными сторонниками. Но тесный союз был невыгоден, что, в конечном счете, привело к его расколу. Далее автор делает интересный вывод: по его мнению, одна из причин союза популистов с демократами заключается именно в том, что белая верхушка Народной партии боялась возросшей активности цветных. Позднее «белое» начало в политике популистов, особенно после 1896 года, берет верх.

Таким образом, добиться единства между фермерским, рабочим и негритянским движением в это время не удалось.

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что отечественные историки мало касались истории популизма, зачастую понимая под популизмом исключительно фермерское движение. Разумеется, данный вопрос следует изучать в тесной связи с рабочим движением. Что же касается последнего, то историки чаще обращались к нему, вследствие чего исследований по истории рабочего движения значительно больше. Тем не менее, многие выводы требуют корректировки, а некоторые даже пересмотра в условиях отказа от жестких идеологических норм. Как мы уже успели убедиться, большинство работ, касающихся истории фермерского движения и роли Народной партии в партийно-политической системе США, написано именно в марксистских традициях.

Специальным изучением популистской традиции в США отечественные историки практически не занимались, что открывает новые горизонты для исследования данной проблемы.

Надеемся, что дальнейшее изучение темы внесет свои коррективы, и история популистского движения в США на рубеже XIX — XX вв. будет полноценно освещена в условиях современного развития исторической науки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Большой Российский Энциклопедический Словарь. CD-издание. 2003.
2. Бочкарев А. Г. Демократическая партия на рубеже XIX—XX вв. // Политические партии в США в Новое время / под ред. Н. В. Сивачева. М., 1981.
3. Зубок Л. И. Очерки истории США (1877—1918). М., 1956.
4. История США. /Под ред. Г. Н. Севостьянова. Т. 2. М., 1985.
5. Куропятник Г. П. Фермерское движение в Ш А. От грейнджеров к Народной партии. М., 1971.
6. Лан В. И. США: от испано-американской до Первой Мировой войны. М., 1975.
7. Маныкин А. С., Язьков Е. Ф. Роль третьих партий в партийно-политической системе США. // Вопросы истории. 1981. № 2.
8. Нитобург Э. Л. Негры США. XVII — начало XX вв. М., 1979.
9. Очерки Новой и Новейшей истории США. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1960.
10. Согрин В. В. Идеология американской истории. От отцов-основателей до конца XX века. М., 1995.
11. Фостер У. З. Негритянский народ в истории Америки. М., 1955.

У. Л. МАКЕНЗИ КИНГ: ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

Койков Д. А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Первая половина XX представляла собой период, в который во многих странах у власти находились интересные и незаурядные личности. И если диктаторы той эпохи поражают размахом своих зловещих замыслов и невообразимой жестокостью, то демократические лидеры принадлежат к той блестящей плеяде политических деятелей,

чей авторитет и профессионализм необычайно высоки. К последним можно отнести Уильяма Лайона Макензи Кинга — видного государственного деятеля Канады.

Журналист, государственный служащий, публицист, политик, лидер Либеральной партии Канады в течение почти трех десятков лет. В течение 21 года он был премьер-министром Канады, чьи решения в значительной мере влияли на формирование Канады как самостоятельного субъекта в международных делах.

Данная статья представляет собой попытку освятить формирование политической философии и политического стиля Макензи Кинга, формированию его как государственного деятеля. Хотелось бы подчеркнуть, что в жизненном пути выдающегося человека интересно все, но также интересна и его высокая миссия в истории. На рубеже XIX-XX веков в истории Канады Макензи Кинг действительно сыграл важную роль, которая достойна уважения сама по себе, без всякой связи с его будущей деятельностью.

У. Л. Макензи родился 17 декабря 1874 года в небольшом канадском городе Берлине, который впоследствии в годы первой мировой войны был переименован в Китченер. Его семья в социальном плане принадлежала к миддл-классу, отец Кинга был высокопрофессиональным юристом, но никогда не зарабатывал достаточно денег, чтобы поддержать приемлемый уровень жизни семьи. Джон Кинг не был успешен как адвокат, ему не хватало хваткости и характера для создания собственной практики.

В детстве будущий политик не подозревал о финансовых трудностях семьи, но с годами стал осознавать социальные ценности его родителей, учился ощущать их настроение и избегать конфронтации.

Увлечение политикой началось еще в студенческие годы. В 1891 году Уильям поступил в университет в Торонто, выбрав политическую науку. Его можно охарактеризовать в эти годы как дисциплинированного и хорошо организованного студента, с хорошей памятью. Лидерские качества Кинга позволили ему доминировать в студенческой среде, а в 1895 году стать лидером студенческой забастовки, в связи с увольнением популярного профессора Уильяма Дала.

После окончания университета Кинг стал заниматься журналистикой. В своих статьях для газеты «Toronto Globe» он затрагивал такие актуальные темы, как трудовые договоры, условия труда в раз-

личных сферах производства, условия развития бизнеса; тему судебных исков, с которыми обращались рабочие в связи с конфликтами с предпринимателями. Эта публицистическая деятельность оттачивала журналистское мастерство Кинга и свидетельствовала о его интересе к социальной проблематике. Не случайно темой его докторской диссертации, над которой он начал работать в Гарварде во второй половине 90х годов стало трудовое право, а конкретнее права рабочих в сфере швейной промышленности.

Макензи Кинг обладал несомненным талантом политического публициста и исследователя. Этот талант был замечен. Ибо в 1900 году по приглашению недавно сформированного министерства труда, во главе которого стоял У. Мэлок, Кинг был вызван в Оттаву, где ему предложили должность замминистра труда. Таким образом, будучи молодым человеком, Кинг занял высокую должность и становится государственным чиновником высшего ранга. Безусловно, это было блестящее, к тому же довольно редкое начало карьеры государственного политического деятеля.

Министерство труда являлось особой и необходимой структурой государственной власти, так как конфликт между трудом и капиталом являлся элементом содержания социальной ситуации не только в Канаде, но и в других странах.

Одновременно Кинг работал в прессе, готовил выступления министра, принимал участие в правительственных комиссиях. Анализ деятельности Макензи в первое десятилетие XX века убеждает, что особенностью политического стиля является его склонность к компромиссу, поиску точек соприкосновения конфликтующих сторон, стремлению разрешать спорные вопросы мирно и дипломатично. Можно привести такой пример: 22 октября 1900 г. строители, работавшие на закладке новой фабрики для Монреальской хлопчатобумажной компании в маленьком городке Валлифилде, покинули рабочие места, требуя повышения заработной платы. К ним быстро присоединились перевозчики цемента. 24 октября бастующие выставили пикеты, что помешало подвозу к работавшей прядильной фабрике угля. Компания обратилась за помощью к городским властям. Из Монреаля прибыли два подразделения пехоты, а через день — кавалерия. Присутствие армейских частей возмутило прядильщиков работавшей фабрики. 27 октября в знак солидарности со строителями они тоже объявили забастовку. В тот же день в Валлифилд прибыл заместитель

министра труда У. Л. Макензи Кинг. У него была телеграмма от министра труда У. Мэлока с призывом к забастовщикам приступить к работе. Ему удалось довольно быстро разобраться в ситуации, уяснить позиции сторон, обсудить с рабочими и с руководством компании их мотивы. В этой миссии посредника он проявил себя буквально виртуозом, разрешил, казалось бы, непримиримую ситуацию: о том, что это был опасный конфликт, свидетельствовало то, что в город были вызваны правительственные войска. В течение трех дней ему удалось урегулировать конфликт, забастовка была прекращена, восстановился производственный процесс. Можно с полным основанием утверждать, что Макензи Кинг проявил себя в событиях 1900 года как решительный политик, мастер компромисса.

В 1909 году он стал министром труда и занимал эту должность до сентября 1911 года. Деятельность в министерстве труда значило очень много в политической биографии Кинга: он приобрел опыт, известность, связи, деньги. Второе десятилетие 20 века было не самым успешным для Кинга, но отнюдь не безрезультатным: он редактировал газету, писал книги. Особое значение имела его деятельность в фонде Рокфеллера. Главным итогом его работы в Фонде стала книга «Индустрия и человечество. Исследование принципов, необходимых для индустриального переустройства», в которой он изложил систему собственных воззрений, собственную идеологию взаимоотношений предприятий и рабочих в условиях современного капиталистического производства. Возможно, именно эти годы явились трамплином для его политической карьеры. Кинг к этому времени уже имел определенные заслуги перед Либеральной партией. Поэтому, когда в 1919 году партия встала перед проблемой выбора нового лидера, то Кинг обладал безусловным преимуществом. В его пользу работал возраст, поддержка Квебекского блока Либеральной партии и делегатов от других провинций. Основным соперником Кинга был У. Филдинг — многие годы бывшим министром финансов и имевшим тесные связи с крупным бизнесом. Но он уже принадлежал к прошлому. Кинг же олицетворял собой новое поколение политиков, которым предстояло решать новые задачи. Прежде всего, ему нужно было консолидировать партию, предложить такую программу, чтобы стабилизировать внутреннее положение в стране. Нужно было строить политику, соблюдая баланс интересов. Также важны были и проблемы имперской стратегии. Так, в 1921 году состоялась Имперская конференция, на

которой Макензи горячо отстаивал сближение Канады и Ш. А. Обеспечение имперского единства было его заботой. Он позиционировал себя как представителя независимого государства. Кинг говорил, что члены содружества унаследовали глубокие социальные и политические ценности, и даже если они будут вести самостоятельную политику, то содружество выживет. Он проводил аналогию с семьей: доминионы, как дети, росли бы, но если бы их автономия не была признана, то они могли бы хлопнуть дверью и уехать домой. В его понимании признание самоуправляющихся полномочий для доминионов усилило бы, а не ослабило единство Содружества. Последующая Имперская конференция 1926 года и Вестминстерский статут 1931 года окончательно сформировали основы имперской модели — Британское Содружество Наций будет добровольной ассоциацией. Кинг полагал, что Канаде необходимо противостоять. Он рассматривал предоставление самостоятельности доминионам как важное политическое средство укрепления национального суверенитета. Таким образом, к началу 30х годов Макензи Кинг представлял собой политика крупного масштаба, без преувеличения его можно назвать национальным лидером, способным успешно решать внутренние проблемы страны и отстаивать её внешнеполитические интересы. Его видение будущего Канады, её положения в системе межгосударственных отношений, способствовало укреплению статуса Канады как самостоятельного субъекта международных отношений, особенно в предвоенные 30е годы, которые представляют отдельную страницу, как в истории Канады, так и в его собственной судьбе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Семенова Л. Н.* «Примиритель. Из биографии У. Л. Макензи Кинга». // Международный исторический журнал, 2001 г. № 16.
2. *Поздеева Л. В.* Канада в годы первой и второй мировых войн // Проблемы историографии Канады. М., 1981.
3. *Тишков В. А.* Политические взгляды и деятельность У. Л. Макензи // Из истории международных отношений и освободительных движений XIX—XX веков. М., 1970.
4. *Dawson R. M.* William Lyon Mackenzie King. A Political Biography. 1874—1923. London, 1958.
5. *McGregor F. A.* The fall&rise of Mackenzie King: 1911—1919, Toronto, 1962.

СЕКЦИЯ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ

РУССКАЯ ВОЕННАЯ МЫСЛЬ В X—XX вв.

Науменко А. А.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Более чем 1000-летняя история России, так или иначе, прошла борьбу за выживание и развитие. Шесть веков (более половины отечественной истории) заняло объединение Руси, другую половину — укрепление позиций России на континенте и ее естественно исторический рост, что также связано с целым рядом войн.

Генерал Н. Н. Сухотин (1847—1918) автор «Войны в истории русского мира», выделяет пять периодов войн России за утверждение на континенте и стабилизацию своих рубежей.

Операционные линии войн первого периода (862—1054 гг.), практически не изменились за все последующие века: менялись обстоятельства, проблемы, противники, но опасные направления оставались теми же самыми.

Второй период истории России (период феодальных усобиц) заняла борьба с татаро-монгольским игом.

Третий период — от Куликовской битвы до конца XVII в., объединение и расширение государства до берегов Ледовитого и Тихого океанов. В этот период почти два века из трех Россия воевала, из них 100 лет — с несколькими противниками одновременно.

Четвертый период — до конца царствования Петра Великого практически весь приходится на победоносную Северную войну, которая вывела Россию в число великих держав.

В пятый период Россия достигла размеров более чем шестой части земного шара. На этом циклы войн и других потрясений не закончились; новейший период принес их в изобилии, чем не мог не обогатить историю войн и военного искусства.

Каждый период военной истории России своеобразен как событиями, так и характером военной мысли. Уровень развития теории военного искусства не только зависит от боевого опыта войск и полководцев, сколько от факторов более фундаментальных и общих —

степени зрелости и упорядоченности государства, уровня развития материальной и духовной культуры. В первый период восходящего развития русского этноса и государственности успешно развивались и войско, и военное искусство. Русь отстояла себя в борьбе с кочующими соседями и заставила себя уважать стоявшую за ними Византию. Ярослав Мудрый, объединив Русь, возглавил одну из великих держав Европы. За этот период полководцы Руси превратились из военачальников (Олег, Святослав) в государственных стратегов на все руки (Владимир Святой, Ярослав Мудрый). Первые двое успешно и славно воевали, но проиграли политически; вторые двое прославили себя строительством государства и его обороной в едином процессе высшей стратегии. Так, уже 1000 лет назад на Руси знали, что *объектом стратегии является не сама война, а политика безопасности государства, предметом военной мысли — не только и не столько боевые действия, сколько решение проблем политики вооруженным насилием как средством — одним из многих, но крайним.*

Во второй период Русь увязла в феодальных усобицах. Если в первой четверти XII в. еще видны блестящие успехи и победы Владимира Мономаха, то затем деградируют и государственность, и военное дело. Поход князя Игоря против половцев (1185 г.) политически бесцелен и даже вреден, а в чисто военном смысле просто безграмотен. Еще хуже повернулось дело с появлением татаро-монголы. На Калке (1223 г.) и Сити (1237 г.) аморфные русские ополчения без единого командования, оптимальной организации, дисциплины и тактики оказались беспомощны против четких слаженно действовавших регулярных войск Чингисхана и Батыя. В этих событиях превосходство государственности и военно-политической мысли (философии военной стратегии) оказалось всецело на стороне завоевателей. Русь могла противопоставить им храбрость и мастерство отдельных бойцов, но не армию и военную мысль.

Однако уже через 3—5 лет после Сити Александр Невский продемонстрировал сочетание лучших русских традиций с татаро-монгольским военным искусством. На Неве в 1240 г. он отказался от «правильного» боя западного типа как коллективного единоборства, атаковав шведов по-партизански внезапно, решительно и беспощадно. На Чудском озере в 1242 г. он применяет принципы китайско-монгольской стратегии и тактики еще полнее: победу обеспечивает задолго до боя, бой ведет с заданным результатом. По оценке военно-

го классика генерала А. А. Свечина, «татарские уроки» вполне были усвоены: активные действия лучников, полков правой и левой руки, большого сторожевого засадного, заманивание «псов-рыцарей» в ловушку. Были применены и методы древнекитайского классика Сунь Цзы, наследие которого освоили татаро-монголы: сковать противника правильным боем пешего ополчения; расплющить «свинью» о его строй, прижатый к высокому речному берегу; опрокинуть, преследовать и громить из засады маневром регулярной конницы. В последующие двадцать лет своей жизни Александр Невский совершил серию беспримерных походов в «восточном» стиле, дерзких, маневренных, эффективных. В одном из них он зимой пересек Полярный круг, освободив Карелию от шведов. Итоги войн Александра шведы признавали безропотно целых полтора века после его смерти.

Александр Невский был достаточно скоро канонизирован. Но вслед за ним прославился и был канонизирован полководец его стиля — князь Довмонт-Тимофей Псковский. Он также известен как бескорыстием и благородством (не прибегал к завоеваниям, отстаивал справедливость), так и военным искусством. Не раз он принимал бой с десятикратно и более превосходящим противником — и побеждал; при этом из крестоносцев спасалась едва ли десятая часть. В последний месяц жизни (апрель 1299 г) Довмонт сумел в жестоком ночном бою внезапным контрударом выбить из Пскова проникших туда рыцарей-крестоносцев, а наутро столь же внезапно разгромить их в поле.

Сточки зрения военной мысли св. Александр и Тимофей-Довмонт «отрепетировали» позднейшую Куликовскую битву. Эта битва в 1380 г. показала, что Русь, безусловно, овладела наследием Сунь Цзы и Чингисхана, их принципами и стратегиями. Сунь Цзы не мог бы найти лучшей иллюстрации положений своего древнейшего в мире военного трактата, как в плане тактики, так и стратегии. До самого конца битвы Мамай не догадывался, что не он заманил Дмитрия на Куликово поле, а его самого заманили в ловушку; что стихийность и случайность хода войны, операции и боя умело разыграны русским командованием. Однако высшую оценку развитию Московской Руси и ее победе в Куликовской битве выставил через 15 лет непобедимый Тимур — правитель тогдашней сверхдержавы. Почувствовав себя под Ельцом на краю нового Куликова поля размером во всю Русь, он предпочел отойти, и был прав: Русь провела мобилизацию и страте-

гическое развертывание организовано и по правилам, которые всю жизнь соблюдал сам Тамерлан.

Ровно через 100 лет после Куликовской битвы татаро-монгольское иго было окончательно свергнуто «стоянием на Угре». Само это понятие вовсе не предполагало просто выдвижения обсервационной армии на границу степи. Операция высшей стратегии охватила весь регион Восточной Европы (что позволило изолировать большую орду), операция военная состояла в маневренном прикрытии рубежей и недопущении переправы противника через естественные преграды. В то время как «главные» силы сковывали врага, летучий корпус воеводы Ноздреватого и вассального татарского царевича Нур Давлета совершил рейд вниз по Волге. Столица Орды была разгромлена, тылы — опустошены; хану Ахмаду с Угры стало некуда возвращаться. Еще раз подтвердилась правота Сунь Цзы: обеспечить победу предварительными расчетами и политикой, сковать линейными силами, разгромить — маневренными; главный объект действий — не армия противника, а в целом его государство.

В XVI-XVII вв. (до конца третьего периода по Н. Н. Сухотину) русская стратегия старалась придерживаться тех же принципов и правил в борьбе со степными и западными соседями. Но в XVII в. русская государственность и ее армия начали терять организованность и регулярность; поместно-стрелецкие ополчения не выдерживали конкуренции не только с западными армиями (даже польской), но и крымскими татарами. Все более напоминая удельные формирования, русское войско (а с ним Россия) стояли перед лицом новой Калки и новой Сити. Такая государственность и армия не могли применять стратегический и дерзкий маневр, приносящие победу даже слабейшему. Частичные и разрозненные попытки царя Алексея Михайловича реформировать государство, внести новые регулярные начала в армию успеха не принесли; его добился Петр Великий. Он вел Северную войну по правилам не западной линейности, неуклюжих и боязливых маневров вокруг складов и крепостей, а масштабно и дерзко. Эти масштабность и дерзость не были авантюрой и бесшабашным риском. Новая армия следовала принципам борьбы с татаро-монгольским игом: опора на ум и умение, расчет и заблаговременная подготовка театра войны во всех отношениях, абсолютное навязывание инициативы противнику, масштабный маневр летучих корпусов (Лесная), бои с заданным результатом (Полтава). Если противник (Карл XII)

делал ставку на правильный бой и победу в генеральном сражении, то Петр — наоборот: не на сокрушение противника в азарте генерального боя, а на его поэтапное истощение с нейтрализацией всех его сильных сторон. Так, при Полтаве боевые порядки профессионалов Карла (превосходивших русских солдат выучкой группового и одиночного боя) были расстроены полевой фортификацией и огнем артиллерии, перестав существовать как слаженный боевой организм. Сильнейший враг был разгромлен с минимальными потерями.

ИСТОРИЯ ПОЛКОВОЙ АРТИЛЛЕРИИ РУССКОЙ АРМИИ 20—50-х гг. XVIII в.

Сисигин А. И.

Ярославское зенитное ракетное училище ПВО

В середине XVIII в. появились отправные положения, новая организация, новые тактические и педагогические принципы, которые легли в ходе реформ в основу переустройства артиллерии пехотных и конных полков. После смерти Петра I эти принципы организации и подготовки толковой артиллерии, оправдавшие себя в годы Северной войны, были видоизменены. С 1725 по 1741 гг., были введены новые штаты и положения, которые, в конечном счете, привели полковую артиллерию русской армии в неудовлетворительное состояние. По штатам 1736 г. вводились двойная организация (мирного и военного времени) и двойное подчинение (командиру полка и артиллерийскому ведомству). По штату мирного времени сохранялось количество полковых орудий, принятое при Петре I. По штату военного времени предусматривалось в пехотных полках по четыре, а в драгунских — по два орудия. С этого времени полковые орудия стали подразделяться на «основные» (мирного времени) и «прибавочные» (военного времени). «Основные» содержались в полках, а «прибавочные» — в складах артиллерийского ведомства. Эта двойственность привела к нарушению прежней стройной организации полковой артиллерии и отрицательно сказалась на ее хозяйственном, строевом и боевом состоянии. Чтобы упорядочить полковую артиллерию, был создан документ, получивший название «Рассуждение о полковой артиллерии» в котором предлагалось вернуться к тем национальным

принципам ее устройства, которые сложились в первой четверти XVIII в., но с учетом изменений в организации полков и требований боевой практики.

В «Рассуждении» предлагалось полковую артиллерию действующей русской армии перевести на новые штаты в первую очередь и в наикратчайшие сроки. Все эти передовые принципы организации полковой артиллерии русской армии, изложенные в «Рассуждении» и направленные к установлению единообразия в ее организационном устройстве, нашли отражение в «Регуле» и «Штатах» полковой артиллерии.

В сентябре 1756 г. «Регул» и «Штаты», были спущены в войска для исполнения. С сентября 1756 г. по май 1757 г. артиллерия пехотных и конных полков действующей русской армии была перестроена в соответствии с новыми положениями и с учетом начавшейся войны с Пруссией. В течение всей Семилетней войны артиллерия полков русской армии действовала по штатам и положению 1756 г. Лишь после войны в ее организацию были внесены некоторые частные изменения, обусловленные опытом прошедшей войны. Это важно подчеркнуть, чтобы оттенить особое значение этих документов для историков, занимающихся изучением военного прошлого нашей Родины. В двадцать одном пункте «Регула» излагались как вопросы организационного устройства полковой артиллерии, так и вопросы боевой подготовки и принципы ее боевого использования. В этом отношении «Регул» не только реализовал основные положения «Рассуждения», но и развивал их, вводя новые прогрессивные положения в обучение и воспитание артиллеристов и применение полковых орудий в бою. Полковая артиллерия конных полков по штатам 1756 г. имела два вида организации — мирного и военного времени. В связи с началом Семилетней войны она была передана в полки, однако в административном, хозяйственном и строевом отношении подчинялась артиллерийскому ведомству, а в боевом — командиру конного полка. Такое двойное подчинение, отрицательно сказывавшееся на согласованности действий конницы и ее артиллерии, было устранено уже в ходе войны. После войны конная артиллерия, как и артиллерия пехотных полков, была передана в полное ведение командиров полков.

Важной особенностью новых положений было введение в пехотные и конные полки артиллерийских офицеров. Артиллерийский офицер, как начальник полковой артиллерийской команды (с 1756 г. в пе-

хотных, а с 1762 г. — в конных полках), включался в списки полка, зачислялся на все виды довольствия и нес ответственность за административное, хозяйственное, строевое и боевое состояние команды. Обширные обязанности полкового офицера свидетельствовали о том, что он должен был выполнять не только функции начальника артиллерийской команды, но и ряд функций помощника командира полка по артиллерийским вопросам. Дивизионному артиллерийскому офицеру согласно «Регулу» вменялось в обязанность оказывать помощь командиру дивизии в контроле полковой артиллерии и ее рациональном использовании. В распоряжении дивизионного офицера для этих целей находилась команда из шести артиллеристов и техников. Наряду с организацией полковой артиллерии «Регул» был пронизан требованиями о возрождении петровских принципов обучения и воспитания полковых артиллеристов, от которых отошли в связи с засилием иностранцев в армии. В этом документе утверждается идея непрерывной и последовательной подготовки артиллеристов, обучения их тому, что нужно на войне. Важными и ценными были также указания «Регула» о проведении обучения полковых артиллерийских команд на полковых и дивизионных учениях, а также о соблюдении единых принципов боевой подготовки. При этом «Регул» исходил из необходимости внедрения в подготовку артиллеристов простых и доходчивых приемов обучения и индивидуального подхода при обучении. Уже из краткой характеристики «Регула» и «Рассуждения о полковой артиллерии» видно, что в этих документах нашли отражение все основные стороны развития полковой артиллерии в 20—50-х гг. XVIII в. и особенно обстоятельно представлены состояние и принципы ее организации накануне Семилетней войны. Последнее важно подчеркнуть, поскольку в дореволюционной и советской исторической литературе, этот вопрос остался запутанным. Д. Ф. Масловский, а вслед за ним и другие дореволюционные историки так и не могли четко ответить на вопрос о том, с какой организационной структурой пришла полковая артиллерия русской армии к Семилетней войне. Масловский, например, ошибочно считал, что в 1756—1757 гг. в пехотных полках было от двух до шести, а в конных — от одного до трех толковых орудий. Он же необоснованно утверждал, что русские артиллеристы пришли к Семилетней войне недостаточно подготовленными, что артиллерийские офицеры, введенные, в полки и дивизии, являлись всего лишь инструкторами (советниками) общевойсковых командиров по артиллерийским вопросам.

Новые документы о полковой артиллерии, позволяют утверждать: что русская армия пришла к Семилетней войне, имея передовую и стройную организацию полковой артиллерии и хорошо подготовленный личный состав полковых артиллерийских команд; что в пехотных полках было четыре, а в конных — два полковых орудия; что артиллеристы пехотных и конных полков были обучены в соответствии с передовой национальной системой обучения и воспитания войск, сложившейся еще в первой четверти XVIII века.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Нилус А.* История материальной части артиллерии, Т. I. Спб., 1902.
2. *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. Спб., 1882.
3. Записки по истории военного искусства в России. Выпуск 1—2. 1891—1894.
4. *Прочко И. С.*, История артиллерии, Т. I. 1945. 5. *Коробков Н.* Семилетняя война. 1940.

РУССКАЯ АРМИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ганижев М. З.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

В 60—70-е гг. XIX века в России проводилась военные реформы, которые были вызваны отменой крепостного права, развитием военной техники, стремление правительства преодолеть отсталость военной системы, выявившуюся в Крымской войне 1853—1856 гг., а также сократить военные расходы. Реформы вооруженных сил России осуществлялись под руководством военного министра Д. А. Милютин, для того времени он отстаивал передовые взгляды на военную организацию России. Важнейшими составляющими военных реформ были: введение всеобщей воинской повинности и новых сроков службы, улучшение системы подготовки военных кадров, реорганизация органов военного управления, перевооружение армии, совершенствование боевой подготовки и пр. Прежде всего, изменилась система комплектования войск. В январе 1874 г. был утвержден Устав о воинской повинности. Согласно уставу вместо рекрутских наборо-

ров вводилась всесословная воинская повинность. К службе в армии привлекались все мужчины по достижении ими 20-летнего возраста. Срок действительной военной службы значительно сокращался. Для рядовых в сухопутных войсках он был 6 лет, а затем 9 лет в запасе, на флоте — 7 лет и 3 года соответственно. Переход к воинской обязанности позволил сократить численность армии в мирное время и значительно увеличить контингент военнообученного состава. Значительное место среди военных преобразований заняла подготовка офицерских кадров. Переход к воинской повинности и формирование массовой армии, развитие военной техники предъявили новые требования к офицерам. В 60-х гг. была осуществлена реформа военно-учебных заведений. Система высшего военного образования не подверглась серьезным изменениям. Лишь частично были изменены планы и программы в сторону придания военному обучению более практического характера. В итоге реформы военной школы заметно улучшилась подготовка командных и инженерно-технических кадров, увеличилось их число. К концу XIX века в кадетских корпусах ежегодно обучалось около 12 тысяч человек. В военных училищах — 5,5 тысяч человек, в юнкерских — 2,8 тысяч, в академиях — до 850 человек. Среднегодовой выпуск офицеров достигал 2 тысяч человек, что позволяло обеспечить до 80% вакансий в армии и на флоте. Вооруженные силы стали получать квалифицированных офицеров среднего звена, соответствующих передовому уровню военного времени того времени.

Крупные преобразования были проведены в области организации войск и военного управления. Вооруженные силы страны разделялись на постоянные войска и государственные ополчение. К постоянным войскам относились кадровая армия, запас, казачьи полки, инородческие части. В государственное ополчение зачислялись лица, освобожденные от военной службы по различным льготам, а также отбывшие срок пребывания в запасе. Ополчение делилось на два разряда. Первый состоял из людей, годных к строевой службе и предназначался для пополнения действующей армии в случае недостатка запаса. Во второй разряд зачислялись мужчины, годные к нестроевой службе и освобожденные по семейному положению. Командный состав ополчения комплектовался из офицеров запаса или отставных офицеров. Государственное ополчение созывалось только в случае войны. Новая организация имела своей задачей сократить до миниму-

ма состав армии в мирное время и максимально его увеличить в военное время, не прибегая при этом к формированию новых тактических единиц. Численность армии по штатам мирного времени устанавливалась в 760 тыс. чел. При обучении в запасе в 1 миллион человек. Впоследствии этот штат увеличивался. В 60-х гг. была перестроена система военного управления. Центральное управление по-прежнему осуществляло Военное министерство, которое состояло из:

1) Военного совета, на котором обсуждались все вопросы законодательного и хозяйственного порядка, он же осуществлял инспектирование войск;

2) Канцелярии;

3) Главного штаба, ведавшего вопросами комплектования армии, ее организации, боевой подготовки и мобилизационной готовности;

4) Главных управлений (интендантского, артиллерийского, инженерного, медицинского, учебных заведений, судебного и казачьих войск).

Права министерства расширились: если раньше большинство войск (гвардия, действующая армия и пр.) не подчинялись ему, то теперь в его ведении находилась вся армия. Крупным мероприятием явилось создание военно-окружной системы. Страну разделили на 15 военных округов. Каждый округ возглавлялся командующим, который подчинялся царю, но свои функции выполнял под руководством военного министра. При командующем округом учреждалось военно-окружное управление, которое состояло из военного совета, штаба и управлений (интендантского, артиллерийского, инженерного, медицинского). Создание военных округов обеспечивало оперативное руководство войсками на местах, быстрое развертывание армии на случай войны. Были созданы местные военные органы. В каждой губернии и уезде учреждалось управление воинского начальника. Оно ведало приемом, распределением и отправлением в войска новобранцев, учетом военнообязанных, призывом их на учебные сборы. К местным военным органам относились комендантские управления в городах, выполнявшие функции военной полиции. Важной частью военных преобразований стало перевооружение армии. В пореформенные годы в России была создана крупная отечественная военная промышленность, строились новые государственные военные предприятия — оружейные, артиллерийские, судостроительные и пр., которые были в состоянии удовлетворить текущие потребности армии и флота. Большую роль

в осуществлении военных реформ сыграли ближайшие помощники Милютина — А. А. Баранцов, Ф. Л. Гейден, Н. В. Исаков, Н. Н. Обручев, Э. И. Тотлебен. Преобразования встретили сильное противодействие консервативных кругов генералитета и общества. Главным противником реформ выступил генерал-фельдмаршал А. И. Барятинский; основным противником в печати являлся известный в то время военный писатель Р. А. Фадеев. Боевой генерал Барятинский не был согласен с «бюрократизацией» военного управления и всей сферы военных отношений, а также с умалением роли главнокомандующего, которое, по его мнению произошло, в результате реформ.

Военные реформы 60—70-х годов XIX века в целом имели прогрессивное значение. Они привели к повышению боеспособности русской армии, сделали ее более современной. Целесообразность преобразований показала русско-турецкая война 1877—1878 гг., в которой Россия одержала победу. Вместе с тем, преобразования не были достаточно последовательными. В армии и на флоте сохранились многие недостатки, которые, в конечном итоге, привели к поражению России в войне (1904—05 гг.).

ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА КАДЕТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Гуменный В. В.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

В ходе военных реформ 1860—70-х гг. с целью отделить общее образование от специального, кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии. Специальные классы столичных кадетских корпусов стали военными училищами. Прежняя структура сохранилась в Пажеском и Финляндском кадетских корпусах.

В 1882 г. военные гимназии вновь преобразованы в кадетские корпуса со сроком обучения 7 лет (как в реальных училищах). Общее направление учебно-воспитательной системы осталось тоже, но в старших классах введены строевые и физические занятия, а гражданские воспитатели заменены кадровыми офицерами. Выпускники кадетских корпусов имели право поступать без экзаменов в военные училища. Количество кадетов, не поступавших по окончании корпусов на военную службу, не

превышало 7—8%. В конце XIX — начале XX вв. открыты новые кадетские корпуса в Варшаве, Сумах, Ташкенте, Тифлисе, Харькове. Некоторые кадетские корпуса были закрыты или переведены в другие города. В 1909 г. на содержание кадетского корпуса расходовалось 6 миллионов рублей в год. Всего к началу первой мировой войны насчитывалось 29 кадетских корпусов общим количеством воспитанников 12 470 человек.

Кадеты делились на интернов, содержавших на полном обеспечении корпуса, и экстернов, которые просто посещали занятия. Казеннокоштные интерны содержались за счет государственной суммы, а студенты — стипендиаты за счет процентов с капиталов, пожертвованных различными учреждениями и частными лицами. Часть своекоштных кадетов, полностью оплачивала свое пребывание в корпусе только первые три года, а затем переходила на государственное обеспечение. Поступавшие в кадетские корпуса на государственное содержание делились на 14 разрядов. Преимущество имели сыновья убитых и умерших на службе офицеров, георгиевских кавалеров. Офицеры и военные чиновники для получения права определять детей в кадетские корпуса должны были иметь выслугу 10 лет. В последнюю очередь право приема имели дети дворян, служивших в гражданских ведомствах, а в некоторые кадетские корпуса — также дети священнослужителей, казаков, купцов и почетных граждан. С 1913 г. кадетские корпуса стали всесословными.

Учебная программа в кадетских корпусах (1900-е гг.) включала: Закон Божий, русский, немецкий и французский языки, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, физику, химию, космографию, географию, историю, законоведение, чистописание, рисование, черчение, а также внеклассные занятия — строевую подготовку, гимнастику и подвижные игры, фехтование, плавание, танцы, пение, музыку, ручной труд. В 1911 г. в кадетских корпусах введены стрельба из карабинов (начиная с 4-го класса) и прогулки-экскурсии по программе «юных разведчиков». Большое внимание придавалось религии, патриотическому и нравственному воспитанию, развитию качеств и навыков, необходимых юнкерам и офицерам. В кадетских корпусах имелись фундаментальные и ротные библиотеки, физические кабинеты, химические лаборатории, некоторые из них метеорологические станции, гимнастические городки. В ряде кадетских корпусов издавались самодеятельные журналы начало, которым положило издание Сухопутного кадетского корпуса «Праздное время, в пользу употребленное». Все кадетские корпуса имели свои знамена.

К кадетам применялись следующие поощрения: занесение фамилии на Красную доску, выдача похвальных листов и книг в подарок, производство в вице-унтер офицеры и вице-фельдфебели (для воспитанников 7-х классов). Фамилии лучших выпускников помещались на мраморные доски в актовых залах, а павших в бою или умерших от ран — на черные мраморные доски в церквах при кадетских корпусах. Фамилии нерадивых учеников записывались на специальные доски, за особо тяжкие проступки с них временно срывали погоны.

Неспособных к учебе и недисциплинированных отчисляли или, если позволял возраст переводили в армию ниже чинами. Офицеры-воспитатели и гражданские преподаватели кадетского корпуса пользовались значительными льготами. С 1900 г. при Военно-педагогическом музее в Петербурге действовали курсы по подготовке офицеров-воспитателей и преподавателей.

Во время первой мировой войны число воспитанников увеличилось до 15 тысяч человек (1916 г.). Количество дворян среди них составляло около 80%. В августе 1917 года кадетские корпуса вновь преобразованы в военные гимназии, которые после Октябрьской революции были закрыты.

За годы существования кадетских корпусов выпустили на военную и гражданскую службу около 96,5 тысяч человек.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Алпатов Н. И.* Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., 1958.
2. *Висковатов А. В.* Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб., 1832.
3. *Антонов А. Н.* Первый кадетский корпус. СПб., 1906.

У ИСТОКОВ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АВИАЦИИ

Надежкин Е. Г.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Совсем недавно были отпразднованы юбилейные торжества в честь столетия мировой авиации, которые напомнили всему миру о приоритете братьев Уилбура и Орвилла Райт в области покорения

ния пятого океана. В 2006 году во Франции отметили сто лет со дня первого полета. Нашим соотечественникам эти славные юбилеи напоминают о том, что приближается 100-летие отечественной авиации. Между тем, по сути, точной даты установить трудно, хотя в XX веке высказывалось много различных утверждений о национальных русских приоритетах в области создания и развития отечественной авиации.

В течение многих десятилетий XX века в отечественной истории техники мировой приоритет в создании летательного аппарата тяжелее воздуха с мотором отдавался контр-адмиралу в отставке А. Ф. Можайскому. «Историческому полету» его самолета в советской авиационной историографии уделяли так много внимания, что в разные годы исследователи «находили» «свидетелей» этого «исторического полета». Постепенно число удачных полетов достигло «нескольких», а длина одного из них — 200 метров. Дошло даже до того, что английская «Книга Гиннеса об авиации», признавая за братьями Райт пальму первенства в управляемых полетах на аппарате тяжелее воздуха с двигателем, отдала Можайскому приоритет в «подлете» пилотируемого аэроплана, при скатывании с рампы разгонявшегося до нужной скорости с помощью моторов [1].

В целом ряде изданий приведено значительное количество источников и документов, свидетельствующих, что в 1882—1883 годах Можайский закончил постройку и приступил к испытаниям своего летательного аппарата [2]. Однако о результатах летных испытаний достоверных данных нет, и ни одного официального документа по ним нигде так и не было обнаружено и опубликовано. Их отсутствие и послужило в дальнейшем предметом многочисленных догадок и домыслов.

Чтобы исключить все сомнения, в 1980-е годы, в преддверии 100-летия завершения постройки первого в России аэроплана, в ЦАГИ провели полномасштабное аэродинамическое исследование модели самолета Можайского. Вывод наши ученые сделали принципиальный, честный и однозначный: «Расчеты, основанные на результатах испытаний модели самолета и моделей винтов в аэродинамических трубах, показывают невозможность установившегося горизонтального полета самолета Можайского из-за недостаточной тяги».

Так откуда возник этот поистине «исторический» полет?

В почти вековой истории нашей авиации остались два периода, когда «полет первого в мире самолета Александра Федоровича Мо-

жайского» особенно активно муссировался и популяризировался. Первый из них относится к 1909 — началу 1910 года, когда успехи «аппаратов тяжелее воздуха» в Европе и за океаном постоянно привлекали внимание русской общественности и настолько подогревали ее «авиационные ожидания», что нередко на газетных страницах появлялись сенсационные сообщения о якобы увиденных в небе самолетах, хотя в России на самолетах еще не летали.

В этот период Россия разрабатывала планы использования летательных аппаратов для армии и флота, но ставка делалась на аэростаты и дирижабли. Коренным образом ситуация изменилась в 1908 году, когда братья Райт в очередной раз усовершенствовали свой самолет и с успехом продемонстрировали его во Франции побив все существовавшие авиационные рекорды. В том же 1908 году Военное министерство России приняло решение о развитии военной авиации.

В 1909 году журнал «Воздухоплаватель» опубликовал статью известного ученого полковника В. Ф. Найденова «Аэроплан в своем историческом развитии», где о полете самолета Можайского сообщалось: «В 1884—1885 гг. аэроплан был выстроен на военном поле в Красном Селе. При взлете аэроплан накренился набок и поломал поддерживающие поверхности, на этом и окончились опыты»

Примерно четверть века спустя живых свидетелей «исторического полета» при желании можно было найти, но их почему-то так и не оказалось. Даже сын изобретателя, А. А. Можайский, не удержался и в ответ на многочисленные спекуляции в прессе в письме в редакцию «Нового времени» 22 ноября 1910 года написал: «Сообщенные сведения, относящиеся к трудам первого из этих пионеров, моего отца Александра Федоровича Можайского, во многом не соответствуют действительности». Кто как не сын изобретателя должен был знать истинное положение дел и результаты испытаний в воздухе. Тем не менее, он сообщил, что «почти законченный аппарат был предложен Военно-инженерному ведомству. Это ведомство отказалось приобрести в собственность аппарат». И ни слова о полетах!

Вновь имя и мировой приоритет Можайского озвучили в нашей стране в 1947 году, когда в СССР широко отмечали 100-летие со дня рождения «отца русской авиации» Н. Е. Жуковского.

В те годы возникло даже персональное «Дело А. Ф. Можайского», недавно обнаруженное в архиве ЦК КПСС научным сотрудником

ИИЕТ РАН Ю. И. Кривоносовым. Начало ему положило письмо известного воздухоплователя и историка авиации Н. Д. Анощенко. Обращаясь к курировавшему в те годы авиацию секретарю ЦК Г. М. Малаенкову, автор письма испрашивал у властей предрержащих, какую дату полета самолета Можайского считать «правильной» и какие указания «сверху» последуют, чтобы «идеологически выдержанно» отметить и популяризировать это историческое событие.

Апофеозом апологетизации стали художественный фильм «Можайский», где самолет в полете сняли методом комбинированной съемки, и начало постройки летающей модели самолета в натуральную величину. По замыслу он должен был пролететь на очередном воздушном параде в Тушино и убедить всех, что именно так проходил «исторический полет».

Наиболее реальным развитием ситуации, по-видимому, следует считать утверждение ученых из ЦАГИ в разделе «Хроника» вышеупомянутой книги «Авиация в России» [3], отметивших, что в июле 1885 года состоялась «попытка летных испытаний самолета А. Ф. Можайского: при разбеге по земле он накренился набок и поломал поддерживающие поверхности».

Таким образом, можно уверенно полагать, что аэроплан Можайского стал первым в России построенным самолетом, доведенным до стадии летных испытаний, а июнь 1883 года следует считать важной вехой в истории отечественного авиастроения. Но не началом развития авиации в России!

Все-таки по аналогии с мировой датой рождения отечественной авиации следует считать первые успешные полеты самолетов оригинальной русской конструкции и отечественной постройки, пилотируемых нашими летчиками.

Однако и здесь остаются вопросы. Сразу три авиаконструктора в России — А. С. Кудашев, И. И. Сикорский и Гаккель совершили первые успешные полеты на своих аэропланах в июне 1910 года. Но можно ли полагать июнь 1910 года датой рождения отечественной авиации? Как тогда быть с полетами российских летчиков М. Н. Ефимова и С. И. Уточкина весной 1910 года? Ефимов свой первый самостоятельный полет совершил во Франции 25 декабря 1909 года, а в Одессе впервые поднялся в воздух 21 (8 по старому стилю) марта 1910 года. К лету Уточкин успел выступить с демонстрационными полетами в Киеве, Орле, Москве и т. д., объехав чуть ли не пол-России.

В конце апреля 1910 года в Петербурге состоялась первая авиационная неделя, и сразу после ее окончания началось систематическое обучение военных летчиков. Это ли не широкомасштабное развитие отечественной авиации?!

Недавно появилось предложение считать датой зарождения авиации России 29 (16 ст. ст.) января 1908 года — дату основания в Санкт-Петербурге Императорского Всероссийского аэроклуба (ИВАК) как «первого официального учреждения, созданного решением правительства данной страны или решением иного высококомпетентного на страны, имеющего учрежденный устав и ставящего перед собой задачи создания, отработки, эксплуатации или развития авиационного дела в нашей стране» [4]. В начале 1908 г. к моменту образования Аэроклуба в Российской империи еще не имелось ни одного летчика, не было построено ни одного аэроплана и даже не состоялся ни один демонстрационный полет на аппарате тяжелее воздуха. Более того, в первые годы своего существования ИВАК более интересовался проблемами воздухоплавания, чем авиации.

В нашей авиационной истории остался еще один возможный «претендент». В ряде источников [5] сообщалось, что в конце 1909 года в Москве изобретатель Юрий (Юлий) Кремп «построил аэроплан и мотор, пользуясь исключительно русскими материалами. Ю. Кремп много работал в автомобильном деле, а теперь занимается воздухоплаванием, 4 года тому назад он построил в Германии моноплан у Заарбрюкена. После этого Ю. Кремп много работал у немецкого авиатора Граде». Изюминкой этого самолета, отличавшегося предельной простотой, были первые в мире авиационные лыжи из ясеновой доски с отогнутым вверх носком. Летные испытания состоялись в конце декабря, и во время одного полета «после небольшого пролета на высоте 6 метров лопнул картер, и двигатель пришел в полную негодность». После ремонта самолет больше не летал, в 1910 году экспонировался на воздухоплавательной выставке в ИМТУ, потом долго стоял в Политехническом музее, но, к сожалению, не сохранился.

В советской официальной истории летные испытания самолета Кремпа полетом не называли. В. Б. Шавров писал, что «взлет не получился, но удавались подскоки. Один раз самолет ветром подбросило на высоту до 6 метров, при ударе о землю картер двигателя дал трещину, и испытания на этом прекратились» [5].

Однако когда в 1912 году в московском журнале «Аэро...» опубликовали статью киевского автора «Воздухоплавание в Киеве», редакционной сноской уточнили, что «до Кудашева поднялся и пролетел 60 м. моноплан Кремпа с мотором Кремп; полет был совершен над Москвой, но не был зарегистрирован и не получил известности. Повторить же его из-за порчи мотора и недостатка в средствах Кремп не мог». Спустя год в том же журнале подчеркивалось, что «первая попытка создания аэроплана с лыжами сделана московским конструктором Кремпом на его моноплане 1909 г., который явился первым русским аппаратом, оторвавшимся от земли» [6]. Любопытно, что в 1912—1913 годах Кремпа вспоминал постоянный автор и обозреватель журнала, в те годы совсем юный энтузиаст авиации Н. Д. Анощенко, тот самый, который спустя 35 лет испрашивал у властей партийного благословения на популяризацию полета самолета Можайского.

Увы, история постройки самолета Кремпа, да и биография самого конструктора до конца не выяснены. Ни в журналах тех лет, ни в газетном фонде подробностей наземных и летных испытаний почти нет [7].

Вызывает удивление то обстоятельство, что постройку первого в Москве аэроплана никак не отметили на подсекции воздухоплавания проходившего в те дни XII съезда естествоиспытателей и врачей. Сообщения о Кремпе и его самолете с конца января 1910 года прекратились.

Таким образом, пока нет достаточных оснований однозначно утверждать, что в конце 1909 года в Москве состоялся первый в стране полет оригинального самолета русской постройки.

Однако пока еще не все потеряно. Надеемся, что к столетнему юбилею нашей авиации коллективными усилиями удастся стереть оставшиеся «белые пятна» и окончательно определиться с национальными приоритетами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Тейлор М., Мандэй Д.* Книга Гиннеса об авиации. Минск, 1997. С. 84—85.
2. Александр Федорович Можайский — создатель первого самолета. М. Изд-во АН СССР. 1955; Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г. (Сб. документов). М., 1956. С.191—297.

3. Авиация в России. М., Машиностроение. 1988.С.80.
4. *Беляков А. И.* Санкт-Петербург, подаривший крылья России. СПб., Изд-во Буковского. 2003. С.5—6,43.
5. *Шавров В. Б.* История конструкций самолетов в С Р. До 1938 г. М., Машиностроение. 1978. С. 39—40; Библиотека воздухоплавания. 1910. № 9. С. 59.
6. «Аэро- и автомобильная жизнь». 1912. № 3. С. 9; 1913.№ 6.С.11.
7. Утро России. 1909. № 65—32 (29 декабря). С. 6; 1910. № 81—48 (15 января). С. 6; № 84—51 (19 января). С. 5.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И ЛИБЕРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ

Ульяновская Е. В.

*Российский государственный гуманитарный университет филиал
в г. Калининграде*

Начало русско-японской войны вызвало в либеральной среде острые разногласия, что было вызвано националистическими настроениями, распространившимися в обществе и среди либералов. В адрес царя от земств и городов поступали денежные пожертвования и верноподданнические письма. В среде либералов зрел раскол.

Активная дискуссия по поводу войны разгорелась в единственном печатном органе либералов-нелегальном журнале «Освобождение». Его редактор П. Б. Струве выпустил «Листок Освобождения» с целью предотвратить раскол и сориентировать своих сторонников в политической обстановке. Он напечатал свое обращение к студентам, советуя им во время демонстраций встречать войска, посланные на их разгон лозунгом «Да здравствует армия». По воспоминаниям его соратника по журналу философа С. Л. Франка, это обращение к студентам «скандализировало радикальное общественное мнение так, что они вынуждены принять меры к уничтожению листка».

Это подтверждается и письмом к Струве его постоянной корреспондентки, писательницы Е. Д. Кусковой, которая с сожалением замечала: «Никто не может понять глубокого смысла в предложении найти лозунг, который слил бы патриотизм с гражданским и свободлюбивым чувством ... У нас же чествовать армию, которая хотя и есть вооруженный народ, но народ, экспроприированный властью,

значит не понимать, что до национальной гвардии нам еще далеко». Далее Е. Д. Кускова советовала Струве «осторожней бросать лозунги и практические советы».

Бывший народник В. К. Дебогорий — Мокриевич, разбирая статью «Искры» в № 62, критикуя лозунг Струве «Да здравствует армия», утверждал, что предлагаемый редактором «Освобождения» лозунг вовсе не значит приветствия самодержавию, что нельзя необдуманно переоценивать свои силы, а нужно считаться с окружающей действительностью и чувствами, которые господствуют и настоящий момент в обществе.

Многочисленные письма в адрес редакции и полемика вокруг «Листка Освобождения» вынудили Струве более полно выразить свои взгляды на войну и русскую армию в № 17 (41) журнала. Обвиняя правительство в развязывании драмы на Дальнем Востоке, он утверждал, что когда уляжется военное возбуждение, народ «призовет к ответу те темные силы, которые ввергли нацию в такое ужасное несчастье ..., потребуют от тех, кому была поручена историей власть, не слов, а дел мира»,

В отношении армии Струве писал, что русское войско всегда героически исполняло свой долг. Сочувствие к героям-страдальцам пробудить в русских людях негодование против тех, кто погнал русский народ далеко от родины занимать ненужные ему земли и отдал его в жертву кровавой войне. Это испытание, по образному выражению автора, «будет тем молотом, который выкует русского гражданина».

Наиболее ярко взгляды редактора «Освобождения» на войну отражены в его переписке с корреспондентами журнала. Особое внимание заслуживает письмо студентов Московского университета и ответ на него П. Б. Струве. Группа сочувствующих делу освобождения России в количестве 287 человек, понимающая патриотизм «в более обширном смысле, чем это принято», обратилась к редактору с просьбой опубликовать «Открытое письмо». В нем приветствовалась молодая японская нация, вступившая на путь культуры, сумевшая завоевать свои политические права», Вместе с тем были выражены «самые светлые надежды на культурное будущее Японии».

Ответ редактора был лаконичен: «Письму не сочувствую (выделено Струве) и ни в каком случае содействовать оглашению этого документа, подлинность которого представляется мне почти фантастической, я не буду».

Со своей оценкой событий выступил П. Н. Милюков в № 19 (43) появилась его статья под псевдонимом — сс — «Война и русская оппозиция». Соглашаясь с мнением редактора и его единомышленников в том, что войну ведет не Россия, а бюрократия, Милюков, с присущим ему сарказмом заметил, что предлагаемые лозунги неосуществимы по «техническим» соображениям, так как такие «патриотические» демонстрации были бы запрещены полицией. Но даже если они произойдет, то принятие этих лозунгов было бы недостойным для студентов шагом. Автор присоединился к мнению социал-демократов и предлагал все лозунги объединить для краткости «в знаменитую народную поговорку — «Долой самодержавие».

Вслед за статьей Милюкова редактор поместил свой ответ. Он уже не видел смысла в отставании своих лозунгов в данный момент, т. п. патриотические манифестации были запрещены правительством. Анализируя общественное мнение России, Струве утверждал, что «... отдавшись по случаю японской войны «патриотизму», в котором гражданское чувство безобразно перемешано с холопством и легкомыслием, общественное мнение направилось по линии наименьшего сопротивления и наибольшего удобства». Он замечал, что существует потребность в национальной солидарности, которая создаст «общую почву с теми, кто нас еще не понимает».

К мнению редактора присоединились многие либеральные деятели. Одно из таких писем было опубликовано в № 24 (48) под псевдонимом «Земский гласный У». Он дал характеристику патриотическим настроениям с точки зрения человека, живущего в России, обратив внимание на взрыв верноподданнических чувств. Автор увидел в этом смесь патриотизма с всплывшим на поверхность холопством и лицемерием. Но самое опасное для освободительного движения он увидел в искреннем, уродливом патриотизме, овладевшем большей частью общества, к сожалению, отмечал он, этот патриотизм распространился на либеральный лагерь, часть которого считала, что теперь не время заниматься внутренними распрями, когда на Россию напали японцы и необходимо защищать свою родину, свою национальную часть до последней капли крови.

Как бы в подтверждение этой мысли, в № 130 была опубликована статья, выражавшая взгляды части либерально настроенной интеллигенции, проникнутой «патриотическими чувствами». Констатируя тот факт, что война застала русских конституционалистов в начале

их организации и коренным образом изменила все их расчеты, автор выдвигал ряд предложений по изменению программы и тактики либеральной оппозиции. В статье были предложены ближайшие задачи, на решение которых конституционалисты, по мнению автора, должны были сосредоточить все свои силы. Было предложено:

- 1) знакомить общество с историей и деятельностью Красного Креста;
- 2) извещать о положении дел на Сибирской железной дороге;
- 3) распространять в обществе сведения по финансовым вопросам в связи с войной;
- 4) распространять известия с театра военных действий;
- 5) показать, что г. Плеве является настоящим союзником японцев, раздувая внутреннюю войну.

Критикуя политику самодержавия на Дальнем Востоке угрожающую целостности России, автор заявлял: «... к несчастью, столкновение с Японией возникло раньше, чем сознание такой опасности проникло в достаточно широкие круги и пагубное столкновение не смогло быть предупреждено». Общественное мнение уже проникло «духом патриотизма», поэтому конституционная партия должна принять пассивное положение перенести центр тяжести на вопросы войны. Касаясь программы либералов, автор категорически заявил: «Нет никаких споров: в виду войны всякие провозглашения конституционных требований и заявлений прекращаются, по крайней мере на первые неясные месяцы».

Такая постановка вопроса вызвала решительный протест у находившегося в это время за границей П. И. Милюкова. Уже через месяц в «Освобождении» была опубликована его статья «Очередные задачи русских конституционалистов». Его не удовлетворяла тактика, предлагаемая его оппонентом. Милюков считал, что «в своем патриотическом усердии убедить русское общество, что г. фон Плеве — «союзник японцев», единомышленники автора сами рискуют в действительности оказаться союзниками Плеве». Аргументируя свою точку зрения, Милюков утверждал, что влияние на общественное мнение, которое всегда было главным оружием конституционалистов, упускать нельзя. Иначе конституционалистам придется плестись за событиями, предоставляя врагу спутывать все свои расчеты. «Если Плеве может создавать настроения и события, тогда почему либеральная партия влиять на эти события не может?» — задавал он риторический вопрос.

Давая характеристику внешней политики России на дальнем Востоке, П. Н. Милюков подчеркивал ее бесплодность, утверждая, что самодержавие само не знает, чего хочет. Эта авантюра уже дискредитировала правительство Плеве, его конца ждет Витте, чтобы явиться в роли спасителя России, какую программу тогда выдвинет заместитель Плеве, будет зависеть от того, какое общественное мнение сложится. Со своей стороны он подчеркивал следующие необходимые условия такой программы, которая могла бы удовлетворить общественное мнение:

1) народное представительство, не ограниченное совещательной ролью при предварительной подготовке законопроектов, а облеченное законодательной властью с правом рассмотрения бюджета;

2) это представительство должно выбираться не от каких-либо учреждений, а непосредственно самим населением путем прямых выборов.

Осенью 1904 г. после ряда поражений русской армии на Дальнем Востоке, после убийства Плеве и прихода на пост министра внутренних дел Святополка-Мирского со страниц «Освобождения» либералы призывали закончить «бессмысленную войну» как можно быстрее. Причем этот вопрос должен был быть решен не одним правительством, а при участии выборных представителей народа. Показательна в этом отношении статья П. Б. Струве «Государственная возможность немедленного прекращения войны», в очередной раз говоря об авантюризме внешней политики самодержавия, он аргументировал свои взгляды тем, что назвал «парадоксом русско-японской войны». Этот парадокс для автора заключался в полном совпадении ближайших политических целей Японии и России: «Япония стремится вытеснить Россию из Манчжурии; русский народ заинтересован в том, чтобы уйти оттуда с возможно меньшими потерями». Струве писал: «Для России дело не в японских притязаниях, но о том, чтобы не сделать ложного шага, т. е. не взять на свои плечи Манчжурию, владение которой и без войны окажется для нас постоянной политической и финансовой раной, которая будет отвлекать русские силы и средства на Дальнем Востоке».

Как видим, обвинения либералов в «непатриотизме» неосновательны. Их позиция по отношению к русско-японской войне диктовалась, прежде всего, интересами государства.

Преступность войны они видели, с одной стороны, в попытке обогатиться части бюрократии за счет интересов народа и государства,

а с другой — в решении наболевших внутренних противоречий «маленькой победоносной войной», пролитием крови, если не в самой России, подавляя революционное движение, то на окраине, подставляя под пули свою армию, т. е. тот же народ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Освобождение. Штутгарт, Париж, 1902—1905.
2. *Шаццлло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. Организация. Программы. Тактика. М., 1985.
3. Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 279 фонд П. Б. Струве и редакции журнала «Освобождения».
4. *Франк С. Л.* Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956.

ТРАНСФОРМАЦИИ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЙСК

Волков А.Ю.

*Российский государственный гуманитарный университет
филиал в г.Ярославле*

Процессы, происходящие в течение уже длительного времени в Министерстве обороны Российской Федерации не могут не пораживать. С 1993 года осуществляется «строительство» Вооруженных Сил Российской Федерации (см., например, приказ Министра обороны Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 1 «О мерах по улучшению финансового обеспечения строительства и подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации» в данный момент уже не действующий), приведшее ныне уже не только к значительной потере боеготовности и боеспособности Вооруженных Сил России, но и к передаче в руки гражданских «менеджеров» ряда ключевых должностей, связанных с обеспечением деятельности Вооруженных Сил, что грозит не только дальнейшим падением боеспособности, но и коммерциализацией военных структур, обеспечивающих национальную оборону.

На лицо попытка изменить структуру обеспечения армии по зарубежным образцам и одновременно привнести российские особен-

ности в использование средств федерального бюджета, направленное не только на выполнение государством своих задач и функций, но и на обогащение отдельных околоармейских коммерческих структур и связанных с ними лиц. Коммерциализация обеспечения войск явно просматривается по таким направлениям, как продовольственное, вещевое, финансовое обеспечение.

Исторически армия занималась своим обеспечением сама (соблюдая порядок и правила установленные государством) и справлялась с данной работой (хорошо или плохо — в зависимости от ситуации но, по крайней мере, винить было некого) Необходимо отметить, что российские Вооруженные Силы имеют богатый опыт самообеспечения, как в условиях мирного, так и военного времени.

Взять, к примеру, финансовое обеспечение войск.

Финансовое обеспечение войск — Вооруженных Сил Российской Федерации это система мероприятий, которые организуются и проводятся с целью своевременного и полного удовлетворения потребностей воинских частей армии и флота в денежных средствах. Практика войск, выводы и рекомендации науки определяют, что финансовое обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации включает ряд взаимосвязанных элементов: финансовое планирование; финансирование; истребование, получение, хранение, экономное и рациональной расходование денежных средств; бухгалтерский учет и отчетность; финансовый контроль за финансово-экономической деятельностью войск и сил флота; анализ финансово-экономической деятельности войск и сил флота.

Финансовая деятельность воинских частей и учреждений, как в досоветские времена, так и в Союзе Советских Социалистических Республик базировалась на организационных принципах общих для финансовой системы государства, в том числе на таком важнейшем из них, как финансовая самостоятельность первичных звеньев хозяйственной деятельности. Воинские части были наделены правом истребования государственных денежных средств и их самостоятельного использования, но с обязательным соблюдением государственной плановой и финансовой дисциплины, подотчетностью и подконтрольностью перед государством.

Организация финансовой деятельности воинских частей строилась с учетом специфического требования, предъявляемого к военному хозяйству вообще, в любой его отрасли: быть в мирное время

таким, чтобы с минимальной перестройкой, а по возможности без всякой перестройки, оказаться способным выполнять свои функции в условиях военного времени и непосредственно в боевой обстановке (в любых условиях).

Перед Великой Отечественной войной для упрощения финансовой деятельности в войсковом звене рассматривалась возможность ликвидации в военное время самостоятельного финансового хозяйства в воинских частях, входящих в состав соединений, и полного перевода их на авансовую систему финансирования. Однако проведенная в порядке опыта в период советско-финляндской войны проверка авансовой системы финансирования войск Ленинградского фронта выявила неприемлемость ее в качестве основной формы организации финансового обеспечения воинских частей.

В качестве основной формы финансового обслуживания войск на военное время было сохранено самостоятельное финансовое хозяйство воинских частей, что явилось результатом всесторонней оценки всех ее преимуществ, которые полностью подтвердились опытом Великой Отечественной войны.

Практика первых же месяцев Великой Отечественной войны показала, что применявшиеся в мирное время порядок финансового планирования и истребования денежных средств, формы финансового учета и отчетности в воинских частях оказались излишне детализированными и технически не приспособленными к условиям военного времени. В целях упрощения и унификации они были подвергнуты перестройке применительно к сложившимся условиям. То есть если и требовались некоторые изменения в ведении финансового хозяйства воинскими частями действующей армии, то эти изменения, коснулись лишь чисто технических сторон (порядка кассового обслуживания, некоторого упрощения учета, отчетности, ужесточения контроля) но не затрагивали его самостоятельности.

Зарекомендовавшая себя в период Великой Отечественной войны система финансового обеспечения войск просуществовала почти до XXI века с рядом изменений, адаптировавших ее к финансовой деятельности государства (в основном изменения касались увеличения сроков планирования, изменения схем финансирования и попыток установить всеобъемлющий финансовый контроль).

Следует отметить, что в ходе боевой подготовки в мирное время, в Вооруженных Силах Союза Советских Социалистических Респу-

блик финансовое обеспечение войск отрабатывалось и было регламентировано по ряду направлений: в мирное время на территории страны; в мирное время на территории иностранных государств; в период от мобилизации и приведения в боевую готовность; в ходе ведения боевых действий, как на территории страны, так и за рубежом. Причем, в мирное время для обеспечения бесперебойного финансирования перехода воинских частей на штаты военного времени и потребностей новых воинских формирований заблаговременно разрабатывались соответствующие финансовые планы. Были подробно и также заблаговременно регламентированы обязанности воинских частей по финансовой деятельности в связи с их убытием в действующую армию.

В настоящее время имеет место регламентация финансового обеспечения войск Вооруженных Сил Российской Федерации на мирное время (в соответствии с требованиями современного бюджетного законодательства), а также на период мобилизации и на военное время (в соответствии с ведомственными, еще советскими нормативными актами), причем порядок финансового обеспечения в данном случае несопоставим. Что касается финансового обеспечения войск на иностранной территории, в ходе антитеррористических операций, в ходе локальных конфликтов, миротворческих операций, и т. д., то опыт финансового обеспечения имеется, а регламентация либо отсутствует, либо противоречит установленной в настоящее время финансовой (бюджетной) законодательством.

Причина в том, что в течение последних 10—15 лет составные части финансового обеспечения войск по субъективным и объективным причинам подверглись значительной трансформации и существенно меняли содержание. Сейчас вместо финансового планирования говорят о бюджетировании, перспективном или программно — целевом планировании, бюджетном планировании. В финансовом обеспечении появился новый элемент, такой, как санкционирование расходов бюджета, которое включает утверждение смет доходов и расходов, доведение лимитов бюджетных обязательств, принятие бюджетных обязательств и по существу весь этот процесс включает в себя истребование денежных средств. Финансирование предстает как доведение объемов финансирования расходов по принятым бюджетным обязательствам. Получение, хранение и расходование денежных средств с учетом казна-

чейского исполнения бюджета так же видоизменились достаточно значительно. Учет (бюджетный!) и отчетность охватывают теперь все стороны хозяйственной деятельности, а не только денежные средства и обязательства. Такой элемент как анализ хозяйственной деятельности, который необходимо рассматривать как логическое завершение учетного процесса, основу для принятия управленческих решений и в том числе для финансового планирования существует формально, чаще в виде анализа нарушений финансовой деятельности. Что касается контроля, то он должен рассматриваться не как завершающий этап финансового обеспечения войск, а как деятельность, сопровождающая финансовое обеспечение в любом его элементе (стадии). Таким образом, коренным образом изменились все структурные составляющие финансового обеспечения, что требует их тщательного между собой согласования, с учетом предназначения войск.

Имея настолько рассогласованную и сложную систему финансового обеспечения войск, с все накапливающимися и не решаемыми проблемами, необходимо приложить все усилия к ее согласованию и применению в интересах войскового звена. Однако, в течение уже более десяти лет продолжаются трансформации элементов финансового обеспечения (их содержания) и структуры финансовых органов, зачастую не связанные между собой и не идущие на пользу предназначению войск.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Воробьев В. В.* Финансово-экономическое обеспечение оборонной безопасности России: проблемы и пути их решения. Научное издание. СПб.: ГУЭФ, 2003. — 416 с.

2. *Тиванов В. В.* Финансы Русской Армии (XVIII век — начало XX века). М., ВФЭФ, 1993. — 256 с.

3. *Федчишин Ю. И.* Организация финансового обеспечения в Вооруженных Силах: проблемы теории и практики. Научное издание. Ярославль, ЯВФЭИ, 2004. — 356 с.

4. Финансовая служба Вооруженных Сил СССР в период войны / Под ред. М. В. Терпиловского. М.: Воениздат, 1967. — 412 с.

5. Финансы Вооруженных Сил СССР: Учебник. / Под ред. В. Н. Дутова. М., Воениздат, 1986. — 400 с.

ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В РАЗВИТИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Исахаев У. Б.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Важнейшим этапом в развитии Вооруженных Сил являлся период с 1924—1928 гг., когда военно-политическим руководством страны были приняты шаги по реконструкции Красной Армии. В первую очередь сложность данного периода была связана с сокращением численности Вооруженных Сил и введением смешанной системы комплектования, которая представляла собой совокупность территориально-милиционной и кадровой систем.

Руководство страны придавало большое значение национальным воинским формированиям. Национальные формирования — соединения и части, создававшиеся в 1918—1938 гг. и 1941—1945 гг. по признакам национальной принадлежности.

Основные мероприятия в развитии национальных воинских формирований были проведены в период военной реформы 1924—1928 гг.

В 1924 г. на XII съезде РКП (б), было принято решение об усилении работы в данном направлении. На основании решений съезда пленум Реввоенсовета СССР (комиссия под руководством Ф. Э. Дзержинского) в ноябре 1924 г. разработал и принял 5-летнюю программу национального строительства Красной Армии. В данной программе определялся порядок комплектования национальных воинских формирований с учетом потребностей страны в обороне. Также было определено, в какой Республике расположить ту или иную национальную воинскую часть (в Казахстане и Туркменистане — кавалерийской дивизии; в Киргизии и Таджикистане — кавалерийского полка; в Узбекистане — стрелковой и кавалерийской дивизии). Национальные воинские формирования были введены и в автономных областях, так в Бурят-монгольской АССР — кавалерийский полк, в Татарской АССР — территориально-стрелковой дивизии и т. д.

В мае 1925 г. III Всесоюзный Съезд Советов одобрил данный план и поручил «Центральному Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров Союза ССР обеспечить выполнение намеченной программы создания национальных формирований, как отвечающей

интересам всех народов Союза ССР в деле защиты общего их Социалистического Отечества».

Национальные формирования были устроены следующим образом:

а) организация войск и обучение личного состава осуществлялись по общим для РККА канонам;

б) обязательным оставалось руководство национальными частями со стороны ВКП (б), которое осуществлялось путем отбора политически надежных элементов через общественные организации;

в) с точки зрения боевой подготовки национальные части должны были соответствовать уровню Красной Армии, для чего предполагалось укомплектовать начальствующий состав подготовленными военными специалистами, издавать необходимую литературу и т. д.

В ходе осуществления военной реформы национальное военное строительство увязывалось с историческим прошлым и национальными особенностями регионов. Обучение военному делу в национальных формированиях проходило, как правило, на родном языке. Причем происходило параллельное освоение исполнительных команд на русском языке, знание которого для национального комсостава было обязательным.

В программе о национальном строительстве также было решено, что в регионах, где население до революции привлекалось на военную службу, создавались национальные дивизии, там же, где население не попадало под воинскую повинность, было признано, целесообразным в начале создавать военные школы и небольшие кадровые опытно показательные подразделения. Затем на их базе создавать национальные части и соединения.

Уже в 1926 г. стрелковые и кавалерийские национальные дивизии и полки создаются на Украине, в Белоруссии и Грузии, в Узбекской, Казахской и Туркменской республиках, в Бурят-монгольской, Башкирской, Таджикской, Татарской и Якутской АССР.

Всего в 1925 г. было создано 18 национальных военно-учебных заведений. Кроме того, принимались меры к увеличению представителей нерусских национальностей в других военно-учебных заведениях. Если на 1 октября 1923 г. в них обучалось 23,7% курсантов этой категории, то в 1925 г. их стало почти 34%.

К весне 1925 г. в национальных воинских формированиях служило 65 тысяч человек, что составляло десятую часть общей численности Красной Армии.

Позднее, в 1926—1927 гг. на некоторые языки народов СССР были переведены военные уставы, наставления, учебные пособия. На родном языке допризывников и военнослужащих издавалась политическая и общеобразовательная литература, газеты и журналы.

Оценивая кадры национальных частей с точки зрения интересов боеспособности Красной Армии, народный комиссар обороны утверждал, что в этом отношении получены определенные плюсы. Он выделял несколько плюсов национального строительства:

- 1) к обороне границ страны привлечены, новые миллионные массы трудящихся, населяющие наиболее уязвимые районы;
- 2) обучение на родном языке благоприятно отразилось на усвоении красноармейцами военных знаний;
- 3) укрепление отношений между многочисленными народами Союза, особенно между народами Закавказья;
- 4) демобилизованные красноармейцы из национальных частей возвращались домой политически и культурно грамотными
- 5) создание красных нацчастей является подлинным освобождением от гнета.

Национальные воинские части на самом деле сыграли определенную положительную роль:

если в царской России представители около 40 национальностей не допускались в ряды Вооруженных Сил, то их привлечение в 20—30-е гг. расширило мобилизационные возможности страны;

они в известной мере способствовали изживанию национальной вражды, укрепление дружбы между народами СССР;

в национальных дивизиях боролись за грамотность красноармейцев, так как 95% азербайджанцев, 90% представителей Средней Азии, 45% армян и 35% грузин призывались неграмотными.

В нашей стране национальные воинские соединения, части и подразделения просуществовали до конца 30-х гг. В связи с постановлением ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР, принятым 7 марта 1938 г. они были реформированы в общесоюзные воинские части с экстерриториальным комплектованием и дислокацией, а граждане национальных республик и областей призваны к выполнению воинской службы на общих со всеми национальностями СССР основаниях.

Создание и функционирование национальных воинских частей серьезно затруднялось некоторыми историческими, внутривнутриполитическими обстоятельствами.

Так, на Украине, в Грузии, Армении, Азербайджане все еще оставались, сильны буржуазные и мелкобуржуазные националисты. Особенно сложно было создавать национальные части в Средней Азии и Закавказье, так как многие народы этих регионов до революции вообще не призывались на военную службу, а вместо этого платили специальный налог.

Надо заметить, что по уровню боевой и политической подготовки национальные формирования не уступали общесоюзным. Об этом свидетельствовали как инспекторские проверки тех лет, так и полученные ими высокие оценки на маневрах войск РККА.

Начальник ПУРККА Л. З. Мехлис об отказе от национальных воинских формирований говорил: «Ликвидация национальных формирований прошла хорошо. Но в некоторых частях Белорусского особого военного округа формирование подразделений производится до сих пор по национальному признаку. Это неверно. Во 2-й стрелковой дивизии один из командиров рот исключил из списков всех нацменов для участия в наряде. Имеются тенденции посылать на работы националов вне очереди. В 15-м стрелковом полке была попытка сговора нацменов не отвечать, когда с ними разговаривают на русском языке».

1 сентября 1939 г. был принят новый закон «О всеобщей воинской обязанности», который отменял классовые ограничения в военной службе и устанавливал новый порядок ее прохождения. Интересы безопасности государства требовали создания многомиллионной кадровой армии с единым экстерриториальным принципом комплектования.

Национальные воинские формирования внесли свой большой вклад в общую систему реформирования Вооруженных Сил СССР в 30-е годы XX века.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Деятельность Коммунистической партии по созданию и укреплению Советских Вооруженных Сил (1917—1941 гг.). М., ВПА, 1958.
2. Берхин И. Б. Военная реформа в СССР (1924—1925 гг.). М., Воениздат, 1958.
3. Советские Вооруженные Силы. История строительства. М., Воениздат, 1978.
4. КПСС и строительство Вооруженных Сил СССР. М., Воениздат, 1959.

5. *Осьмачко С. Г., Лушников А. М.* Развитие Советских Вооруженных Сил в межвоенный период (1921—1941 гг.): опыт и уроки. Ярославль, ЯВЗРКУ ПВО, 1992. С.17.

ВОИНСКАЯ ДИСЦИПЛИНА: ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Жарков В. В.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

С конца 20-х годов в сводках и политдонесениях стали встречаться сообщения о больших количествах дисциплинарных нарушений. В особенности в данный период стал, замечен рост коллективных нарушений и всяческого рода протестов (голодовок). Если в 1927—1928 гг. было 25 случаев голодовок, то за зиму 1929 г. — 69 случаев. При анализе данных цифр можно с уверенностью сказать, что в армии с каждым годом увеличивалось недовольство проводимыми военно-политическим руководством страны мероприятиями.

В Политдонесении Политического управления МВО за 1929 г. говорилось: «Коллективные нарушения дисциплины и отказ от пищи имеют в своей основе недостаточное и несвоевременное изучение настроений красноармейцев, небрежное отношение начсостава к нуждам последних». Основными причинами данных нарушений воинской дисциплины стали:

— во-первых, хозяйственно-бытовые недочеты и недочеты работы начсостава — 61,8% и 62,5% соответственно;

— во-вторых, повышенная требовательность и нежелание подчиняться уставному порядку — 38,2% и 37,5%.

Начальником ПУРККА Я. Б. Гамарником 8 января 1931 г. в связи с ростом числа коллективных нарушений была издана директива, в которой говорилось: «Не ослабляя борьбы с воинскими преступлениями, бюрократизмом и волокитой обратить особое внимание на необходимость усиления судебной репрессии по делам о коллективных нарушениях дисциплины...».

К началу 30-х годов в сводках ПУРККА стала появляться информация о дезертирстве красноармейцев. За ноябрь — декабрь 1931 г. в ряде округов развиваются уклонения от воинской службы, так за данный период по 6-ти военным округам бежало — 112 человек,

причем большинство молодые красноармейцы. Так же появились сообщения о побегах за границу. В 1931 г. 6 случаев (8 участников), а в 1930 г. 2 случая (2 участников). Из них в: Польшу — 2; Румынию — 3; Турцию — 1; Афганистан — 2 человека.

Нарком обороны К. Е. Ворошилов, выступая на Всесоюзном совещании политработников РККА в апреле 1938 г., констатировал: «Слишком много у нас происходит безобразий с нашей, так называемой, дисциплинарной практикой. Товарищ Голиков сообщает здесь, что у них 80 тыс. взысканий было за год. Это умопомрачительная цифра, про нее, кроме этого зала и говорить нельзя — очень позорна эта цифра». Одной из причин увеличения нарушений дисциплины в армии стало распространение пьянства, которое до середины 30-х годов в сводках ПУРККА встречалось в несколько раз реже. Так в Политдонесении Политического управления МВО отмечалось: «Значительное усиление пьянства красноармейцев и в особенности комсостава, проходящего часто при участии членов партии и имеющих в большинстве случаев безобразные формы, говорит о недостаточной работе по устранению этого явления».

В связи с распространением данного позорного явления нарком обороны в декабре 1938 г. был вынужден издать специальный приказ «О борьбе с пьянством в РККА».

Начальник ПУРККА Л. З. Мехлис, выступая на Военном совете в ноябре 1938 г., призвал: «Надо покончить с пьянством среди командно-политического состава. Мы не можем терпеть в своих рядах безнадежных пьяниц, позорящих К А. Ответственные командиры должны быть примером в этом отношении». В связи с этим было принято решение развернуть пропаганду по вопросам санитарии и гигиены, указывая, что «хорошо поставленная санитарная пропаганда окажет большую помощь в борьбе с пьянством, за физическую выносливость, ловкость и сноровку».

В 1939 г. при инспектировании 3 корпуса ПВО было выявлено: в 339 полку за 4 месяца 8 пьянок с дебошем; в прожекторном полку за 10 месяцев отмечено 45 случаев пьянства и пьянства с дебошем — 8 случаев; в полку ВНОС — за 9 месяцев 12 пьянок; в 252 артиллеристском полку за 8 месяцев-отмечено 32 случая пьянок. Все эти цифры позволяют с уверенностью сказать, что проведенные мероприятия по борьбе с пьянством результатов не дали.

В докладе начальника ПУРККА Центральному комитету ВКП (б) от 23 мая 1940 г. говорилось: «Пьянство продолжает оставаться бичом армии. Особенно безобразные формы принимает пьянство среди начсостава. Командир не считает зазорным появляться в пьяном виде на улице, в парке, театре и кино, что непонятно населению, предъявляющему высокие требования к Красной Армии и ее начсоставу. В ресторанах не редко пьют водку рядом сидящие начальники и красноармейцы».

В сводках ПУРККА чаще стали встречаться донесения о самоубийствах и покушениях на самоубийства, так по докладу Главного военного прокурора РККА число самоубийств и покушений на самоубийства в 1938 г. возросло и составило 832 случая, а в 1937 г. их было 782. И с каждым годом продолжался их рост. Так, в 1939 г. число самоубийств достигло 1171.

Встречались случаи утверждения того, что главные причины лежат не в Красной Армии, а за ее пределами. Так, в резолюции Военно-политического совещания 7-го стрелкового корпуса по докладу прокурора корпуса о самоубийствах за 1928—1929 гг. было записано: «Военно-политическое совещание, признает, что общие причины, предрасполагающие к самоубийству, лежат за пределами Красной Армии и требуют серьезного изучения». Однако самое большое число нарушений воинской дисциплины встречались в период ведения боевых действий, здесь стали встречаться новые дисциплинарные проступки (мародерство, барахольство, самочинные расстрелы), которые в мирное время не упоминались.

В определенной мере характеризует состояние воинской дисциплины уголовная статистика. Если всех осужденных военным трибуналом в период боев у озера Хасана (июль-сентябрь 1938 г.) принять за 100%, то доля различных преступлений составит: побег с поля боя — 35%, самовольное оставление части — 7%, нарушение караульной службы — 8%, неисполнение приказа — 5%, халатность и злоупотребления — 14%, контрреволюционная агитация — 9%, прочие дела — 22%.

Из них к расстрелу были приговорены 58%, осуждены на срок от 5 до 10 лет лишения свободы 23%, от 3 до 5 лет — 15%, осуждены условно — 2% и оправданы 2% подсудимых. Результат работы 90-й военной прокуратуры на Халхин-Голе показал, что в армии большие проблемы с дисциплиной. Более 42% всех следственных

дел (122 из 290) были заведены по факту членовредительства. Так, в донесении начальника ПУРККА от 16 июля 1939 г. о ходе боев у реки Халхин-Гол говорилось: «В прибывшей 82 стрелковой дивизии отмечены случаи крайней недисциплинированности и преступности ... Личный состав исключительно засорен и никем не изучен, особенно оказался засоренным авангардный полк ... В этом полку зафиксированы сотни случаев самострела себе руки». Этих постыдных действий было значительно больше, что признавалось официально: часть стремящихся таким путем уклониться от боевых действий, просто не была выявлена среди раненых, другая часть, после профилактических дисциплинарных бесед, отправлялась назад в подразделения. С 31 мая по 13 сентября ежедневно военная прокуратура заводила до 17 дел по фактам членовредительства. Встречались случаи позорного бегства с поля боя, в донесении от 16 июля 1939 г. отмечалось: «Полк в первый день боя поддался провокационным действиям и позорно бросил позиции, перед этим предательски попытались перестрелять комполитсостав бойцы этого полка». Не редки были случаи побега с поля боя за границу с оружием. Например, 12 июня 1939 г. водитель машины отдельного противотанкового дивизиона 39-й стрелковой дивизии красноармеец Зимин П. А. совершил побег в Манчжурию с оружием. Перед своим побегом он говорил: «Лучше идти работать, чем заниматься политзанятиями ... Сейчас нас кормят, одевают и обувают хорошо. Готовят из нас пушечное мясо». Всего в донесении ПУРККА отмечалось 31 такой случай.

В предвоенный период произошел всплеск нарушений воинской дисциплины, который был связан:

— во-первых, с массовыми репрессиями, которые породили в стране обстановку недоверия, боязни за себя и за жизнь своих родных и близких;

— во-вторых, с тем, что командно-принудительные методы приобрели самодовлеющее значение (меры принуждения стали преобладать над методами убеждения);

— в-третьих, с неправильной системой воспитательной работы, которая зачастую подменялась политической агитацией и пропагандой решений партии и советского правительства.

ВОЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА В КРАСНОЙ АРМИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Новосельцев М.С.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

В период «мирного затишья» особое внимание было уделено профессиональной подготовке военных кадров в военно-учебных заведениях, созданию стройной системы военных школ, курсов совершенствования начсостава и военных академий для подготовки среднего, старшего и высшего начальствующего состава.

К началу 1928 г. средний командный состав РККА готовился в 49 командных школах (16 пехотных, 6 артиллерийских, 5 кавалеристских, 2 школы связи, 2 инженерные, по одной школе военных лекарских помощников, военных сообщений, топографической, артиллерийско-технической, механической тяги и 11 объединенных школ). Кроме того, было 8 школ Военно-Воздушных Сил.

Подготовка старшего и высшего начальствующего состава РККА велась в 6 военных академиях: Военная академия РККА имени М. В. Фрунзе, Военно-техническая академия РККА имени Ф. Э. Дзержинского, Военно-воздушная академия РККА имени Н. Е. Жуковского, Военно-морская академия, Военно-медицинская академия и Военно-политическая академия РККА имени Н. Г. Толмачева. Кроме того, для подготовки старшего и высшего начсостава существовало 5 военных факультетов при гражданских институтах и 4 высшие школы.

Техническая реконструкция Красной Армии поставила ряд новых проблем в подготовке военных кадров, а именно — по формированию специальных военных академий, училищ, школ. Они были созданы после выхода в свет постановлений ЦК РКП (б) «О командном и политическом составе РККА» от 25 февраля 1929 г. и 5 июня 1931 г.

21 мая 1932 г. комиссия обороны при Совнаркоме СССР приняла постановление развернуть на базе Военно-технической академии и трех гражданских институтов Академию моторизации и механизации, Военно-химическую академию, Электротехническую академию и организовать Военно-транспортную академию. В конце 1929 г. были открыты заочная и вечерняя академии.

Военно-политические курсы и школы в рассматриваемый период претерпели такие же изменения, как и школы по подготовке комсоста-

ва. С 1932—1933 учебного года ленинградские и полтавские военно-политические курсы реорганизируются в военно-политические школы с двухгодичным сроком обучения, а московские военно-политические курсы — в курсы усовершенствования среднего политсостава с годичным сроком обучения. В январе 1929 года было принято специальное постановление РВС СССР «О курсах усовершенствования командного состава РККА», которое определяло основную цель и задачи курсов. Срок обучения на курсах устанавливался 9 месяцев.

В соответствии с решением правительства о высшей школе 4 декабря 1932 г. было принято постановление РВС СССР «О постановке учебной работы в военных академиях РККА». Этим постановлением определялись основные требования к учебному процессу, устанавливался десятичасовой рабочий день слушателей — 6 часов в классе с преподавателем и 4 часа самостоятельной работы, все академии переводились на строевой расчет, на каждом курсе назначался начальник. Для руководства академиями создавался Совет по делам военных академий при РВС С Р. Его председателем был начальник Генерального Штаба РККА.

На изучение общественных дисциплин в академии отводилось 10—12% учебного времени. С 1932—1933 учебного года во всех академиях был введен новый предмет — марксизм-ленинизм о войне и армии.

Преобразования организационно-штабных структур в армии, их техническое перевооружение требовали соответствующей подготовки военных кадров. Важной формой повышения военно-теоретических знаний начальствующего состава и выработки у него практических навыков являлась командирская подготовка.

В систему командирской учебы входили военные игры, тактические учения и маневры. Начиная с 1930—1931 учебного года принимаются меры по улучшению командирской подготовки: занятия проводятся два раза в декаду по 7 часов в день (42 часа в месяц).

Необходимое место в системе командирской учебы с 1932—1933 учебного года заняла общеобразовательная подготовка. До этого она проводилась, главным образом, добровольно в кружках. Обязательную форму она приобрела для начсостава, не имеющего среднего образования. Программа занятий рассчитывалась на 2 года по 120 часов в год. Изучению подлежали русский язык, математика и физика. Приказом Наркома обороны от 10 июля 1935 г. начсостав, не имею-

ший законченного неполного среднего образования, обязывался к 1 января 1939 г. получить знания в объеме неполной средней и средней школы.

Начиная с лета 1932 г. в систему командирской учебы включается марксистско-ленинская подготовка начсостава, которая расценивалась как обязательное звено боевого и политического совершенствования. Программа марксистско-ленинской учебы составлялась ПУРККА и строилась в основном на изучении произведений классиков марксизма-ленинизма и решений партии.

В итоговом приказе Реввоенсовета СССР от 9 ноября 1932 г. говорилось: «Впервые в текущем году введенная в организационном порядке марксистско-ленинская подготовка всего начальствующего состава, при повышенном интересе с его стороны, дала положительные результаты».

В этот период в систему командирской подготовки включалось изучение иностранных языков, физическая закалка начальствующего состава (легкая и тяжелая атлетика, классическая борьба, гимнастика, плавание и фехтование).

Особое внимание уделялось подготовке среднего начсостава, формированию новых военных школ, которые готовили командиров в сокращенные сроки — за 1—1,5 года (вместо 2,5—3 лет). Значительно расширилась емкость военно-политических курсов, на которых готовился средний политсостав. В 1931—1932 гг. был открыт ряд новых военно-политических школ.

Руководствуясь требованиями постановлений ЦК ВКП (б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» и ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах», военно-учебные заведения ликвидировали «лабораторно-бригадный метод» в обучении.

Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» определяло целевые установки и профиль подготовки командных, политических и инженерно-технических кадров по каждой академии (факультету). Устранялась многопредметность в учебных планах, вводилось твердое расписание на семестр и учебный год. Для рассмотрения учебно-методических вопросов были созданы ученые советы академий.

К концу второй пятилетки высший и старший начальствующий состав армии и флота готовился в 13 военных академиях, в одном военном институте и на 5 военных факультетах при гражданских институтах.

В 1937 г. средний начсостав готовили 75 военных училищ (с 1937 г. военные школы стали называться военными училищами), в том числе 18 авиационных, 7 военно-морских, 11 артиллерийских, 9 бронетанковых и другие.

Приказом Наркома обороны от 27 сентября 1938 г. все артиллерийские, танковые технические, пехотные, кавалерийские и военнo-хозяйственные училища переводились с трехлетнего на двухлетний срок обучения. Наряду с увеличением сети военных академий, училищ и школ в военных округах и объединениях были расширены и дополнительно организованы многочисленные курсы младших лейтенантов и военных техников, которые комплектовались за счет младших командиров срочной и сверхсрочной службы. Накануне войны действовало 68 курсов усовершенствования начсостава.

В 1939 г. Советские Вооруженные Силы имели 14 военных академий и 6 специальных военных факультетов при гражданских вузах. Наряду с основными при каждой военной академии действовали вечерние и заочные факультеты, а также курсы усовершенствования. В 1940 г. и в начале 1941 г. высший и старший начсостав готовили уже 16 академий и 10 военных факультетов при гражданских вузах. Кадры среднего начсостава готовили 63 сухопутных училища, 32 летные и лётно-технические школы.

Происходящие преобразования в армии в целом потребовали повышения военных знаний у политработников. В постановлении ЦК ВКП (б) 1929 и 1931 годы «О командном и политическом составе РККА» выдвигались требования решительно повышать военные знания политработников. В соответствии с этим РВС СССР в 1930 году установил для политсостава, не имеющего военного образования, обязательный минимум военных знаний.

Изменениям подверглась система подготовки среднего звена политсостава. В связи с возросшими требованиями к политработникам в области военного дела, а также необходимостью ускоренного перехода к единоначалию в звене рота, батарея РВС СССР в августе 1927 г. указал на необходимость уже с 1926 г. «проводить систему смешанной подготовки и смешанного прохождения службы политсоставом

на средних должностях». В соответствии с этим РВС СССР ликвидировал окружные трехгодичные школы по подготовке политруков рот из числа гражданских лиц и красноармейцев и с начала 1927 г. установил новую систему подготовки политруков и помполитов из числа командиров взводов-коммунистов, окончивших нормальную военную школу и прослуживших командиров взводов не менее года. Для этого была создана сеть курсов, срок обучения на которых устанавливался 10 месяцев.

Таким образом, с 1926 по 1941 год в стране была развита сеть военно-учебных заведений, направленных на профессиональную подготовку военных кадров.

ВОЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СССР В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Постолаки С. К.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

История развития Советского государства и военного строительства, в частности, в период с 1920 по 1939 гг. представляет собой богатейший источник для изучения опыта реорганизации Вооруженных Сил. Военная реформа в 20-е годы, а также перестроечные процессы в военном строительстве в последующие периоды, как правило, проходили на переломных этапах развития советского общества.

Опыт этого периода имеет особое значение для сегодняшнего дня. Особый интерес представляют основные черты исторического опыта, вытекающие из практики проведения военной реформы:

1. Широкое критическое вопросов военного строительства на заседаниях Политбюро ЦК, Пленумов ЦК, правительства, в Совете Труда и Оборона, на съездах партии и Советов. Так, только с ноября 1920 года по ноябрь 1922 г. вопросы военного строительства обсуждались 9 раз на Пленумах ЦК РКП (б), 26 — на заседаниях Политбюро ЦК, 6 — в Совете Народных комиссаров и 17 раз в Совете Труда и обороны. Их рассматривали на IX Всероссийском съезде Советов, на X — XII съездах Советов, на X — XII съездах партии, на февральском и апрельском (1924 г.) Пленумах ЦК.

2. Стремление к объективности оценок состояния Красной Армии и выработке перспектив по ее дальнейшему развитию. Например, для выяснения обстановки, сложившейся в вооруженных силах, и определения мероприятий по повышению их боеспособности ЦК партии в январе 1924 г. создал специальную комиссию во главе с секретарем ЦКК РКП (б), членом коллегии РКИ СССР С. И. Гусевым. Изучив положение дел, комиссия пришла к выводу, что «Красной Армии как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы у нас в настоящее время нет. В настоящем своем виде Красная Армия небоеспособна». 3 февраля 1924 г. Пленум ЦК заслушал доклад комиссии о результатах проверки и дал установку на проведение реформы военного ведомства.

3. Четкость определения основных направлений проведения военной реформы. Подтверждением этому служат решения Пленума ЦК РКП (б) 31 марта — 2 апреля 1924 г., где по докладу М. В. Фрунзе приняли развернутое постановление «О военном ведомстве». В нем были определены направления: реорганизовать и упростить военный аппарат, усилить ответственные посты в армии партийным комсоставом; расширить практику территориально милиционного строительства; создать национальные воинские формирования; разработать программу улучшения материального положения воинов Красной Армии; усовершенствовать подготовку допризывной молодежи, организованную структуру войск, боевую и политическую подготовку личного состава, улучшить партийно-политическую работу.

4. Учет конкретной внутренней и внешней обстановки. Выражением этого является Закон об обязательной военной службе от 18 сентября 1925 г., который регламентировал все основные вопросы, связанные с прохождением военной службы. Смешанная система комплектования, сочетавшая кадровые и территориальные формирования, введена постановлением Совета Труда и Обороны от 29 декабря 1922 г. и законодательно закреплена декретом ЦИК и СНК от 8 августа 1923 г. «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся». Этот декрет устанавливал основы организации, комплектования милиционных частей и соединений, порядок прохождения службы в них.

5. Специфика распределения военного бюджета СССР в годы военной реформы. При постоянном росте бюджета основная часть расходов приходилась на техническое снабжение войск (44,6% в 1927 г.),

натуральное довольствие (26% в 1927 г.) и денежное содержание военнослужащих (22,9% в 1927 г.). В то же время доля организационно-административных расходов постоянно снижалась (с 7,6% в 1925 г. до 4,4% в 1927 г.).

6. Широкое освещение различных сторон военной реформы на страницах советской печати. Итоги деятельности партии по укреплению вооруженных сил были подведены в постановлении ЦК ВКП (б) «О состоянии обороны СССР» от 15 июля 1929 г. Основным итогом истекшего пятилетия (1924—1929 гг.) планового строительства Вооруженных Сил, — подчеркивалось в постановлении, — является создание крепкой, боеспособной армии, в политическом отношении вполне надежной, в техническом отношении стоящей на уровне развития производственных сил страны».

Последующий опыт военного строительства свидетельствует о том, что военные реформы больше не проводились, а осуществлялись преобразования (перестройка) вооруженных сил. Отсюда вытекает необходимость четкого определения самого термина «военная реформа». То определение, которое дано в Советской военной энциклопедии, не отражает всего генезиса этого явления: «Военная реформа — существенное преобразование военной системы государства». Было бы целесообразным дополнить этот тезис следующим образом: вызванное коренными преобразованиями в области внешней политики, а также политическими, социально-экономическими и духовными изменениями внутри общества.

Некоторые черты военной реформы носила перестройка в СССР в 1935—1939 гг. Именно этот термин — «перестройка» — был выдвинут февральско-мартовским (1937 г.) Пленумом ЦК ВКП (б). Причиной этому послужило, то что в середине 30-х годов международная обстановка изменилась: сложились два очага мировой войны, возросла военная опасность для С. Р. Первыми, кто обратил внимание на необходимость преобразований в Красной Армии, были военные руководители окружного уровня. В ЦК ВКП (б) и Наркомате обороны СССР стали поступать предложения из войск о ликвидации территориальных формирований и переводе всей Красной Армии на кадровое положение. Об этом в частности свидетельствуют письма командующего войсками Киевского военного округа И. Э. Якира и члена Реввоенсовета Г. Д. Хаханьяна от 27 августа 1932 г. в адрес Реввоенсовета СССР Северо-Кавказского

военного округа А. Шифреса (1932 г.), которые предлагали поставить вопрос перед ЦК ВКП (б) о скорейшем переходе к кадровой системе комплектования.

Из преобразований в Красной Армии этого периода можно сделать некоторые выводы:

1. Резко сокращается круг участников разработки основных направлений преобразований. ЦК ВКП (б), изучив поступившие из войск предложения, рекомендовал Реввоенсовету в течении разработать план мероприятий по дальнейшему организационному укреплению Красной Армии. В апреле 1935 г. такой план был представлен и в мае одобрен Политбюро ЦК ВКП (б). Постановлением Совета Труда и Оборона от 16 июня 1935 г. предлагалось к 1 января 1938 г. постепенно довести количество дивизий в РККА до 106, увеличив при этом кадровых дивизий до 71. К началу 1939 г. все дивизии Красной Армии стали кадровыми, и численный состав вооруженных сил с 1936 по 1939 гг. увеличился почти в 2 раза — с 1,1 до 2 миллионов человек.

2. Некритический, хвалебный подход к оценке реального положения в вооруженных силах особенно проявился в речи наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на XVIII съезде ВКП (б) в марте 1939 г. А если учесть, что реальная оценка состояния дел в вооруженных силах была изложена в докладах командующими военными округами на заседаниях Главного военного совета в ноябре 1938 г., то речь К. Е. Ворошилова на съезде надо расценивать как явный обман советского народа (при поддержке Сталина и других членов высшего руководства). Самообман привел к тому, что к сентябрю 1939 г. в Красной Армии не стало территориальных дивизий, но не стало в полном объеме кадровых дивизий ввиду отсутствия достаточного материального обеспечения в ходе реорганизации. Анализ состояния реорганизованных дивизий свидетельствовал об их крайне низкой обученности и боеспособности. А если учесть огромные масштабы репрессий среди военных кадров, совпавших с периодом реорганизации, то очевидно, что ожидаемого укрепления вооруженных сил от проводимых преобразований фактически не произошло.

Советское военное и партийное руководство, имея опыт реорганизации вооруженных сил при переходе от мира к войне, не воспользовалось этим опытом, что привело к провалу начального периода Великой Отечественной войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС и строительство Советских Вооруженных Сил. М., Воениздат, 1967. С.137.
2. КПСС в резолюциях и решениях... М., Политиздат, 1984. С.196.
3. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.4. Оп.18. Д.421. Л.19.
4. КПСС в резолюциях и решениях... Т.4. С. 528.
5. Советская военная энциклопедия. М., Воениздат, 1976. Т.2. С.194.
6. РГВА. Ф.9. Оп.40. Д.132. Л.253.
7. Красная звезда. 1936. 16 января.
8. XVIII съезд ВКП (б): Стенографический отчет. С.146.
9. РГВА. Ф.4. Оп.14. Д. 2008. Л.132.

СИСТЕМА ТЫЛА РККА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1921—1941 гг.

Малахов Д. Н.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

В ходе проведения военной реформы 1924—1928 гг. подверглась реорганизации система тылового обеспечения войск. Она была приведена в соответствие с проводившейся в стране новой экономической политикой, территориально-кадровой основой строительства армии и ее переводом с бесплатного на платное обеспечение основными видами довольствия.

Новым условиям в наибольшей мере отвечала и новая система обеспечения, сочетавшая централизацию с децентрализацией и позволявшая в рыночных условиях приобрести разнообразные материальные средства (особенно продовольствие). Суть этой системы состояла в том, что войсковые части, учреждения и учебные заведения в мирное время основными предметами военно-технического, артиллерийского, вещевого имущества и другими материальными средствами обеспечивались централизованно. Отдельные предметы обочно-вещевого имущества, строительные материалы, предметы хозяйственного обихода войска должны были заготавливать своими силами на месте.

Продовольственно-фуражное обеспечение организовывалось по системе приварочных и фуражных окладов, введенных приказом

Реввоенсовета в 1925 г. Под приварочным окладом понималась стоимость продуктов приварочного довольствия, входивших в состав положенного пайка: мяса, рыбы, жиров, картофеля, овощей и специй. Введение приварочных окладов предоставило войсковым частям самостоятельность в заготовке большей части продуктов на местах, что позволило разнообразить питание и более рационально и экономно расходовать продукты.

В отличие от существовавшей до реформы схемы обеспечения войск, включавшей в себя корпусное и дивизионное звенья, на мирное время вводилась новая схема обеспечения: центр — округ — часть, которая приближала окружные органы обеспечения к войскам и способствовала повышению оперативности в решении задач обеспечения войск всеми видами материальных средств. Однако такая схема затрудняла переход на обеспечение войск в военное время. В связи с переходом на новую схему обеспечения основной хозяйственной единицей становится войсковая часть, что обусловило реорганизацию органов войскового тыла. Органы тыла дивизии и корпуса исключались из системы обеспечения и, по существу, ликвидировались.

Существенной реорганизации подверглись органы управления тылом. В период перевода Красной Армии на мирное положение в центре и на местах были ликвидированы чрезвычайные органы, созданные в годы гражданской войны и военной интервенции, — институт Чусоснабарма (Чрезвычайный уполномоченный Совета Обороны по снабжению армии и флота) и Главснабпродарм (Главное снабжение продовольствием армии). Фронтные органы управления тылом преобразовались в окружные. В связи с образованием в 1923 г. Единого Народного комиссариата по военным и морским делам (Наркомвоенмор) был объединен хозяйственный аппарат военного и морского ведомств.

В годы проведения военной реформы Центральное управление снабжения РККА реорганизуется в Управление снабжения РККА, меньшее по составу и более гибкое по своей структуре. Начальнику управления снабжения РККА во всех отношениях стали подчиняться артиллерийское, военно-техническое, военно-строительное, военно-хозяйственное, военно-химическое, военно-финансовое управления и плановая комиссия Наркомвоенмора.

Важную роль в коренных преобразованиях тыла сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 9 августа 1935 г. «О со-

стоянии обозно-вещевого и продовольственного снабжения Кранной Армии и Флота». В основу постановления были положены итоги работы Всеармейского совещания командиров, политических и военно-хозяйственных работников, которому предшествовало широкое исследование войскового хозяйства. Проверка показала, что командиры и политработники оторвались от работы, связанной с хозяйственной деятельностью, предоставили целиком все дело вещевого и продовольственного обеспечения своих частей и подразделений хозяйственникам, самоустранились от ответственности за этот участок работы. Обнаружились факты бесхозяйственного хранения и эксплуатации вещевого имущества. В целом было установлено, что схема обеспечения войск материальными средствами и структура органов материального обеспечения мирного времени не в полной мере отвечали требованиям военного времени.

В связи с этим СНК СССР и ЦК ВКП (б) потребовали от командиров и военно-хозяйственных работников Красной Армии и Флота в кратчайший срок привести обеспечение войск в образцовое состояние. Постановлением отменялось децентрализованное обеспечение войск в мирное время. В отличие от существовавшей схемы обеспечения войск: центр — округ — часть — подразделение — красноармеец, вводилась новая схема обеспечения: центр — округ — дивизия — часть — подразделение — красноармеец. Это создавало благоприятные предпосылки для быстрого перехода на обеспечение войск в военное время. Особое внимание в постановлении обращалось на обеспечение высокой мобилизационной готовности.

В целях повышения возможностей тыла принимались меры по созданию новых образцов техники тыла. Так, в 1932—1938 гг. на базе автомобильных шасси и прицепов были созданы полевые автохлебозаводы, походные автомастерские для ремонта обуви, обоза и шорно-седельных изделий, полевые автокузницы, механизированные полевые пункты для убоя скота. Были разработаны первые образцы санитарной техники на базе автомобиля: унифицированный санитарный автомобиль, обмывочно-дезинфекционная и авторентгеновская установки, санитарно-бактериологическая лаборатория. На оснащение железнодорожных и дорожных войск поступали отечественные экскаваторы, бульдозеры, свасбойные молоты, пневматические и электрифицированные инструменты. Улучшилась укомплектованность частей и учреждений тыла автомобилями. Наряду с дальней-

шим развитием материально-технической базы проводилась реорганизация частей и учреждений тыла. Например, в связи с широким размахом строительства новых и реконструкцией имевшихся железных дорог был сформирован особый корпус железнодорожных войск и несколько отдельных железнодорожных батальонов в Украинском и Белорусском военных округах.

В последующие годы в связи с возрастанием объемов и появлением новых задач тылового обеспечения войск, изменением подчиненности и повышением самостоятельности всех служб тыла вновь проводились крупные организационные мероприятия. В 1935 г. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) из Военно-хозяйственного управления были выделены службы продовольственного и обозно-вещевого снабжения со своими органами управления: в центре — Управление продовольственного снабжения и Управление обозно-вещевого снабжения; в округах — отделы этих служб, в дивизиях — отделения. В полках были введены должности начальника продовольственно-фуражной службы и начальника обозно-вещевого снабжения. Проведенные изменения позволили в небольшой степени улучшить обеспечение войск продовольствием и обозно-вещевым имуществом, подготовить эти службы к успешной работе в военное время.

В результате проведенной реорганизации в Народном комиссариате обороны вопросами тылового обеспечения войск по своим видам и номенклатурам руководили управления: Главное артиллерийское, снабжения горючим, продовольственное, обозно-вещевое, военно-строительное, связи, санитарное, ветеринарное, квартирно-эксплуатационное. В ВВС, ВМФ и ПВО имелись свои органы тыла. Они решали весь комплекс вопросов, связанных с заказами народному хозяйству на изготовление техники, вооружения и других материальных средств, их приемкой от изготовителей, распределением, обеспечением, контролем за хранением, эксплуатацией и ремонтом.

Осуществление мероприятий по реорганизации тыла Красной Армии положительно сказалось на его мобильности и боевой готовности. Однако, как показала практика, некоторые вопросы решались наспех, без должной их проверки в войсках. Так, ликвидация Управления снабжения РККА, которое объединяло руководство основными службами тыла, отрицательно сказалась на решении задач тылового обеспечения войск в начальный период Великой Отечественной во-

йны. Существенным недостатком являлось и то обстоятельство, что части и учреждения тыла в годы технической реконструкции Красной Армии не были полностью укомплектованы новой техникой. Эту задачу пришлось решать в последующие годы и в годы Великой Отечественной войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Анфилов В. А.* Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997. 304 с.
2. *Горохов И.М. И. В. Сталин: «Кадры решают все».* (О системе подготовки офицерских кадров в Вооруженных Силах СССР в предвоенный период и во время Великой Отечественной войны). //Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С.43—47.
3. Задачи боевой подготовки в новом учебном году. //Партийно-политическая работа в РККА. 1939. № 1. С.48—52.
4. *Комал Ф. Б.* Военные кадры накануне войны. //Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С.21—28.
5. *Осьмачко С. Г.* Красная Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929—1941 гг.): боевой опыт и военная политика. Ярославль, 1999. 221 с.
6. Развитие тыла Советских Вооруженных Сил (1918—1988 гг.). М., Воениздат, 1989. 311 с.
7. Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., Мысль, 1974. 300 с.
8. Тыл Советской Армии. М., Воениздат, 1968. 320 с.
9. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1977. 559 с.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ВОЙНЫ: ЛАТЫШСКИЕ РАБОЧИЕ БАТАЛЬОНЫ КРАСНОЙ АРМИИ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Панин Е. Н.

Московский институт физической культуры и спорта

Советская Латвия, расположенная на западной границе СССР, в начале войны одной из первых приняла на себя удары немецко-фашистских войск. Основная часть населения Латвии — трудящиеся на многочисленных митингах и собраниях заявили о своей готовно-

сти вступить в ряды Красной Армии на защиту своей Родины. Так, в резолюции, принятой на митинге в Латвийском государственном морском пароходстве, говорилось: «Мы, моряки торгового флота, рабочие и инженерно-технические работники, глубоко возмущены нападением фашистов и нарушением границ СССР».

В резолюциях, принятых в тот же день на митингах на заводе «ВЭФ», Рижском вагоностроительном заводе, фабриках «17 июня», «Большевичка», «Сарканайс квадратс» и многих других, рабочие заявляли о готовности встать на защиту своей Родины. На защиту Родины поднялась и прогрессивная часть латвийской интеллигенции. Многие деятели литературы, науки и искусства заявляли о решимости отдать свои силы и знания общему делу борьбы с немецкими захватчиками.

Прифронтовая обстановка и вызванное началом войны обострение классовой борьбы в республике требовали немедленной перестройки всей партийной и советской работы в центре и на местах. ЦК КП (б) Латвии 22 июня 1941 г. обязал городские и уездные партийные комитеты и советские органы, немедленно провести чрезвычайные заседания для оказания оперативной оказывать помощи городским и уездным партийным организациям в деле вовлечения коммунистов, беспартийного актива и всех трудящихся в борьбу против немецко-фашистских захватчиков. Коммунисты в качестве представителей партийных комитетов были направлены на промышленные и транспортные предприятия.

Важнейшим мероприятием, проведенным в первые дни войны, была организация вооруженных отрядов трудящихся — рабочих батальонов. Их создание имело большое политическое значение, убедительно показывая, что трудящиеся Советской Латвии полны решимости с оружием в руках отстаивать свое завоевание — Советскую власть.

Очевидно, в существовавшей в то время политической ситуации в Латвии вместо мобилизационного принципа набора граждан республики в Красную Армию более подходящим был бы набор добровольцев. Как известно, позже он был положен в основу комплектования добровольческих стрелковых (рабочих) полков, а затем, на первых порах, и Латышской стрелковой дивизии.

По всей республике с первого дня войны под руководством партийных и советских органов развернули работу мобилизационные

пункты, которые приступили к выполнению предписаний по мобилизации транспортных средств и лошадей, в которых крайне нуждались части Красной Армии. Хозяйственные и общественные организации передавали затребованные машины в полном порядке, но частные владельцы — бывшие торговцы, предприниматели и кулаки, нередко прятали принадлежавшее им имущество либо приводили его в негодность, проявляя тем самым враждебное отношение к советскому строю.

24 июня 1941 года Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов». Задачей истребительных батальонов была борьба с диверсантами-парашютистами, которых гитлеровцы в большом количестве забрасывали в тыл советских войск. Эти батальоны формировались под руководством партийных и советских органов и в оперативном отношении подчинялись органам НКВД, на которые возлагалась охрана общественного порядка на местах.

В Латвийской ССР, где еще совсем недавно существовала Рабочая гвардия, партийными и советскими органами принимались решения о восстановлении ее батальонов, за которыми сохранялось старое название. В некоторых случаях они именовались рабочими батальонами, хотя были призваны выполнять ту же роль, что и истребительные батальоны в других прифронтовых районах Советского Союза.

Подразделения (группы) рабочих-гвардейцев, использовавшиеся для несения охранной службы в Риге, Елгаве, Тукумсе, Вентспилсе, Цесисе, Бауске, Талсы, Айзпуте, Кулдиге, Гриве, Абрене, Екабпилсе, Резекне, Лудзе стали по инициативе местных органов создаваться уже 22—24 июня, формирование же на их основе рабочих батальонов началось 25—26 июня, то есть после принятия Постановления Совета Народных комиссаров от 24 июня 1941 года.

Ход формирования рабочих батальонов и их состав можно более подробно проследить на примере Елгавского батальона. К его созданию Елгавский горком КП (б) Латвии и уездное управление НКВД приступили 25 июня, и к вечеру он был в основном укомплектован. В состав трех рот батальона вошли рабочие елгавских и расположенных вблизи города предприятий, бывшие бойцы Елгавского батальона Рабочей гвардии, комсомольцы и молодежь Елгавы и ряда волостей Елгавского уезда. Во главе батальона был поставлен проректор Елгавской сельскохозяйственной академии, полковой комиссар за-

паса К. Улпе, активный участник гражданской войны. Как видно из архивных документов, на начало июля 1941 года в батальоне было 274 человека, в том числе 31 коммунист (11,3%) и 34 комсомольца (12,4%).

Партийные и советские органы Латвийской ССР не ограничились формированием рабочих батальонов. Резкая активизация антисоветских элементов потребовала создания в сельской местности специальных вооруженных отрядов, поскольку малочисленные кадры НКВД и милиции не были в состоянии пресечь их действия. В первые дни войны во многих городах и волостях Латвии по решению местных партийных и советских органов формировались вооруженные отряды партийно-советского актива.

Учитывая обстоятельство, что на территории Латвии мобилизация не проводилась, создание рабочих (истребительных) батальонов имело большое значение. Заявления латышских патриотов о готовности пойти добровольцами на фронт стали рассматриваться под углом зрения использования их в качестве бойцов рабочих батальонов. Все это дало возможность организовать определенную часть советских активистов и обеспечить их уход из захватываемых гитлеровскими фашистами городов и волостей Латвии, что затем способствовало созданию латышских формирований Красной Армии.

Ведя борьбу с бандами националистов, а также с регулярными частями вермахта, как это было в Лиепае и Риге, бойцы рабочих батальонов и отрядов получали первичную боевую выучку и закалку. В напряженной обстановке проводилось формирование рабочих отрядов в Риге. 25 июня было принято решение на основе бывших рижских батальонов Рабочей гвардии создать 3 объединенных рабочих батальона, по 3 роты в каждом. Восстановить рижскую Рабочую гвардию в прежних размерах не представлялось возможным, потому что бойцы созданных в 1940 году батальонов в последующем в своем большинстве сменили место работы. Немалое их количество было направлено в другие города и волости Латвии.

Утром 25 июня в ЦК КП (б) Латвии были вызваны 18 бывших бойцов и командиров интернациональных бригад, принимавших участие в боях в Испании. С ними встретился первый секретарь ЦК КП (б) Л. Я. Калнберзин, который обратился к ним с призывом помочь сформировать батальоны Рабочей гвардии и поделиться боевым опытом, полученным в Испании. Там же участники боев в Испании были

разделены на 3 группы по 6 человек и направлены в батальоны Рабочей гвардии в качестве политруков и командиров рот, а также штабных работников. Рабочие батальоны возглавили активные участники революционного движения в Латвии: 1-й батальон — А. Норботович и Г. Брозиньш (соответственно, командир и начальник штаба батальона), 2-й — К. Годкалн и К. Розенберг, 3-й — Ф. Вейсенфелд и Я. Беникис.

После формирования батальонов их бойцы стали выполнять боевые задачи. Патрули рабочих-гвардейцев совместно с бойцами Красной Армии следили за соблюдением порядка в Риге, вели поиски диверсантов и парашютистов, сведения о высадке которых периодически поступали из разных частей города и его окрестностей. Так, патрули рабочих-гвардейцев уничтожили группы вражеских диверсантов около завода «Сарканайс квадратс», в районах Шмерли и Межапаркс.

* * *

Таким образом, делая выводы, целесообразно отметить, что борьба против немецких захватчиков в Латвии протекала в исключительно сложных социально-политических условиях. Советская власть в этой республике была провозглашена только за год до начала Великой Отечественной войны, и националистическая буржуазия в большей степени сохраняла еще свое влияние и, особенно, идеологическое. Борцам против фашизма с первых дней приходилось бороться не только против немецко-фашистских захватчиков, но и против латышской буржуазии как класса, сразу принявшего сторону гитлеровских оккупантов и пытавшегося всеми силами восстановить прежний строй.

Организация рабочих батальонов и отрядов партийно-советского актива свидетельствовала о подлинно народном характере борьбы с гитлеровскими захватчиками. Формирование этих батальонов и отрядов явилось выражением патриотизма трудящихся Латвии. Созданные в самые трудные дни войны, они многое сделали для поддержания порядка в тылу действующей армии, а впоследствии превратились в регулярные части и подразделения Красной Армии. Бойцы будущих латышских воинских формирований получили в этих батальонах первую боевую закалку, пригодившуюся им в долгой и упорной борьбе с сильным и опасным врагом — германским фашизмом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный государственный архив истории Латвии. Ф. 101. Оп. 1. Д. 53. Л. 227; ф. 301. оп. 1. д. 35. л. 49—50.
2. Газета «Правда», 1941, 25 июня; СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (Краткая хроника). М., 1964. С. 12.
3. Газета: Сіпа. — 1941. 23 июня (специальный выпуск).
4. *Биленко С. В.* Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1969.

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ФРОНТУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 гг.

Сыченко Р. А.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

В предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны серьезное внимание уделялось воспитанию у молодежи патриотических качеств. Эффективность этой работы выразилась в готовности молодых патриотов активно участвовать в движениях по оказанию помощи фронту. Провозглашаемый директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) (29 июня 1941 г.) партийным и советским организациям прифронтовых областей лозунг «Все для фронта! Все для победы!» реализовался в различных формах патриотических движений. Всенародная помощь фронту выражалась: в ударном труде на производстве и в сельском хозяйстве; в массовом добровольном вступлении в армию или народное ополчение; в огромной помощи действующей армии денежными и материальными средствами. Последнее направление реализовалось через следующие формы: создание патриотических денежных фондов-Обороны, Красной Армии, Главного командования Красной Армии, Здоровья защитников Родины и пр.

Добровольный сбор народных средств на вооружение и боевую технику для Красной Армии и Военно-морского Флота; участие в государственных займах, денежно-вещевых лотереях; проведение добровольных субботников и воскресников; сбор теплых вещей для Красной Армии; подготовка и отправка подарков на фронт, обмен де-

легациями воинов и трудящихся; оказание помощи раненым; донорское движение и пр.

В условиях массового оттока взрослого мужского и части женского населения на фронт основную часть патриотической работы взяли на себя оставшиеся в тылу. В этом отношении можно говорить о возрастании в годы войны роли молодежи в решении вышеперечисленных задач.

Центральное место в организации всенародной помощи фронту занимали партийные, комсомольские и советские органы. Важную роль играли и органы местного военного управления: через отделы инспектирования военной подготовки учащихся учебных заведений, органы Всеобуча они оказывали мобилизирующее воздействие на всю молодежь. Их актив на местах — военруки и военные преподаватели, начальники военно-учебных пунктов и их заместители по политчасти, партийно-комсомольский актив выступали инициаторами патриотических движений.

Условно все виды помощи фронту можно разделить на финансовые и материально-вещественные. Первые связаны с безвозмездным жертвованием денег, драгоценностей и благородных металлов; вторые проявлялись в отправке на фронт подарков для красноармейцев, в сборе теплых вещей, в донорском движении и пр. Некоторые патриотические движения, такие как уход за ранеными, участие в субботниках и воскресниках, носили комплексный характер, сочетающий денежный и вещественный компонент.

Патриотические движения финансового характера имели большое значение. Подсчитано, что за годы войны в СССР по линии Фонда обороны, при сборе средств на боевую технику и вооружение от займов и денежно-вещественных лотерей было получено 118 млрд. руб. С началом войны начали образовываться различные патриотические денежные фонды. Центральное место занимал Фонд обороны.

29 июля 1941 г. газета «Правда» поместила обзор писем «Трудящиеся предлагают создать фонд обороны», в котором указывалось, что любое отделение Госбанка СССР принимает пожертвования граждан. 1 августа 1941 г. «Правда» ставит задачу «придать фонду обороны соответствующие организационные формы, об этом должны позаботиться партийные и комсомольские организации». Предполагалось разъяснять значение фонда, распространять положительный опыт, вести лицевые счета участвующих комсомольцев. Рекомендовалось

и конкретные формы: ежемесячные отчисления одно-двух, трехдневного заработка, сверхурочных, вознаграждений за рацработу, засев «гектаров обороны», сверхплановый откорм животных и пр.

Фонд обороны рос стремительно: 1 сентября 1941 г. его составили 340 миллионов рублей, 1 октября 1941 г. — 684 миллионов рублей, 1 ноября 1941 г. — 1 миллиард рублей, 1 июня 1942 г. — 2,74 миллиарда рублей. Молодежь внесла в фонд обороны только деньгами 1 миллиард рублей. Внесли свой вклад в создание фонда обороны жители областей Верхнего Поволжья, сдавшие в годы войны 276 миллионов. 186 тысяч рублей. В том числе: по Ивановской области — 90 миллионов рублей, Калининской области — 29 миллионов 495 тысяч рублей, Ярославской — 100 миллионов 839 тысяч рублей, Владимирской области — 32 миллиона 232 тысячи рублей.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Павлов А. Л.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Развитие средств нападения, постепенное овладение ими воздушной и космической сферами, а также естественный поиск и реализация путей противодействия данным средствам обусловили необходимость создания материальных основ воздушно-космической обороны (ВКО) в передовых в военном отношении странах. Данный процесс объективен и закономерен, и это подтверждается практикой строительства и применения вооруженных сил развитых государств мира. Начало фактического создания материальных основ воздушно-космической обороны, как в нашей стране, так и за рубежом связано с появлением межконтинентальных баллистических ракет и освоением космоса. Понятие «воздушно-космическая оборона» как военный термин появилось в конце 70-х — начале 80-х гг.

Ограничились декларацией

Первым нормативным документом, содержащим термин «воздушно-космическая оборона», определившим принципы организации ВКО, стал Указ президента РФ 1993 г. «Об организации проти-

воздушной обороны в Российской Федерации». Наряду с ним был разработан и издан ряд других нормативных документов (указов президента РФ и постановлений правительства РФ), установивших порядок дальнейших работ по созданию ВКО РФ. В течение последующих 3—4 лет работы по реализации их требований велись достаточно интенсивно: проведены крупные плановые научные исследования, исследования на мероприятиях оперативной подготовки войск и органов военного управления, выполнен через государственный оборонный заказ ряд разработок, в том числе реализованных в войсках. Затрачены значительные суммы денег, получены конкретные научные и практические результаты, позволившие на тот момент времени сделать вывод о начале создания материальной основы системы ВКО РФ. Таким образом, в период с 1993 по 1997 гг. условия для создания воздушно-космической обороны Российской Федерации в соответствии с положениями вышеназванного указа имелись. Однако реализация принципов построения единой системы ВКО РФ как в теоретическом плане, так и практически в последующие (после 1997 г.) годы целенаправленно не проводилась и фактически не проводится в связи с отсутствием в государстве и Минобороны России четкой позиции в отношении перспектив развития самой системы. В том числе этому помешала и личная позиция некоторых руководителей Минобороны. В частности, в ходе сокращения стратегических наступательных вооружений проблематичным стало существование РВСН в качестве вида Вооруженных сил.

Для искусственного увеличения их значимости, тогдашний министр обороны Игорь Сергеев, принимает решение о передаче в состав РВСН войск ракетно-космической обороны из Войск В О. Оно закрепляется указом главы государства: войска ракетно-космической обороны (РКО) из Войск ПВО передаются в РВСН, а на базе ВВС и Войск ПВО формируется новый вид ВС РФ — Военно-воздушные силы (ВВС). Фактически произошло искусственное разделение ответственности в части воздушно-космической обороны между главными командованиями ВВС и С Н. Следствием этого явилось устранение главнокомандующего Войсками ПВО (в последующем — ВВС) от непосредственного руководства воздушно-космической обороной страны. При этом продекларированное общее руководство ВКО со стороны Генерального штаба ВС РФ оказалось всего лишь лозунгом. Ни одним нормативным документом (ни указом президента России,

ни приказом министра обороны) ответственность за создание и руководство ВКО государства ни на кого возложена не была, изменения в указ 1993 г. внесены не были. Сегодня ни в положении о Минобороны, ни в положении о Генштабе аббревиатура «ВКО» не обнаруживается. Кстати, нет и документа, что главком «новых» ВВС является правопреемником бывших Войск ПВО и прежних ВВС. К слову говоря, в соответствии с Законом «О Государственной границе Российской Федерации» ее охрана в воздушном пространстве до сих пор осуществляется под руководством несуществующего главкома Войсками ПВО. В ходе всей деятельности по реформированию ВС РФ всякие попытки упоминания о воздушно-космической обороне в Минобороны времен маршала Сергеева воспринимались скептически и насторожено, а иногда и откровенно враждебно. Сама проблема создания ВКО РФ расценивалась как нечто отживающее и потерявшее свою актуальность (это при условии, что реальные тенденции совершенствования средств ВКН и практика их применения убеждают в обратном).

Смена руководства в Минобороны мало, что прояснила в решении этой проблемы. В июне 2001 г. продолжается реализация ранее принятых решений и делается очередная «рокировка» в Вооруженных силах — передача РКО из РВСН в состав Космических войск (КВ). Сути дела это не изменило. Главным камнем преткновения, оказавшимся в качестве футбольного мяча на поле среди трех игроков-ВВС, РВСН и КВ при неудачном судействе Генерального штаба, — явились войска РКО, созданные в свое время в составе Войск ПВО и развивавшиеся неотъемлемой компонентой единой системы ВКО, которая в основе своей начала формироваться с конца 80-х гг. Вполне возможно, что предмет обсуждения вскоре исчезнет сам по себе. В ходе реформирования Вооруженных сил сокращение боевого и численного состава ПВО ВВС дошло до той грани, за которой основа системы воздушно-космической обороны — система ПВО — может прекратить свое существование.

Третий раздел войск ПВО

В настоящее время в который раз за последние двадцать лет возникла идея построения системы ПВО по военным округам, изменения ответственности за ПВО и передачи войск и сил противовоздушной обороны ВВС в состав военных округов (речь в данном случае идет о зенитных ракетных и радиотехнических войсках). В этом замыс-

ле трудно обнаружить какую-либо последовательность в действиях. Сравнительно недавно под флагом единства войск (сил), решающих свои задачи в воздушном пространстве, объединили, одновременно сократив более чем в два раза, Военно-воздушные силы и Войска В О. Теперь, как выясняется, необходимо передать силы и средства противовоздушной обороны из «обновленных ВВС» в Сухопутные войска. Этим самым невольно подчеркивается ошибочность объединения ВВС и Войск ПВО в том виде, в котором оно было практически только что осуществлено. Что характерно, в которой раз «объединителями» и «разъединителями» выступают фактически одни и те же должностные лица, что в определенной степени говорит о необычайной диалектичности современного российского военного строительства. Намечается еще более глубокий, тройной разрыв бывших Войск ПВО — силы и средства растаскиваются между войсковой ПВО СВ, космическими войсками и истребительной авиацией В С. Фактически это ведет к окончательной ликвидации главного принципа создания ВКО РФ — единой ответственности за борьбу со всеми средствами воздушно-космического нападения во всем диапазоне высот и скоростей над всей территорией Р Ф. Кроме того, очередной разворот в деле реформирования структуры ВС РФ, системы управления ими чреват потерей уже вложенных немалых финансовых средств в разработку единой АСУ ВВС и новым витком затрат на создание системы управления ПВО Сухопутных войск. Естественно, это создаст очередной стимул к увольнению опытных кадров войск ПВО В С. Уже есть печально известный опыт передачи войск РКО в РВСН (с их особым, надо отметить, менталитетом). С первого дня в главном штабе РВСН последовательно «навязывание своей практики повседневной деятельности» вновь прибывшему личному составу. Начались не в меру интенсивные строевые смотры, потребовалось составление массы ежедневных, еженедельных, ежемесячных и т. д. планов и готовность ежеминутно отчитаться по ним, нормой стало индивидуальное и коллективное изучение уставов и пр. Все это происходило в ущерб принятой в РКО системе служебной деятельности. Это может повториться и при передаче сил и средств ПВО ВВС в Сухопутные войска. Отметим, еще свежа память о реформе конца 70-х — начала 80-х гг., когда после передачи соединений и объединений ПВО под начало Сухопутных войск инженерно-технический состав подвергся неслыханной до того «аракчеевщине», процветающей и в наше время в С В. Наконец,

в вопросе о передаче войск и сил объединений ВВС в состав военных округов надо было хотя бы ознакомиться с отечественной историей этого вопроса и опытом строительства ВС развитых стран Запада.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Барвиненко В. В.* Ретроспективный анализ повышения роли вооруженного противоборства в воздушно — космическом пространстве. //Военная мысль. 2006. № 7.

2. Безопасность Евразии — 2002. Энциклопедический словарь — ежегодник. // Фонд поддержки исследования проблем «Безопасность Евразии». Издательство «Книга и бизнес». Москва, 2003.

3. *Белов П. Г.* Методологические основы национальной безопасности России. М., Русский проект. 2002.

4. *Бельков О. А.* Власть глазами военного политолога. //Власть. 1996. № 1.

5. *Божьева О.* Из Российской армии собираются сделать американскую? // Московский комсомолец. 2005. 16 дек.

6. Военная доктрина Российской Федерации. // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 апреля 2000 г., № 17.

7. *Красковский В.* Ядро воздушно-космической обороны. Им могут стать космические войска Российской Федерации. // Воздушно-космическая оборона. 2004. № 1 (14).

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ АРМИЯ КИТАЯ В 90-е ГОДЫ XX ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Лоханин А. М.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Начало 90-х годов XX века Китай встретил если не в дипломатической изоляции, то, безусловно, в неблагоприятной внешнеполитической обстановке. Получившие огромный резонанс в мире события на площади Тяньаньмэнь нанесли тяжелейший удар по отношениям КНР с ведущими странами Запада. С распадом СССР КНР стала крупнейшим государством мира, провозглашавшим верность коммунистическим идеалам. В эпоху, характеризовавшуюся, получившим огромную популярность Фрэнсисом Фукуямой, как время «безого-

ворочной победы экономического и политического либерализма», это выглядело прямым идеологическим вызовом. Налаживавшиеся с конца 70-х годов связи политического партнерства с США были в одночасье прерванными, а страна, долго рассматривавшаяся как один из главных заслонов «советской угрозе» в Восточной Азии, сама приобрела сходный статус. Одновременно в КНР проходили бурные экономические преобразования. Достаточно сказать, что в с 1990 по 2002 г. количество государственных компаний в Китае сократилась с 55% до 25%, а доля частных и иностранных предприятий напротив, выросла с 6% до 35%.

В этих условиях вооруженные силы страны оказались в противоречивом положении: с одной стороны, они должны были быть способными обеспечить безопасность страны в условиях серьезного ухудшения внешнеполитической обстановки, и огромного качественного отставания от вероятных противников, а с другой стороны должны были уложиться в прокрустово ложе военного бюджета. Руководство страны однозначно отдавало приоритет развитию национальной экономики, и относилось к финансированию вооруженных сил как к важной, но, тем не менее, второстепенной задаче. Ситуация усугублялась тем, что в 90-е годы XX века стали временем бурного развития вооружений и способов их применения воплотившиеся в феномен называемый американскими авторами «революцией в военном деле» (РВД). Эндрю Крепеневиц, известный военный аналитик, исполнительный директор Центра Стратегических и Бюджетных исследований, так определяет суть РВД: «Что такое революция в военном деле? Она происходит, когда воплощение новых технологий в значительное количество военных систем в совокупности с инновационными оперативными концепциями и организационным переустройством ВС фундаментально меняют характер и ведение боевых действий. Она также приводит к резкому увеличению боевого потенциала и эффективности вооруженных сил». Результаты этих изменений были рельефно продемонстрированы США в ходе операции «Буря в пустыне», и Югославской кампании. Учитывая, сильные анти-китайские настроения в Конгрессе США, преимущественно негативное отношение к КНР со стороны американских избирателей и, на первых порах, решительный и мощный нажим администрации президента Клинтона в сфере экономической и политической либерализации режима, неудивительно, что

власти республики предприняли ряд мер по реорганизации вооруженных сил.

Существенные изменения произошли в сфере доктрины. Традиционно, господствующей концепцией была концепция «народной войны» созданной Мао Цзэдуном. Разработанная, на основе опыта партизанских действий НОАК в ходе боев против японцев и Гоминьдана в 30—40-х годах XX века, эта доктрина была рассчитана на нанесение со стороны США или СССР ракетно-ядерного удара по территории республики, с последующим полномасштабным вторжением и оккупацией большей части территории страны. Основной упор здесь делался на максимальном рассредоточении сил по территории страны с целью минимизировать потерь от ядерного оружия с последующим призывом и вооружением огромных масс резервистов, для ведения партизанской войны против оккупантов. В 90-е годы эта концепция продолжала пользоваться большой популярностью среди руководства вооруженной полиции КНР (по большей части ни на что другое не способной), в главном политуправлении НОАК и среди партийных лидеров консервативного толка.

Второй подход появился в начале 80-х годов, связан с именем «патриарха реформ» Дэн Сяопина и получил название концепции «локальных войн». Созданная, в условиях, когда блоковое противостояние между США и СССР делало невозможным возникновение крупных войн способных серьезно изменить баланс сил, эта концепция постулировала, что основной угрозой безопасности страны будут краткосрочные территориальные конфликты высокой интенсивности с ближайшими соседями: Вьетнамом, Индией, Тайванем, Россией. В соответствии с этой установкой необходимо создание немногочисленных, но прекрасно вооруженных и подготовленных частей быстрого реагирования, способных в кратчайшие сроки подавить сопротивление противника и предотвратить разрастание конфликта. Эта концепция имеет много сторонников среди руководства НОАК и преподавателей Национального Университета Обороны в Пекине.

Третья доктрина появилась в середине 90-х годов. Ее авторы, убежденные сторонники американской концепции «революции в военном деле», искали пути сопротивления технологически превосходящему их противнику. Их ответом стал интенсивный поиск многочисленных асимметричных ответов, получивших общее название «палица убийцы». Авторы этого направления ратовали за расширение науч-

ных исследований в сфере разработки и применения новых вооружений, тщательный мониторинг иностранных разработок, развитие способности армии вести не просто полноценное, а передовое информационное противоборство.

По всей видимости, причиной возникновения последней доктрины стали события дипломатического кризиса весны 1995 года, когда президент непризнанной КНР Китайской республики на Тайване Ли Дэньхуэй впервые за многие годы посетил США и выступил с пламенной речью имевшей четкую анти-китайскую направленность. В ходе последовавших за этим провокационных учений НОАК 1995 и 1996 годов вблизи берегов Тайваня, США продемонстрировали готовность вмешаться в возможный вооруженный конфликт между двумя китайскими государствами, направив к берегам Тайваня авианосцы «Энтерпрайз» и «Нимитц» в сопровождении кораблей оснащенных современной системой ПВО «Иджис». Эта ситуация расцененная КНР как фактически поощрение США тайваньского сепаратизма, поставила руководство республики перед проблемой возможного военного вмешательства США в случае попытки Китая вернуть себе мятежную провинцию вооруженным путем. Подобный поворот ранее считался маловероятным как по причинам дружественных отношений между США и КНР, так и в связи с развитием диалога между двумя государственностями китайской нации.

Представляется не случайным, что появление первых концептуальных публикаций разрабатывающих различные варианты асимметричных ответов на угрозу со стороны США приходится именно на 1995—1996 года — время нарастающих американо-китайских противоречий.

Большинство авторов из числа сторонников теории «революции в военном деле» оперировали понятием «ша шоу цзянь» (палица убийцы) которое является собирательным названием высокотехнологичных вооружений дающих державе-обладательнице асимметричные преимущества на поле боя.

Первое упоминание о «ша шоу цзянь» относится к концу 1995 года, когда капитан Шэн Чжунчан вместе с группой соавторов из Исследовательского Института ВМФ опубликовал в журнале «Китайская военная наука» две статьи посвященных общей теме: «Война на море в XXI веке». Шэн объявил о том, что существуют, пять способов победить, или, по крайней мере нейтрализовать ВМФ «превосходящего

противника» (т. е. США). Получив в результате опережающего развития технологий новые преимущества, американцы, возможно, сами того не замечая, получили и новые слабости, новые болевые точки. Шэн предложил сосредоточиться на ударах именно по ним.

Первый способ указанный им — это удары по спутниковым системам связи и наблюдения, позволяющим американцам знать обо всех угрозах наперед, и действовать единой слаженной командой. Шэн писал: «Господство над внеземным пространством в будущем станет предпосылкой морских побед, по мере того, как космос станет новой командной высотой в войне на море». Поэтому современный флот должен иметь способность наносить упреждающие удары по спутниковой группировке противника, чтобы фактически ослепить его. А уничтожить слепого может и слабый противник. «Сторона, завоевавшая превосходство в электромагнитной борьбе будет пользоваться всей мощью «палицы убийцы» чтобы добыть победу на море» — писал Шэн.

Второй способ, предложенный Шэн Чжунчаном — это уничтожение вражеского флота с помощью авиации и ракет сухопутного базирования. Вместо строительства дорогих авианосцев Шэн предложил более простой и быстрый путь, дающий тот же результат. Отметим, что при опоре на наземные силы флот потеряет свою способность проецировать силу за пределами своих территориальных вод. Но Шэн Чжунчана это явно не смущает. Значит, его концепция пишется для войны, в которой Китай будет защищаться. Или цель его нападения будет в пределах территориальных вод Китая. А это может быть только Тайвань.

Третий способ Шэн Чжунчана, который Китаю еще только предстоит освоить, это лазерное оружие, «которое будет впервые использовано в комплексах корабельной противоракетной защиты в совокупности с технологиями «стелс» применяемыми как для кораблей так и для крылатых ракет». Это сделает китайские корабли неуязвимыми для ракетных ударов противника, а ответные удары китайского флота неотразимыми.

Четвертый способ — это удары по системе снабжения «превосходящего флота». Шэн указывает на то, что чтобы выполнять задачи вдали от своих берегов флоту США требуется все больше и больше людских и материальных ресурсов. Он пишет, что во время первой войны в Ираке армия США ежедневно расходовала боеприпасов в че-

тыре с половиной раза больше чем во время войны Вьетнаме и в двадцать раз больше чем во время войны в Корее и сжигала около 72 миллиона литров топлива в день. В этих условиях удары по несоизмеримо хуже защищенным коммуникациям противника могут достаточно быстро привести к ослаблению и выходу из боевых действий основных сил американского ВМФ.

Пятый и последний подход — это удары по системам управления и сбора информации американского флота. Нарушение системы управления и сбора информации приведет к несогласованным действиям кораблей противника, образованию прорех в их противоракетной и противоводочной обороне, принятию командованием неправильных решений, возможному поражению дружественных целей и панике, неуверенности в своих силах, пассивности.

Не прошло и полгода с публикации первой статьи Шэн Чжунчана, как китайская военная пресса взорвалась водопадом публикаций посвященных ассиметричной войне. Генерал Пань Цзюньфэн летом 1996 писал: «Мы можем остановить работу вражеских командных центров, взламывая их системы хранения данных. Мы можем заставить вражеские штабы принимать неверные решения, впрыскивая в их компьютерные сети дезинформацию. Через каналы электронной связи мы сможем господствовать над банковской системой врага и даже над всей социальной жизнью его страны». Пань Цзюньфэн призывает правительство:

1. Усилить исследования в сфере новой военной доктрины;
2. Создать новую теорию оперативного искусства, опирающуюся на новые технологические возможности;
3. Развивать программы по подготовке военных специалистов высшего класса;
4. Создать лаборатории по изучению новых тенденций в военном деле и пристально следить за работой аналогичных лабораторий в США;
5. Создать оружие «Палица убийцы».

В 1997 году уже два генерала — Лю Цзиньсун и командующий гуаньчжоуским военным округом Тао Бэйцзюнь, независимо друг от друга, призвали министерство обороны КНР начать разработку оружия «палица убийцы» сам факт обладания которым мог бы предотвратить агрессию извне. К разработке «палицы убийцы» так же призывали генерал Ляо Силун и командующий ВМФ КНР адмирал Ши Юньшэн.

Генерал Лю Цзиньсун — одна из восходящих звезд НОАК того времени, командовавший Шэньянским и Ланьчжоуским военными округами и занявший пост президента Академии военных наук видел «палицу убийцы» Китая в ультрасовременном ракетном оружии. В своей статье в «Журнале Университета Национальной обороны» посвященной использованию ракет для уничтожения авианосцев он развернуто изложил свои взгляды на то как ракетное оружие сможет стать «Палицей убийцы».

«В ситуации, когда ваши вооружения уступают противнику, получение преимущества первого удара особенно важно для достижения победы. Мы не только должны разгадать планы противника, и распознать признаки его подготовки к удару, ... задействовать свое орудие «палицы убийцы» но и полностью реализовать возможности наших обычных вооружений наилучшим способом. Если этого удастся достичь, ход войны будет изменен, а возможно и предreshен». Параллельно обсуждению новых видов вооружения, шла дискуссия о формах и методах его применения.

Показательным является то, что, по мнению ряда американских ученых, все проекты, предлагаемые к рассмотрению китайскими военными из числа сторонников «революции в военном деле» так или иначе, вписываются в сценарий одной крупномасштабной операции — быстрый захват Тайваня при параллельном установлении морской и воздушной блокады острова при сдерживании американских сил в регионе.

Предполагаемая операция предположительно должна включать в себя ряд этапов:

1. уничтожение крылатыми ракетами и диверсионными группами наиболее защищенных элементов ПВО Тайваня и американских баз в Японии и Южной Корее,

2. массированная бомбардировка высокоточными конвенционными (неядерными) ракетами малой дальности ключевых узлов военной и политической инфраструктуры острова,

3. высадка воздушного и морского десанта с целью захвата плацдарма,

4. захват нескольких главных магистралей острова соединяющих его север и юг, принуждение правительства острова к прекращению сопротивления.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что, не смотря на активную работу и покровительство со стороны руководства государства

(по не подтвержденным пока данным председатель КНР Цзян Цзэминь в 1999 году выступил в качестве покровителя сторонников концепции «революции в военном деле»), на пути воплощения этих планов в жизнь стоят и серьезные преграды. Это, прежде всего ограниченность военного бюджета НР. Не смотря на то, что о его реальном объеме среди ученых идут споры, не нужно упускать из виду масштабов необходимых преобразований. Реальное положение дел в НОАК являет собой разительный контраст с далеко идущими планами военных реформаторов. Не смотря на масштабные закупки современных российских вооружений, их удельный вес в войсках остается незначительным. Основные системы вооружений представляли собой советские вооружения 50—60-х годов.

Правительство КНР не имеет на сегодняшний день ни намерений, ни возможности силового решения тайваньской проблемы. Упомянутые нами проекты создаются исключительно на случай провозглашения островом независимости рассматриваемого как самый неблагоприятный из возможных вариантов.

ПРЕДАНИЯ О ЯРОСЛАВСКИХ СТАРООБРЯДЦАХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Бородкин А. В.

*Российский государственный гуманитарный университет
филиал в г. Ярославле*

Старообрядческие легенды и предания составляют *особую группу исторических источников*. Ее видовыми особенностями являются относительно позднее время происхождения (вторая половина XVII–XX вв.), политизация фактического материала и локальность ареала фиксации. В то же время *это ценный источник* не только по истории русского старообрядчества, процессов деления и дробления общин, их миграции, взаимоотношений местными властями, но и часть комплекса источников позволяющих исследовать внутренний мир, *ментальность населения* Верхнего Поволжья.

О необходимости активизации работы по сбору местных (в том числе старообрядческих) легенд и преданий говорилось в отечественной исторической науке достаточно много. Однако очень часто научные исследования, зависели от целевых объемов финансирования. Последние комплексные и широкомасштабные исследования в этой области охватывали период с 50 по 90 гг. XX века. К этому периоду относится несколько обобщающих публикаций. Так Н. А. Криничной был опубликован сборник, включивший плоды работы многолетних комплексных экспедиций автора в различных регионах страны.

Аналогичные публикации, посвященные местному, *региональному материалу* появились в Вологде, Владимире, Костроме и Нижнем Новгороде. В этой связи приходится констатировать объективное отсутствие аналогичных публикаций базирующихся на Ярославском комплексе источников. Между тем сама традиция исследования регионального аспекта рассматриваемой проблематики существует давно. Исследователям известно, что целый ряд зафиксированных в Ярославском Поволжье памятников вошли в многочисленные сборники общерусского состава Я. Л. Барскова, И. П. Сахарова, А. Н. Пыпина

и др. Все это позволяет говорить о наличии *собственно Ярославского комплекса источников* в силу определенных причин «распыленного» по обобщающим общерусским изданиям. Подобная практика публикации и компоновки комплекса источников объясняется, прежде всего, близостью Ярославского Поволжья к Москве и столичному региону. В силу этой географической и «ментальной» близости местный комплекс источников рассматривался исследователями как *классический, общерусский, а потому универсальный*, для иллюстрации общенациональных сборников. Результатом подобного подхода стало своеобразное «растворение» местного материала в общих сочинениях и отсутствие региональных сборников публикаций.

В этой связи особую значимость приобретает многолетняя работа, ведущаяся преподавателями Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского по сбору и исследованию местных легенд и преданий у филологических истоков которой находился языковед, диалектолог и лексикограф, доктор филологических наук, профессор Г. Г. Мельниченко (1907—1994 гг.). В настоящее время собственную, оригинальную проблематику разрабатывает доктор филологических наук, профессор Н. Н. Иванов. Что касается собственно комплекса старообрядческих источников, то сбор настоящих материалов проводился в ЯГПУ им. К. Д. Ушинского в 1992—1998 гг. Его результаты частично введены в научный оборот и были апробированы в 1995 г. в Нижнем Новгороде на научной конференции «Памятники истории, культуры и природы Европейской России». Они констатировали катастрофически быстрое уничтожение целого пласта народной культуры. Еще на начало 90х гг. XX века исследователи столкнулись с целым рядом объективных и субъективных причин, вследствие которых значительно уменьшился ареал бытования данного типа источника, прервалась традиция изустного пересказа, в силу естественных причин значительно уменьшился круг носителей информации, увеличился средний возраст информаторов и т. д.

На севере Ярославской области (Пошехонский район) полностью или частично прекратили существования старообрядческие общины, численность которых на начало XX века определялась несколькими тысячами человек, существенно изменились догматика и культовая практика оставшихся. Оставшиеся информаторы имели слабое представление о происхождении и истории общины, с трудом называли имена руководителей и единоверцев. В одной из общин исследова-

телями была записана легенда, связавшая воедино оба полюса раскола. В ней утверждалось, что Никон и Аввакум были братьями, и оба стояли за струю веру, но Никон проживал в Москве, а Аввакум в провинции. Все это позволяет утверждать не только наличие необратимых изменений в комплексе источников, но и лишний раз подчеркивает необходимость критического подхода в работе с данным материалом.

Комплекс источников о Ярославских старообрядцах *фрагментарен и не велик по составу*. Исследователям известны шесть старообрядческих преданий. Работа с комплексом затруднена целым рядом объективных обстоятельств. Прямая (цифровая) датировка в тексте источника отсутствует. Теперь уже не возможно с уверенностью констатировать, является ли данный факт традиционным элементом старообрядческого текстопостроения или объективным следствием длительного «изустного хранения».

Наиболее «древними» представляются сюжеты «Царь Петр и староверы» и «Как староверы по Ярославлю расселились». Предположительно они повествуют о событиях XVIII столетия. Более ранние сюжетные линии в корпусе источников отсутствуют. На настоящее время историкам не известны сюжеты о первых старообрядцах Ярославля, главах общин, гонениях XVII в. и «первых за веру стоятелях». Все это позволяет предположить ретроспективность информации и отнести создание основного комплекса источников к середине XIX — началу XX вв., что отчасти подтверждается не прямой текстовой событийной датировкой. Так, в сюжетах «Старообрядческая казна» и «Всем миром на храм собирали» предположительно нашли отражения события связанные со строительством в Тверицах старообрядческой церкви во имя Святого Спаса. Инициаторами создания храма выступили представители старообрядцев-поповцев Белокриницкой иерархии купец Федор Абрамович Гагарин и мещанин Виктор Филиппович Шмыров. Представители ходатайствовали о построении храма в память манифестов 17 апреля и 17 октября 1905 г., благодаря которым старообрядцы, собственно и получили возможность открыто исповедовать свою веру и устраивать для этого храмы, часовни и молитвенные дома. Это сюжеты могут быть восприняты как собственно Ярославские. Сюжет «Царь Петр и староверы» был ранее известен в более пространной редакции и неоднократно публиковался. Вопрос о его Ярославском происхождении остается спорным. Впол-

не возможно его местное редактирование или даже литературный пересказ.

В сюжете «Как староверы по Ярославлю расселились» присутствует краткое, но в целом верное упоминание о ряде мест проживания в Ярославле старообрядцев различных течений. «Стали на концы селиться ... в Тверицы ... в Яковлевскую, ... на Тугову гору ... на Меленки». Это далеко не полный перечень мест проживания Ярославских старообрядцев. Однако здесь в основном перечислены наиболее крупные общины поповцев и единоверцев. Так, в Тверицах локализируются общины старообрядцев-пововцев и близкие к ним по догматике и культу старообрядцы– единоверцы, соблюдающие «старый обряд», но признавшие формальную юрисдикцию Русской православной церкви и принимавшие от нее священнослужителей.

Вызывает недоумение вопрос о том, почему в перечне мест проживания староверов не упомянута знаменитая Андрониевская старообрядческая молельня (богадельня) основанная еще в последней четверти XVIII столетия ярославским купцом Андронием Васильевичем Кузнецовым? Вполне вероятно, что хранителями данного комплекса источников могли быть *старообрядцы — единоверцы*, этим и объясняется игнорирование Андрониевской старообрядческой пустыни принадлежавшей, как известно старообрядцам-беспоповцам.

Сюжеты «Старообрядческая казна» и «Старообрядческая икона» подтверждают объективные уже известные исследователям факты наличия долговременной городской старообрядческой общины и приверженность к старообрядчеству ряда семей Ярославского купечества.

В заключение отметим ряд особенностей преданий о Ярославских старообрядцах: 1).анонимность и невозможность атрибуции авторства. По косвенным признакам, можно предположить городское происхождение сюжетов. 2).фрагменты носят разрозненный характер, что не позволяет утверждать наличие определенной литературной традиции. 3).текст носит прямой информационный характер без аналитики, с минимальными обобщениями и авторскими комментариями. 4). Большинство источников принадлежит, вероятно, старообрядцам-единоверцам и относится, предположительно к концу XIX — началу XX века. 5) древнейшие сюжеты не носят собственно Ярославской локализации и могут оказаться литературными вставками позднего характера.

В целом данный комплекс представляет вполне определенный интерес для исследователей и является памятником многогранной духовной культуры Русского старообрядчества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Аввакум* протопоп. Житие и другие его сочинения. М., 1991.
2. *Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. ЛЗАК. Т.24. Спб., 1912.
3. *Бородкин А. В.* Современная история раскола у раскольников. /Материалы VI научной конференции «Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России». Нижний Новгород, 1995. С. 22—23.
4. *Бубнов Н. Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. Спб., БАН. 1995.
5. *Громов М.Н., Козлов Н. С.* Русская философская мысль X- XVII веков. М., 1990.
6. Костромские легенды и предания. /Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Выпуск 26. Кострома, 1921.
7. Легенды, предания, бывальщины. /*Н. А. Криничная.* М., 1989.
8. *Мельниченко гг.* Региональная лексикология и лексикография. Избранные работы. Ярославль, 2007.
9. *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т.1. Спб., 1890.
10. Сказания русского народа собранные *И. П. Сахаровым.* Спб., 1885.
11. Сказки, песни, частушки Вологодского края. Сост. *В. В. Гура.* Вологда, 1965.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ПРИ ИЗУЧЕНИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УГЛИЧСКОЙ ЗЕМЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Иерусалимская С. Ю.
ООО «Норд-Строй»

К важным источникам при изучении истории народного просвещения российской провинции пореформенного периода относятся делопроизводственные материалы центральных и местных органов государственной власти, а также земских учреждений. Общую картину

развития образования в стране во второй половине XIX — начале XX в. можно увидеть во всеподданнейших отчетах министра народного просвещения. В них приводились различные сведения о состоянии среднего и низшего народного образования, давалась общая характеристика учебных заведений, преподавательских кадров и т. д. В приложении были даны многочисленные таблицы по начальным и городским училищам, гимназиям и прогимназиям, показывались источники финансирования по учебным округам: государственные средства, от земств, городских дум, сельских обществ, взносы и пожертвования различных лиц, плата за обучение. К делопроизводственным материалам относятся отчеты ярославских губернаторов, где приведены сведения о количестве начальных и средних школ, видах различных учебных заведений, характеристика учащихся по полу и другие данные о состоянии народного просвещения губернии в целом и Угличского уезда в частности.

Важным источником по нашей теме является журнал «Общих заседаний первого общеземского съезда по народному образованию», включающий в себя стенографическую запись, дискуссии делегатов о путях развития земских и церковно-приходских школ, о законопроектах по школьному делу. Съезд состоялся в Москве 16—30 августа 1911 года. Сведения, получившие отражение в журнале позволяют раскрыть позиции делегатов, их представления о приоритетных направлениях в развитии народного образования. В приложении приведены постановления съезда о самостоятельности задач начальной школы, об учителях и учащихся, о школьной статистике и т. д.

Значительная часть делопроизводственных материалов Ярославского губернатора, Угличского уездного земства, Угличского отделения Ярославского епархиального училищного совета, посвященных состоянию школьного дела в Угличском уезде во второй половине XIX в. опубликована в приложении к «Очерку деятельности Угличского земства по народному образованию».

Среди делопроизводственных документов выделяются циркуляры и инструкции Министерства народного просвещения, распоряжения попечителя учебного округа, отчеты о деятельности начальных и средних школ. Представляет научный интерес служебная переписка, связанная с деятельностью церковно-приходских, земских и других видов начальной и средней школы.

Важную роль для исследования представляют материалы и документы, хранящиеся в Государственном архиве Ярославской области (далее ГАЯО) позволяющие значительно расширить научные знания о состоянии народного просвещения в Угличском уезде во второй половине XIX — начале XX вв., большинство из которых впервые вводятся нами в научный оборот.

В фонде 485 ГАЯО «Ярославская губернская земская управа» имеются отчеты отдела народного образования, учебных заведений, протоколы заседаний школьной комиссии, педагогических советов школ, доклады о состоянии школьных зданий, журналы губернского земского собрания, где рассматривались вопросы развития просвещения и т. д. Наибольший интерес представляют отчеты отдела народного образования, которые содержат информацию, в том числе и по Угличскому уезду. Общие сведения об открытии ряда учебных заведений в губернии содержит фонд «Ярославского губернского по земским и городским делам присутствия» (Ф. 137 ГАЯО), созданного в 1892 году с целью усиления административного контроля за деятельностью городских и земских управ. Там имеются данные по Угличскому и ряду других уездов губернии, сведения об организации курсов учителей начальных училищ, открытии сельскохозяйственных школ, устройстве воскресных чтений и т. д.

Делопроизводственные материалы также хранятся в ГАЯО в фонде 485 «Ярославская губернская земская управа». В нем получили отражение текущие материалы отдела народного образования, его ведомости, охватывающие период с 1865 по 1917 г. Материалы отдела народного образования частично опубликованы отдельными выпусками. Кроме сведений о начальной школе, фонд содержит интересные данные об организации профессионального обучения. В нем находится информация о состоявшихся в 1871—72 гг. в Ярославле губернских учительских съездах, созданных земством, где были широко представлены уезды губернии. В фонде отложился большой материал по Угличскому уезду: отчёты земских школ, ведомости начальных учебных заведений, данные о награждении учителей.

Таким образом, делопроизводственные материалы являются важным историческим источником при изучении вопросов развития народного образования российской провинции во второй половины XIX — начала XX в.

В них отложился большой фактический материал по различным проблемам начальной и средней школы, ученическому корпусу, преподавательским кадрам, состоянию материально-технической базы. Делопроизводственные документы ярко показывают проведение целого комплекса реформ школьного дела, благодаря которым в Российской империи в указанный промежуток времени был сделан существенный шаг к введению всеобщего начального обучения, преодолению сословности, улучшению доступности и повышению качества образования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1888 и 1889 годы. СПб., 1893;
2. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1894 год. СПб., 1898; и др.
3. Первый общеземский съезд по народному образованию 1911 года: Журнал общих заседаний съезда (стенографическая запись). М., 1912.
4. Приложения // Очерк деятельности Угличского земства по народному образованию (1865—1899 гг.). Ярославль, 1901. С. 87—145.
5. Приложения // Очерк деятельности Угличского земства по народному образованию (1865—1899 гг.). Ярославль, 1901. С. 87—145.
6. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 416, 417, 1300, 1301, 3065—3067, 5041, 5042, 5045; Оп. 1а. Д. 147, 148; Оп. 2. Д. 11, 12; и др.
7. Доклады управы по народному образованию. Ярославль, 1899—1916.
8. ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 94. Л. 257, 262, 268; Д. 165.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ «СВОЕГО» — «ЧУЖОГО» ЮМОРИСТИЧЕСКИМ ЖУРНАЛОМ «ЯРОСЛАВСКАЯ КОЛОТУШКА» (1906—1908 гг.)

Таточенко В. В.

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского*

Издание манифеста 17 октября 1905 г. в Российской империи, деятельность Государственной Думы и события первой русской революции 1905—1907 гг. ускорили разделение общественности, и ее консолидацию в политическом, и культурном поле, как в центре, так и на

местах. Важную роль в этих процессах играла периодическая пресса — единственный, регулярный массовый источник информации.

Особую группу периодических изданий составляли юмористические журналы, которые в те годы переживали бурный расцвет. Не стала исключением и Ярославская губерния, жители которой смогли познакомиться с «пятью пересмешниками» [1]. Одним из первых была «Ярославская Колотушка» (23 апреля 1906—1908 гг.). Ее редактором-издателем был В. Г. Куприянов, занимавший такую же должность в одном из преемников «Северного края» [2] — «Северной молве» (14.10.1907—17.11.1908 гг.).

В настоящее время при анализе эпохи исследователи обращаются к новым вариантам, к которым могла придти страна к октябрю 1917 г. Интерес вызывает не «акт разделения» общественности, а варианты объединения [3]. Не изученным является влияние на них юмористических изданий. Поэтому целью статьи является на материалах одного из первых юмористических журналов Ярославской губернии, «Ярославской Колотушки», выявить его позицию в процессах консолидации групп местной интеллигенции. Одним из путей решения проблемы является раскрытие представленных в нем категорий «своего» — «чужого». Такая постановка не случайна, поскольку современники констатировали смещение акцентов юмора сатирических изданий в сторону политики [4]. Кроме того, категории «своего» — «чужого» начали активно разрабатываться в исследованиях различного уровня [5].

Как и многие современники, в первом номере «Колотушка» опубликовала свою программу, в сообщении «От редакции» и в стихотворении «Ярославский синодик», в котором перечислены почти все публичные деятели края, которые впоследствии будут высмеиваться. В сообщении «От редакции», журнал заявил, что он выступает за свободу прессы против реакции [6]. Следовательно, первыми образами «своего» стала «свобода», а «чужого» — реакция. Эти образы не были случайны.

«Медовый месяц свободы печати», как называли его современники, закончился 24 ноября 1905 г. с введением новых Временных правил о печати, что вызвало возмущение почти всей прогрессивной общественности. Стремление к свободе еще в 50-х гг. XIX в. в юмористических изданиях было не допустимо. В 1859 г. рядовым был сослан на Кавказ сотружник «Развлечения» Данилов, за восьмистрочное сти-

хотворение о свободе. В нем сын спросил отца: «Кто такая свобода»? Отец отвечал, что ты узнаешь об этом после того, как тебя поймут в «вспорют». Внизу стояла перевернутая фамилия Данилова с добавлением буквы «о» — «Волинадо» [7]. Словно вспоминая прежние годы, и их связь с современной политической ситуацией журнал изобразил две позиции: свою и правительственную. Одним из примеров выражения первой была реплика:

— Вы любите свободу?

— Да, но не люблю тюрьмы [8].

А второй — иллюстрация, на которой интеллигент в шляпе, мчался от нескольких мужчин. Внизу была надпись: «А-а! Вы свободы захотели? Мы вам дадим свободу! ... Мы вас смертным боем будем бить!». Кроме того, образы свободы и реакции оказались запечатлены на многих обложках журнала: свобода была представлена графически в виде рассвета, а реакция — тьмы. С этими же темами связан и эпиграф ко многим номерам: «Но как бы ночь ни длилась, и небо не темнело, а все рассвета нам не миновать» [9].

Так как, свобода печати напрямую стала зависеть от прокурора, «чужим» был представлен читателю прокурор — Николай Муратов, изображенный в одной из карикатур в виде черного кота, которого пыталась отогнать колотушка. Кот готовился полакомиться преемниками газеты «Северный Край» [10]. Следовательно, еще одним «своим» представлялась либеральная пресса.

В дальнейшем происходило расширение категории «чужого», перечислим его основных объектов и субъектов: проправительственная пресса, так как она обманывала читателя [11]. Одним из ее представителей на территории губернии была газета «Русский народ» (1906—1909 гг.), выражавшая интересы отделения политической партии «Союз русского народа». Это издание характеризовалось «Колотушкой» «помойным ушатом»: «Все странно в этой газете. Во-первых. Редактор ее [В. А. Колесников-В. Т.] — акцизный чиновник, единственный случай в России. Во-вторых, фамилия издателя — Дуряев. Содержание газеты вполне характеризуется фамилией издателя и положением редактора». В дальнейшем, газета была названа «дикой» и «зверски неумной». А ее сотрудники достаточно грубо — «безграмотными», «гадами» и «подонками» за их стремления к погромам [12].

Но больше всего самой не юмористической критики доставалось лидерам Союза: И. Н. Кацаурову — статскому советнику, врачу глазной

лечебницы попечительства о слепых императрицы Марии Александровны в Ярославле [13] и монаху Иллиодору. В этом была большая смелость «Колотушки». Право-монархистская партия на территории губернии имела такое численное превосходство, что сумма членов остальных партий уступала ей в несколько раз [14], а в конце октября 1905 г. из-за черносотенных погромов не выходил «Северный Край» [15].

Во многих номерах, Иллиодор и И. Н. Кацауров выставялись обманщиками [16]. Апофеозом критики, стала комедия «Крамола в аду», написанная в стиле «Фауста» И. В. Гете. Ее главными лицами, помимо ярославских лидеров, стал сатана. В эзоповом стиле, перед читателями обрисована их деятельность, как дело бесовское. Суть которого, уничтожение проблесков народного сознания. Даже в аду Иллиодор и И. Н. Кацауров искали крамолу, чем испугали сатану, и он отправил их снова на землю со словами: «Что за люди ... чертей здесь совратят, пожалуй» [17].

Вслед за лидерами партии, критике подверглись и ее члены, представ перед читателями в образах «чужих»: это отъявленные хулиганы, готовые крошить лбы за четвертак, люди недалекого ума, место которым в тюрьме. Все они вступили в организацию не по истинным политическим убеждениям, а ради выгоды и карьеры, поэтому они не патриоты [18].

Следующим «чужим» оказался главный представитель городского самоуправления, городской голова — И. Д. Чистяков, за то, что не мешал «Союзу Русского народа». «Колотушка» изобразила его человеком больным, неспособным справляться со своими обязанностями. Вслед за городским головой, «чужой» стала и городская дума г. Ярославля, за свою неспособность вести городское хозяйство [19].

Даже земство, столь много трудившееся, критиковалось неутраченным журналом. Причины заключались в боязни земских гласных конфликтовать с начальством, в том, что некоторые земцы занимали свои должности не по специальности [20]. Естественно, что критике подвергся и председатель ярославской губернской земской управы А. П. Крылов:

«...Вместо земцев (лучше, друг;
Земцы больно рьяны)
Кроткий пастырь, а вокруг-
Овцы, да бараны».

Не стесняясь, «Колотушка» распространяла сплетни об Аполлинарии Платоновиче. Их нехитрый смысл сводился к формуле: «И Аполлинарии любят динарии» [21]. История с таким же смыслом была рассказана и о директоре Мариинской женской гимназии в г. Ярославле Н. Г. Высотском [22]. Благодаря таким сведениям, достаточно не смешным, но обидным для лиц уважаемых, журнал превращался в представителя не прогрессивной прессы, как он себя позиционировала [23], а «желтой».

«Чужими» были показаны представители государственной власти, например, один из лидеров консервативной общественности К. П. Победоносцев. О нем был написан весьма забавный анекдот:

«-Жить — это значит работать для освобождения человечества, сказал Томас Мюнцер.

«-Жить — это значит работать для закрепощения человечества, сказал Победоносцев». Как и многие юмористические издания, в 1906 г. журнал поместил на обер-прокурора знаменитую карикатуру из «Паяцов», но в несколько упрощенном варианте [24].

Вместе с тем, насмешки звучали и о Государственном Совете и в адрес одного из его членов от Ярославской губернии — Якове Ушакове. Первый критиковался за непрофессионализм и за стремление набора членов по принципу политической благонадежности, второй за необразованность и за стремление работать не на благо соотечественников [25].

Казалось бы, что «при жестком политическом блоке» правым силам, и с учетом издания В. Г. Куприяновым одного из преемников «Северного Края», «Колотушка» должна была симпатизировать либералам. Но этого не произошло, критика коснулась и партии кадетов: системы принятия резолюций на местах, пассивности в политическом поведении, а так же деятельности Д. И. Шаховского [26].

Таким образом, позиция журнала ставила его над всеми: смех, возвышая издание, выставял субъектов недалекими. «Колотушка» не стремилась объединять группы провинциальной интеллигенции, для нее важнее было высказаться, выдохнуть накопившееся, не думая о будущем. Единственными «своими» были категории «свободы», прогрессивной прессы и читатель. Но «свой» читатель мог быть «своим» настолько, насколько он был критичен по отношению к себе и находил шутки над собой самим веселыми. Многие известные ярославские деятели и меценаты посредством деструктивного юмора

были показаны «чужими» вместе с представителями консервативной общественности и некоторыми либералами. В такой ситуации, формируя образы «своего» — «чужого», журнал был обречен на неизбежное угасание.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Всего до 1914 г. обывателю было представлено восемь таких изданий.
2. Северный край (1.12.1898—16.12.1905 гг.) — либеральная, межрегиональная газета, выходила в г. Ярославле ежедневно, кроме некоторых периодов.
3. Венгеров Ал. Сатирические журналы 1904—1906 гг. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Дополнительный том II. СПб., 1907. С.591—593
4. См. напр.: Культура «своя» и «чужая»: Материалы международной интернет-конференции. М., 2003.; Якимович А. К. «Свой-чужой» в системах культуры // Вопросы философии. 2003. N 4. С. 48—60.
5. См. напр.: Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. — 608 с.
6. См.: От редакции...
7. См.: Гиляровский В. А. Избранное в трех томах. Т. II. М., 1961. С. 177.
8. Гвозди // Ярославская Колотушка. 1906. № 1. С. 6; (Дело заключалось в том, что с введением Временных правил о печати 24 ноября 1905 г., для редакторов открылись двери тюрем, на издателей посыпались денежные штрафы — В.Т.)
9. См.: Ярославская Колотушка. 1906. № 3. С. 10; Там же. 1906. № 2. С. 1; Там же. 1907. № 2. С. 1; Там же. 1907. № 7. С.1; Там же. 1906. № 2. С. 1.
10. См.: Там же. С. 3.
11. См. напр.: Телеграммы. Москва. //Там же. 1906. № 1. С. 2; Телеграммы «Ярославской Колотушки». Петербург. //Там же. 1906. № 3. С. 5.
12. См.: Письма к дяденьке. //Там же. 1906. № 1. С. 5; Нагаечные поэты (Посвящается Колесникову и Кругликову) // Там же. 1906. № 5. С. 7; Объявления // Там же. 1906. № 1. С. 8; Нагаечные поэты...
13. Большая энциклопедия русского народа // <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=5872>
14. Более подробно см.: Киселев И. Н., Корелин А. А., Шелохаев В. В. Политические партии в России в 1905—1907 гг. // История СССР. 1990. № 4. С. 78.
15. См.: Огурцов Н. Г. Опыт местной библиографии. Ярославский край. (718—1924). Ярославль, 1924. С. 285.
16. См. напр.: «Два врача». //Ярославская Колотушка. 1906. № 2. С. 7; Там же. № 4. С. 4.
17. Крамола в аду. //Там же. 1906. № 6. С. 2—3.

18. См.: Там же. С.10; Рыбинск. Анонс. // Там же. 1906. № 3. С. 3; Объявления // Там же. 1906. № 1. С. 8; Телеграммы. Ростов-Великий ... маленьким людISHкам с черносотенными сердешками. // Там же. 1906. № 7. С. 7.

19. См.: Резолюция // Там же. 1906. № 4. С. 4; Слухи // Там же. С. 7; Объявление // Там же. С.5.

20. См.: Телеграммы «Ярославской Колотушки». Углич. // Там же. 1906. № 1. С. 2; Кое-что. // Там же. 1906. № 7. С. 5.

21. Там же. С. 4; Письма к товарищу. // Там же. 1906. № 5. С. 2.

22. См.: Письма к товарищу. // Там же. 1906. № 4. С. 2.

23. См.: От редакции...

24. См.: Гвозди. 17 // Там же. 1906. № 3. С. 9; Там же. 1906. № 18. С. 1.

25. См.: На экзаменах в Государственный Совет. // Там же. 1906. № 5. С. 7.

26. См.: У кадетов. // Там же. № 3. С.2—3; Из подслушанных разговоров. // Там же. № 5. С. 4; Всем сестрам по серьгам. // Там же. № 2. С. 4.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ОФИЦЕРА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

Смирнова А. Н.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО

Про Александра Блока, когда тот собирался на фронт в 1914 году, офицер Николай Гумилёв, тоже поэт, сказал: «Куда же таких на войну — это как — соловьёв жарить!»

Действительно, многие литераторы не жаловали военную службу: Сергей Есенин исполнял свой воинский долг санитаром, и то хотел освободиться, Велемир Хлебников не мог выдержать ее «тягот и лишений». В своих произведениях обличали войну такие писатели, как Леонид Андреев, Владимир Маяковский. Редким исключением в литературе начала XX века был Николай Гумилев:

«И поистине светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы ясны и крылаты
За плечами воинов видны».

В XIX веке дело обстояло совсем не так. Литературу создавали князья, графы, занимавшие высокие государственные посты. Отец

русской поэзии Гаврила Романович Державин был губернатором, поэт пушкинского времени Иван Дмитриев — министром юстиции, Нестор Кукольник, поэт, драматург и прозаик, автор известного романа «Между небом и землею песня раздаётся...», — вице-губернатором. Все писатели, многие из них — участники войн, — воспевали величие России и русской армии, из отечественной литературы XIX века можно, при желании, отобрать не одну антологию военной поэзии и прозы. Среди таких авторов немало и неизвестных широкому кругу современных читателей имен. Заглянем на страницы послужных списков, или формуляров, как говорили в старину, некоторых из них.

Сергей Александрович Ширинский-Шихматов известен как литературный оппонент кружка «Арзамас», в который входил А. С. Пушкин, архаист, выступавший против обновления языка поэзии. Родился Ширинский-Шихматов в селе Дернове Смоленской губернии, в семье небогатого отставного поручика князя Александра Шихматова. С 1795 по 1800 год учился в Морском кадетском корпусе, который закончил, получив звание мичмана, а затем был определен в Морской ученый комитет при Адмиралтействе. В 1804 году Сергей Александрович в чине поручика был переведен в Морской кадетский корпус воспитателем. Кстати, в это же самое время в корпусе учился составитель «Толкового словаря живого великорусского языка», автор очерков и рассказов об армии и войне, офицер Черноморского флота, участник русско-турецкой войны Владимир Иванович Даль.

Известен курьезный случай, характеризующий систему воспитания в этом учебном заведении. В 30-е годы XIX века учился в Морском кадетском корпусе некто Николай Жилин, исключенный лет через пять за малоуспешность. Когда отец брал неудавшегося сынка из корпуса, с него потребовали «семнадцать рублёв» за розги, употребленные начальством на образование его детища. Так как в то время барабанщики уже не могли снабжать корпус необходимыми педагогическими средствами, к тому же и окрестности Петербурга обеднели лесом, то, чтобы казенное заведение не понесло убытка, стали пороть кадетов за родительский счет.

В 1827 году Шихматов вышел в отставку, отпустив своих крестьян в вольные хлебопашцы, а в 1835 — постригся в монахи под именем Аникиты, путешествовал по святым местам, совершил паломничество в Иерусалим, а затем стал архимандритом при русской посольской церкви в Афинах, где и умер в 1837 году.

Поручик, поэт, монах... Творчество его, воспевающее русскую армию, осталось только в истории. Например, среди произведений Ширинского-Шихматова — поэма «Пожарский, Минин, Гермоген, или спасенная Россия», посвященная событиям 1612 года. В ней есть такие строки, характеризующие боевые качества солдат и офицеров:

«Стремнины, блата, реки, горы —
Для россов гладкая стезя.
...Бесстрашен росс средь ядр ревущих,
Бесстрашен росс среди мечей;
Зрит тьмы смертей к нему грядущих
И вспять не отвратит очей».

Храбрость русского войска описана в духе архаистов-высоким, торжественным стилем, с использованием славянизмов, библейской образности.

В другой поэме — «Петр Великий» — Ширинский-Шихматов обращается к Полтавской битве. Современный читатель больше знаком с более поздним, пушкинским поэтическим изложением этих событий. Сравним шедевры литературных оппонентов XIX века.

У Ширинского-Шихматова:
«Терзают, рвут один другого,
Терзают, рвут, терзают вновь,
От облак до лица земного
Дождит дымящаяся кровь...»
У Пушкина в «Полтавской битве»:
«Швед, русский, колет, рубит, режет
Бой барабанный, крики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон...»

Хотя А. С. Пушкин описывает кровавое месиво битвы в иных, более ёмких и простых образах, чем его предшественник, но передавая стремительность, экспрессивность общей картины, он так же, как и Шихматов, использует художественный приём асиндетон, или бессоюзие.

У Ширинского-Шихматова:
«Красуйся, Петр! Хвалою правой
Красуйтесь, воины! Вожди!
Победа ваша под Полтавой

...Станет жить и жить вовеки
У россов ревностных в сердцах...»
У Пушкина в «Медном всаднике»:
«Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия...»

Видно, что Пушкин использовал поэтические находки Ширинского-Шихматова, перерабатывая их в соответствии со своими представлениями о языке литературы. Однако это не мешало ему высмеивать торжественный, тяжеловесный слог своего оппонента:

«Пожарский, Минин, Гермоген,
Или спасенная Россия.
Слог темен, дурен, напыщен
И тяжки словеса пустые».

Другая значительная фигура в русской поэзии XIX века — Константин Николаевич Батюшков, одна из сторон классического триумвирата Жуковский, Батюшков, Пушкин, участник войн с Наполеоном, боевой офицер, получивший тяжелые ранения. Константин Батюшков родился в Вологде, в старинной дворянской семье, учился в Петербургских пансионатах, овладел итальянским, французским, латинским языками. Рано начал писать и печататься. В начале 1807 года он записался в народное ополчение и отправился в Прусский поход в качестве сотенного начальника милиционного батальона. 29 мая 1807 года в сражении под Тейльсбергом он был тяжело ранен, пуля задела спинной мозг. Несмотря на то, что ранение значительно подорвало его здоровье, Батюшков все равно остался в армии. В 1808—1809 годах участвовал в войне со Швецией, и лишь после полугодовой жизни на зимних квартирах в Финляндии вышел в отставку.

Во время Отечественной войны 1812 года болезнь не позволила Батюшкову поступить в действующую армию, и он испытал на себе все «ужасы нашествия», разрушение «прекраснейшей из столиц», «переселение целых губерний», «нищету, отчаянье, пожары, голод». В 1813 году в «Послании к Дашкову» он написал, что не будет воспевать обычную, мирную жизнь,

«...пока на поле чести
За древний град моих отцов

Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь...»

Это послание стало ярким патриотическим манифестом в лирике Отечественной войны 1812 года. И свою поэтическую клятву Батюшков выполнил. Он участвовал в заграничном походе русской армии против Наполеона, участвовал в качестве адъютанта генерала Н. Н. Раевского в битве под Лейпцигом 4 октября 1813 года, в штурме Парижа.

Образ погибшего под Лейпцигом друга, полковника И. А. Петина, возникает в стихотворении «Тень друга», в котором описано странное событие, произошедшее с поэтом по пути из Англии в Россию в 1814 году:

«Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал».
Под однообразный шум и трепет парусов, как зачарованный, стоял Батюшков у мачты.
«Мечты сменялись мечтами», и вдруг —
Предстал товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертию под Плейскими струями.
Но вид не страшен был, чело
Глубоких ран не сохраняло,
Как утро майское веселием цвело
И все небесное душе напоминало».

Лирический герой хотел заговорить с погибшим другом: «Тень незабвенная, ответствуй, милый брат! О! Молви слово мне!» — но «горный дух исчез», и «сон покинул очи». После исчезновения видения вокруг опять воцарился «сладостный покой», но душа поэта:

«... всё... за призраком летела,
Всё гостя горнего остановить хотела:
Тебя, о милый брат! О лучший из друзей!»

Об этом случае Батюшков оставил и прозаический рассказ. Военные картины отображены также в других произведениях поэта. Он воспекает храбрость русского воинства, которое прошло всю Ев-

ропу, отражая нашествие Наполеона, в те времена сравниваемое даже с приходом Антихриста.

При помощи поэтических образов он создает панорамные батальные картины — видно, как движутся массы войск. Таковы стихотворения «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года», «Переход через Рейн, 1814 год»:

«И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы, с свободой и громами!
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!»

Судьба Константина Батюшкова очень трагична. Примерно с 1821 года он стал ощущать признаки тяжелой душевной болезни, передавшейся ему по наследству от матери. Прекратилась его литературная деятельность. В 1830 году он уже не узнал Пушкина, посетившего его и описавшего свои горестные впечатления в стихотворении «Не дай мне Бог сойти с ума».

Впрочем, Батюшков значительно пережил Пушкина и умер лишь в 1855 году в Вологде. Однажды его спросили, указав на часы: «Который час?» Он ответил в безумии: «Вечность».

В русской литературе есть еще немало громких имен, славных не только своим талантом, но и подвигами на военном поприще. Среди них — Д. В. Давыдов, Ф. Н. Глинка, К. Ф. Рылеев, А. И. Одоевский, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, А. И. Куприн. Они создали галерею образов русских офицеров, среди которых есть положительные и отрицательные, зачастую противоречивые герои. Но идеалом для них по-прежнему оставался воин-патриот, храбрец, герой — образ, созданный поэтами начала XIX века. И гранями, которые позволили высветить, отразить этот идеальный образ, стали боевые биографии писателей-офицеров.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Батюшков К. Н. Стихотворения. М., 1988.
2. Блок А. Дневники. М., 1989.

3. В. И. Даль и Общество любителей российской словесности. / Сост. *Р. Н. Клейменова*. СПб., 2002.
4. *Гумилев Н. С.* Стихотворения и поэмы. М., 1989.
5. Поэты 1790—1810-х годов. / Сост. *Ю. М. Лотман*. Л., 1974.
6. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений в 10 т. М., 1981.
7. «России верные сыны...»: Отечественная война 1812 года в русской литературе первой половины XIX века. В 2-х т. Л., 1988.
8. Русские писатели: Библиографический словарь. Под ред. *П. А. Николаева*. М., 1990.

СЕКЦИЯ

АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

СКАНДИНАВСКИЕ ДРЕВНОСТИ НА ВОЛЖСКОМ ПУТИ

Казаков Г. М.

Российский государственный гуманитарный университет

Ныне установлено, что до второй половины X века и до начала активного функционирования пути «из варяг в греки», Волго-Балтийский торговый маршрут играл в Восточной Европе определяющую роль. Это хорошо подтверждается огромным количеством кладов серебряных монет, зарытым вдоль Волжского пути. Серебро собственно и составляло основной предмет торговли — в больших количествах оно шло из стран арабского востока в балтийский регион и Скандинавию. Вопрос, однако, в том, кто осуществлял эту торговлю. Многие арабские авторы, писавшие о Восточной Европе в IX–XI вв. или повторявшие сведения своих предшественников позднее, народом, купцы которого приезжали на Восток, называли русов, особо зачастую подчеркивая их роль в торговле оружием. В научной литературе в русах обычно принято видеть скандинавов, осваивающих реки Восточно-европейской равнины и основывающих вдоль них свои форпосты или торговые колонии. Колонисты, таким образом, не могли не оставить после себя предметов материальной культуры.

Прежде всего, следует охарактеризовать, какие именно находки следует относить к числу скандинавских. Логика подсказывает, что таковые предметы будут выделяться из общего числа славянских древностей своими характерными признаками. Это может быть уникальность данных образцов материальной культуры, т. е. свойственность их распространения только территории Скандинавии, разительное их отличие от славянских и иных форм. Может быть, присущий находкам оригинальный художественный скандинавский стиль, четко характеризующий вещи как произведения северных мастеров. Может, в конце концов, быть наличие на предметах клейм и надписей рунами. Все это будет, безусловно, говорить в пользу их скандинавского происхождения.

Исходя из материала и знаний, накопленных археологами за все время существования славяно-русской археологии, скандинавскими признавались следующие предметы. Это детали женской и мужской одежды: шейные гривны (железные, серебряные), застёжки-фибулы, т.н. скорлупообразные, гребни, мечи, ланцетовидные наконечники копий, умбоны щитов, а также амулеты в виде молоточков Тора, крестики, пластинки с руническими надписями, некоторые элементы конской упряжи, сбруи. Кроме того, многими исследователями к скандинавским относились захоронения в виде сожжений в ладье, а также сожжения с захоронением в урне, поставленной на глиняную или каменную вымостку, сожжения под курганом, окруженным кольцевидной каменной кладкой, сожжения с кострищами треугольной формы, сожжения с воткнутым в основание кургана мечом, а иногда и погребения в камерах (срубах).

Однако на основании имеющегося в нашем распоряжении материала о множестве бесспорно скандинавских вещей говорить не приходится. Одним из немногих предметов явно норманнской культуры являются уже упоминавшиеся скорлупообразные фибулы — застёжки на плащи, детали женской одежды и кольцевидные фибулы с длинной иглой. Все они орнаментированы в особом скандинавском стиле. Но количество их на территории могильников Приладожья и Ярославского Поволжья весьма ограничено. Кроме того, зачастую приходится говорить, не о чисто скандинавских вещах, а о предметах «скандинавского типа». Ведь моду на украшения и просто стиль орнамента можно всего-навсего заимствовать, что и могло произойти с восточными славянами посредством их балтийских сородичей, гораздо ближе бывших знакомыми с культурой своих соседей — викингов. Характерен случай, когда в одном захоронении в Ладоге была найдена одна овальная скорлупообразная фибула, в то время, как известно, что в костюме скандинавки должны были присутствовать две. Таким образом, возможно, имело место простое культурное заимствование северных форм славянами, как, например, были заимствованы наборные пояса, очень распространенные на юге Руси, у кочевого мира. Нельзя забывать и о варианте угро-финнского воздействия на славянскую культуру, учитывая длительное сожителство этих народов. Так В. Л. Янин отмечает, что женские украшения в Новгороде не испытали никакого скандинавского влияния, что скорее можно говорить о моде на угро-финнские изделия. Г. С. Лебедев же костюм

кривичей считает вообще восточнобалтским в своей основе. Конечно, нужно отметить, что в Ладоге найден и ряд типично скандинавских предметов-деревянный стержень с рунической надписью первой половины IX века и навершие с композицией Одина с воронами. Однако они — лишь капля в море славянских находок.

То же самое можно сказать и об оружии. Общепринято, что большинство мечей, найденных на Руси и имеющих латинские клейма, производились во франкской империи в мастерских на Рейне. И скандинавы, и руссы, и другие народы пользовались франкскими клинками, их находят по всей Европе, что свидетельствует о Рейнских мастерских как месте постоянного экспорта мечей. Однако специфически скандинавских клейм на клинках не выявлено, поэтому нельзя говорить и об особой норманнской природе таких находок. Из всех видов наконечников копий и стрел на Русь с севера пришли только экземпляры ланцетовидной формы, являющейся опять таки франкскими по происхождению. Уже у франков их заимствовали скандинавы, а затем с X в. они распространились и на Руси. О скрамасаксах же следует сказать, что они являлись подсобным оружием к мечу. Пришли они с Запада как пережиток меровингской эпохи, но на Руси никогда сильно распространены не были. Всего их найдено 9, весьма незначительное количество. Основным обрядом погребальной культуры Ладоги и ярославского Поволжья является подкурганное захоронение по принципу трупосожжения. Расцвет курганной культуры — X век. Среди захоронений были выявлены признаки типично скандинавских. К таковым М. В. Фехнер и Г. С. Лебедев относят сожжения в ладье, а также курганы с лепной урной в центре круга камней (ярославские могильники). Все эти погребальные обряды находят параллели в Скандинавии, особенно в Бирке. Обряд сожжения в ладье действительно неизвестен славянам, однако его примеры крайне немногочисленны — всего лишь 7 или 8 захоронений подобного типа в Ладоге (к слову, столько же в Гнездове). Что же до обычая помещать кости в лепной горшок, а его — посреди каменной конструкции, а затем насыпать над ним круглый полусферический курган, то кроме аналогии в Бирке он свойственен еще и сопкам Новгородчины. Это дало повод Я. В. Станкевичу и И. И. Ляпушкину предположить проникновение такого обряда вместе со славянским населением по водным путям Мсты и Мологи из Новгородской земли в ярославское Поволжье. Причем эта гипотеза имеет еще один косвенный аргумент

«за». Дело в том, что в Ладоге и Гнездове захороненные скандинавы бесспорно принадлежат к богатой дружине, т. п. их могильники — это большие богатые курганы. В Ярославском Поволжье же подчеркивается исключительная бедность скандинавских погребений, что с трудом объясняется одной лишь неоднородностью пришельцев. Ведь почему в таком случае беднота и знать делились четко по территориальному признаку?

Наконец, наибольшие вопросы вызывает хронология. Ведь предполагаемые норманнские захоронения Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников относятся к X веку, когда и наблюдается расцвет имевшихся здесь поселений. К концу этого времени скандинавские могилы практически полностью исчезают из некрополей. Расцвет же «скандинавской» Ладоги приходится даже на IX век, после чего она как торговый пункт начинает вытесняться Новгородом.

Такая хронология поселений, расположенных на Волжском пути, хорошо объясняется, если учитывать их теснейшую связь с потоками арабского серебра, текущими именно этим маршрутом на Балтику в IX-X вв. Где-то после 960 г. приток нового серебра прекращается, в связи с чем в очевидный упадок приходят все стоящие на Волжском пути торговые центры, включая шведскую Бирку, оставленную жителями около 980 г. Однако именно начиная с конца X в. древнерусские летописи и скандинавские источники (рунические камни и саги) начинают фиксировать пребывание скандинавов на Руси. Даже в той же Ладоге «ярлство» Рёгнвальда, а значит и наличие в городе отряда скандинавов, относится уже к XI в. Вторит им и археология таких центров как Киев, Новгород, Изборск, где большинство предметов «скандинавского облика» оказываются датированы концом X — первой четвертью XI вв., что хорошо согласуется с данными летописи о приглашении варягов Владимиром и Ярославом и о женитьбе последнего на шведской принцессе. В этих городах, наверное, и останавливались нанятые скандинавы, оставившие свои немногочисленные вещи, в их числе — надписи рунами.

Возможно, причина такого несоответствия хронологии скандинавских находок из центров Волжского пути и из других городов Древней Руси действительно частично кроется в неверной интерпретации первых. Ведь, как отмечалось, в Ярославском Поволжье чисто скандинавских памятников встречается мало, а устройство погребальных курганов кроме скандинавских аналогий имеет еще и параллели в сопках словен.

Поэтому вполне вероятно, что часто мы имеем дело не с физическим присутствием скандинавов, а лишь со схожестью славянских и норманнских форм и обрядов или с влиянием северной культуры. Более того, возможно имела место и обратная колонизация — во всяком случае полиэтничность населения Бирки всячески подчеркивается археологами, а среди керамики города 13% характеризуется как славянская.

Таким образом, преимущественно скандинавский характер поселений вдоль Волжского пути представляется сомнительным. Несколько особо на общем фоне выделяется Ладога, т. п. присутствие в ней скандинавов еще с IX века вряд ли стоит подвергать сомнению, учитывая скандинавский характер ряда погребений, находки украшений и строений скандинавского типа. Однако даже здесь археологический материал не дает возможность говорить об особой роли, положении и большой численности скандинавов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Авдусин Д. А. Археология СССР. М., 1977.
2. Арбман Х. Викинги. СПб., 2003.
3. Вернер И. К. К происхождению и распространению антов и склавенов. // Советская археология. М., 1972, № 4.
4. Гедеонов С. А. Варяги и Русь. М., 2004.
5. Каргер М. К. Древний Киев. Т. I. М. — Л., 1958.
6. Кирпичников А. Н. Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов. // Скандинавский сборник. Таллинн, 1977.
7. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Т. I-II. Л., 1966.
8. Кирпичников А. Н. О начале производства мечей на Руси. // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4, М., 1998.
9. Кирпичников А. Н. Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность. // Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998.
10. Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.
11. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.
12. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
13. Носов Е. Н. Первые скандинавы в Северной Руси. // Викинги и славяне: ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998.

14. Нюлен Э. Эпоха викингов и раннее средневековье в Швеции. // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 155—168.
15. Петрухин В. Я. Скандинавия и Русь на путях мировой цивилизации. // Путь из варяг в греки и из грек... М., 1996.
16. Седов В. В. Восточные Славяне в VI-XIII. М., 1982.
17. Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. / Сост. А. Г. Кузьмин. М., 1999.
18. Сойер Питер. Эпоха викингов. Спб., 2006.
19. Станкевич Я.В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX-X ст. // МИА. М., Л., 1941, № 6.
20. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
21. Шаскольский И. П. Норманнская теория в современной буржуазной науке. Л., 1965.
22. Янссон И. — Русь и варяги. //Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998.
23. Burenhult G. Länkar till vår forntid — en introduktion i Sveriges arkeologi. Stockholm, 1988.
24. Larsson M. G. Svitjod, resor till Sveriges ursprung. Stockholm, 1998.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТА КАМНЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЯРОСЛАВСКОГО, ИВАНОВСКОГО И КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Чернецова С. Б.

МОУ ДПО Городской центр развития образования

Среди исследователей, обративших, в разное время, свое внимание на проблему изучения культовых камней (*Далее — к.к. С.Ч.*), сложилось устойчивое мнение, что частота встречаемости таких памятников имеет устойчивую динамику к снижению при движении от Балтийского моря к Востоку европейской части континента. Предпринятые учеными попытки ведения статистики сакральных валунов дают следующую картину. В Эстонии к концу 80-х гг. 20 в. насчитывалось около 1100 культовых камней [1]. В республике Беларусь на момент 1998 г. известно было более 300 культовых валунов [2]. В настоящее время там описано уже более 500 объектов [3]. В Северо — Западном регионе России на территории Ленинград-

ской, Псковской, Новгородской областей взяты на учет не менее 250 объектов [4].

Большое количество к.к. известно на территории современной Тверской области. На этом фоне весьма неоднозначным является вопрос о распространенности к.к. на территории Верхней Волги в Костромской, Ярославской и Ивановской области. Долгое время бытовало мнение, что поклонение камням здесь встречается лишь в единичных случаях. Например, один из «пионеров» изучения к.к. — С. Н. Ильин (*автор этих строк имела честь знать его лично*), искренне и убежденно считал, что на территории Ивановской области их просто нет. Будучи жителем г. Шуи (Ивановская область) он проводил свои изыскания в Тверской, Ленинградской, Новгородской, Псковской и др. областях, считая другие регионы малоперспективными в этом отношении.

В настоящий момент на территории Ивановского Поволжья известно около 30 культовых валунов [5]. Один из самых интересных и редких по типу к.к. (хотя вопрос о классификации и типологизации к.к. остается открытым) находился в д. Арсеново Ильинского р-на Ивановской области. Он представляет собой обломок грубой гранитной плиты с изображением неясного происхождения в виде лабиринта из выпуклых полос, находящихся одна на другую. Даже внешнее описание этого камня наталкивает на проведение аналогий с некоторыми тверскими камнями, описанных Ф. Н. Глинкою, но утраченных для науки. Арсеновский валун цел и находится сейчас в музее поселка Ильинское-Хованское. Камни-следовики в Ивановской области известны в селах, расположенных по берегу р. Волги. Доподлинно известно, что 1970 г., камень с отпечатком «Божьей ножки» находился в с. Новописцово. Камень находился на берегу ручья и был уничтожен в конце 60-х годов во время строительства дороги. Еще один следовик находится в с. Совитово Вичугского района. В народе камень известен как левая «Ножка Божьей матери». Камень этот чтится местным населением и считается лечебным. Известен и следовик у д. Пичугино в окрестностях г. Решмы. Камни с цветовой символикой — Синие, Белые, Черные встречаются здесь гораздо реже всех остальных групп культовых камней. Имеется множество сведений о нахождении в Ивановской области «камней с надписями», каменных баб, межевых камней. Известны предания о камне с изображением всадника на Колягином болоте в Ильинском районе. Известно

немало к.к. и в Костромской области. Нами был описан интересный камень «Медведь» у с. Антоновское [6]. Не сохранился до наших дней камень-следовик у с. Сторожево [7]. Камень этот лежал у Ю-В стены небольшой часовни. По сведениям, которые были записаны нами в конце 80-х гг., часовня эта специально была поставлена с определенной целью «нейтрализации» широкой известности целительных свойств камня. В годы советской власти часовня была уничтожена. Спустя некоторое время был уничтожен и сам камень. Была замечена интересная взаимосвязь между «Медведь» камнем и следовиком у д. Сторожево. Фактически они находились в 0,5 км. друг от друга на т.н. «Марфиной тропке».

Имеются сведения о значительном распространении топонимических названий «Синие камни» на территории, расположенной севернее Костромы [8]. В Нерехтском районе у с. Бортниково на р. Солонице в местности расположенной за т.н. Егорьевской горой находятся два культовых валуна. Один является типичным следовиком и несет на себе изображение стопы человека, а на другом имеется выдолбленное изображение креста правильной «геометрической» формы. В архиве Костромской области есть любопытный документ, который гласит, что «...у священника Богословского уезда есть камень, обтесанный, длиной в 1 1/4 вершка, шириной в 1 вершок ... с четырьмя углублениями в виде точек, под которыми проведена черта. От точек вырезаны линии через весь камень» [9]. В этом же документе упоминается и «...камень величиной с барана, серый, как бы опоясанный крестообразно кругом веревкой», в конце 19 века камень этот находился в одном из храмов Чухломы. В с. Большое Боброково Нерехтинского района в начале XX в. рядом с деревянной церковью находились три обтесанных валуна. По нашим, непроверенным пока, сведениям на камнях имелись надписи, прочитать которые никто из местного населения не мог. По свидетельству выходцев из этого села, камни эти составлены в форме стола.

В ходе полевых сборов, проводимых в 1989—2004 гг. Академией Финляндии, в рамках проекта по исследованию финно-угорского языкового субстрата Ярославской области под руководством Арьи Альквист, в научный оборот было введено большое количество фактического материала [10]. В рамках этого проекта было зафиксировано не менее сорока четырех объектов носящих название «Синий камень». В связи с этим нельзя не отметить некоторые параллели с соседней

Ивановской областью, где известно несколько мест с аналогичными (и другими цветовыми!) названиями, но в большинстве случаев это только топонимические названия без наличия самих к.к. Еще одним очень важным, на наш взгляд, результатом этого проекта является выявление целой группы уникальных памятников. Речь идет о камнях названных в работе А. Альквист — Мирскими камнями, а точнее — о камнях- чашечниках. Как, совершенно справедливо, утверждает финская исследовательница, ранее они не были известны на данной территории.

В Ярославской области традиция почитания камней распространена очень широко. Мы не ставили своей целью в этой работе упоминать известные камни ярославщины. На сегодняшний день мы имеем сведения почти о 60 (!) валунах, которые когда- либо находились, либо находятся до сих пор в этом крае. Имея для сравнения определенную информацию по соседним областям, необходимо отметить, что на фоне большого количества подобных памятников здесь практически не встречаются камни с изображением отпечатков следов человека. Что любопытно, описаний следовиков нет и в работах ярославских краеведов прошлого века. Тем не менее, нельзя утверждать, что этот вид к.к. не представлен на территории Ярославской области. Вот описание типичного следовика у с. Подольское «... лежал в кустах у проселочной дороги еще в конце 60-х гг. Камень имел очертания медведя, а на боку был выбит человеческий след...» [11]. Для территории Ярославского края так же характерны камни с названиями животных. Например — Лось-камень у д. Святово «... Переславский уезд, близ с. Святово ... огромный камень серого гранита, имеющий вид неправильного треугольника., который в народе зовется Лосев камень» [12]. Есть несколько фактов наличия камней носящих собственные «человеческие» имена — знаменитый Тихонов камень [13]. Камень «Симеон» был найден крестьянином д. Вечеслово во время пахоты. По форме, это была каменная четырехугольная колонна высотой — 48 сантиметров, толщиной — 28 сантиметров. С правого бока имелись следы скобления. Находился в часовне д. Ефимьево. Был украшен сверху салфетками и подвешенными железными крестиками. По свидетельству местных жителей раньше имел «ручки и ножки». Камень чудотворный «...с него скачивают воду при болезнях детей и скорби. Камень может наказать при непочтительном к нему отношении» Его лично видел переславский краевед Смирнов М.И. в 1926 году [14].

Некоторые формы культа камня имеют чрезвычайно редкое распространение. Например, камень, бывший некогда с петроглифами у д. Юрнево [15]. По свидетельствам жителей, ныне затопленной Мологи, в Волге у д. Трезубово находился священный камень белого цвета. При малой воде он выступал над поверхностью на 50 сантиметров и достигал в диаметре трёх метров. На его каменной тверди отчётливо проступали какие-то знаки, узоры, насечки, выдолбленные явно человеческой рукой «... а под водой, на дне, от этой глыбы в разные стороны расходились глубокие, в один метр, канавки — лучи...» [16]. Этот валун потерян для науки, но его описание позволяет проводить параллели с некоторыми древними тверскими камнями [17]. Еще одну аналогию можно проводить с достаточно сложным сооружением, сопутствующим камню-следовику «Елесина Богородица» в окрестностях озера Ильмень, например — ров и кольцевая обкладка около камня [18].

Некоторые камни в окрестностях г. Мышкина по описанию, очень напоминают фаллические камни, аналоги которых можно встретить в других регионах [19]. В частности в г. Плесе Ивановской области [20]. Говоря о легендарной каменной (или Синей) бабе Берендеева болота, необходимо отметить, что ареал преданий о «каменной бабе» локализован углом, образованный стыком Ярославской, Владимирской областей. Аналогичные предания имеются и в соседнем Ильинском районе Ивановской области. Возможно, что на данную территорию этот культ (или отголоски культа) был принесен половцами, факт пребывания которых на переславской земле в эпоху раннего средневековья не подлежит объективному историческому сомнению [21].

Под Угличем в лесу лежит валун, по своей форме напоминающий медведя. Его окружают валуны поменьше. «... Камень этот стал местом паломничества обездоленных и тяжелобольных людей. Метод очень прост: подойдут к этому камню с восточной стороны, прислонят тело к нему, сверху положат руки на «спину» камня-медведя и просят в течение 30—40 минут, обратившись лицом на запад» [22]. Говоря о священных камнях Ивановской, Костромской и Ярославской области необходимо констатировать факт повсеместного всплеска некоторого интереса к ним со стороны коренного населения в 90-е годы уходящего XX века. Отчасти это явление можно объяснить особым «депрессивным» характером общественного настроения данного периода российской истории. Известно, что почитаемые камни, не обре-

ли своего места в церковном обиходе, поэтому остались на перефирии религиозного пространства, приобретя апокрифические, а зачастую, и гипертрофированно-значимые черты.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Уртанс Ю. В.* Культурные камни с углублениями в Латвии. // КСИА. № 190. М., 1987. С. 71.
2. *Дучиц Л.* Культурные камни и дровяные Беларуси. // Медоборы и духовная культура древних средневековых слов'ян. Львов, 1998. С. 149—155.
3. *Винокуров В.Ф., Дучиц Л.В., Зайковский Э.М., Карабанов А. К.* Культурные валуны с рукотворными углублениями [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kirjzh.spb.ru/history/vinokur.htm>.
4. *Платонов Е. В.* Почитаемые камни в восточнохристианской традиции и на Руси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.countrysite.spb.ru/Library/Stones.htm>.
5. Некоторые из этих валунов описаны нами в следующих работах: *Рогалева С. Б.* Камни — следовики в Ивановской области. // Проблемы изучения Плеса. Плес. 1990.; *Рогалева С. Б.* Арсеневские находки. // Материалы III краеведческой конференции. Иваново. 1992; *Рогалева С. Б.* Легенды и предания о культовых камнях в Ильинском районе Ивановской области // «Плесский сборник», материалы IV Плесской научно-практической конференции «Проблемы изучения и возрождения русской провинциальной культуры». Плес. 1993.
6. *Рогалева С.Б., Яблоков А. В.* Медведь — камень у с. Антоновское на Волге. // АПВКМ. 1992. № 6.
7. *Нефедов Ф. Д.* Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. // Материалы по археологии Восточных губерний, издаваемых Императорским Археологическим обществом. Т. 3. М., 1899.
8. *Матвеев А. К.* Мерянская топонимия на русском Севере — фантом или Феномен. // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 97—104.
9. Костромская старина. // Сборник издаваемый Костромской ученой архивной комиссией. Кострома. 1890. Т. 1. С. 125—126.
10. *Альквист А.* О древних элементах культурной среды современной российской провинции (на примере культовых камней Ярославского края). // Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города. Ярославль, 2004. С. 99—114.
11. *Земцева Т.* Культурные камни как памятники природы и культуры // «Летопись ярославских сёл и деревень». Рыбинск. 2004 г. С. 208.
12. Владимирские губернские ведомости. 1857 г. № 2. С.11
13. *Киселев А. В.* Деревенские святыни южных регионов Ярославского Поволжья в XIX-XX вв. // История и культура Ростовской земли. Ростов.

2005 г.; *Земцева Т.* Культовые камни как памятники природы и культуры // «Летопись ярославских сёл и деревень». Рыбинск, 2004 г. С. 208.

14. *Смирнов М. И.* Воспоминания и записки. М., 2003 г.

15. *Аграфонов П. Г.* Культовые камни Ярославского Пошехонья. // Плесский сборник. Плес, 1993.

16. *Ершова Т.* Трезубово-Золотой Бережок. // «Летопись ярославских сёл и деревень». Рыбинск. 2004 г. С.250. *Глинка Ф. Н.* Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в тверской Карелии, в Бежецком уезде //Русский исторически сборник, издаваемый Обществом Истории и Древностей Российских. М., 1837. Т. 1. Кн. 2.

18. *Шорин М. В.* Культовые камни приильменя. //Археологические вести. — Выпуск 5. СПб., 1998. С.223.

19. *Корсаков О.* Культовые камни в окрестностях Мышкина. //Опочининские чтения. Мышкин, 1991. Выпуск 1. С. 52.

20. *Чернецова С. Б.* К вопросу о типологической классификации культовых камней на Верхней Волге (Ивановское, Костромское и Ярославское Поволжье). // Альманах современной науки и образования. Тамбов. 2007. — № 7 (7). Часть 1. С. 180.

21. *Чернецова С. Б.* «Синяя баба» Берендеева болота (некоторые сакральные места Ярославской области). // Проблемы развития внутреннего туризма в Центральной России: образование, менеджмент, планирование. Ярославль, 2006. С. 55.

22. *Красина К.* «Камень лучше, чем собес». //Золотое кольцо от 01.03.97.

ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕДАНИЙ ОБ АБОРИГЕНАХ КРАЯ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В СВЯЗИ С СЕМАНТИКОЙ КУЛЬТОВЫХ КАМНЕЙ

Чернецова С.Б.

МОУ ДПО Городской центр развития образования

С возрастаньем интереса к культовым камням (к.к.), как к культурно-историческим источникам, значительно увеличился интерес и к их семантике. Единого мнения о предназначении подобных памятников нет. Мифологические сюжеты, которые характеризуют к.к., зачастую основываются на т.н. «основном мифе» индоевропейских народов. Обычно связывают камни с кутьями Перуна, Волоса и Мокоши, при этом чаще всего их относят к кутье бога Велеса, Волоса позднее — Власия [1]. Принято считать, что одна из ипостасей

этого бога — бог мертвых. Данная гипотеза основывается в большинстве случаев на том, что большая группа к.к. носит название — «Синий», а этимология этого слова расшифровывается как, «бесов камень», дьявольский, т. е. связанный с загробным миром [2, 4]. Отпечатки следов на камнях в этих случаях рассматриваются как знак присутствия Велеса для живых или как напоминание живым о загробном мире. Действительно, в некоторых регионах довольно четко прослеживается непосредственная связь камней с Велесом и его женской ипостасью — Мокошью. В новгородских и псковских землях довольно часто встречаются камни с названиями Волос, Елесина, Богородица, Параксева и пр. [2]. Дни почитания таких камней связаны с христианскими «заместителями» Велеса и Мокоши — Николай, Петр, Параксева.

У этой гипотезы есть несколько слабых мест. Она никаким образом не может объяснить, почему камни (почти всегда) являются либо «плохими» либо «хорошими». Почему у «хороших» камней люди лечатся, они почитаемы и любимы, а у «плохих» камней людей «водит», они могут наслать порчу или (по преданиям) убить человека? Почему на следовиках практически всегда изображалась только одна ладонь или стопа (правая или левая) и крайне редки случаи, когда изображались обе ладони (или стопы) вместе? Мы считаем, что отчасти, ответ может дать фольклор и обрядность, совершаемая около камней.

Многие белорусские и русские сказки рассказывают, что отпечатки своих рук и ног на камнях оставили добрые великаны- полубоги Волоты (или Аселки) [3]. Само это имя — Волот многие ученые соотносят с именем того же Велеса [5]. Но если у лингвистов почти не вызывает сомнений, что Велсс и Волос — имена одного и того же божества, то еще один вариант имени Велеса — Волот, можно отнести к нему с большой натяжкой. Тем не менее, до сих пор в топонимике, в народных преданиях и повериях имя Волота — встречается достаточно часто. Это и знаменитое Волотово поле под Новгородом, и довольно часто встречающиеся Волотовы горы (или могилы) в Новгородской, Липецкой, Белгородской и других областях центральной и северной России. Если проанализировать территориально-административные справочники разных областей, выяснится, что топонимических названий, имеющих в своем корне слово «волот» — очень много.

Фольклорный материал, где имеются различные сведения об остатках культа Волота, наиболее полно представлен в богатырских героических сказках. Многочисленные предания о богатырях мужского и женского пола, «плохих» и «хороших», сохранились в Тверской области [3]. Так, например, в книге В. А. Плетнева «Об остатках древности и старины в Тверской губернии» (1905 г.) рассказывается, что в Осташковском уезде у погоста Песочня находится сопка, под которой, по преданию, похоронена «богатырка Марья», а у д. Тухачево под курганом зарыты два богатыря Тухач и Девич. Они перебрасывались между собой громадными топорами и камнями. У д. Соблое находится сопка Богатыри, а у д. Лом похоронен целый свадебный богатырский поезд [6].

В народной памяти жителей Ивановской и Костромской областей сохранились предания о каких-то загадочных народах, живших здесь — о чуди и Волотах. О Волотах в Буйском уезде Костромской области в 1919 г. был записан следующий рассказ «Близ имения Г. Н. Глаголева «Ивановское» есть Волотовы горы... они, по преданию, накопаны были жившими здесь великанами по имени Волоты. Они были так велики, что, занимаясь кузнечным делом, передавали друг другу топоры на другой берег реки» [7].

Существуют и другие местные названия, напоминающие о Волотах — д. Волотово Буйского района в Костромской области, гора «Волотова могила» — Фурмановский район, Ивановская область, озеро Волотовское под Костромой, «Волотова могила» у г. Переславль — Залесский, поселок Волотово в Ивановской области и др.

Интересны легенды об основании г. Вологды — «...От баснословных каких то Волотов, подобно греческим гигантам, якобы они перед... крещением тут жили и построили сей город, назвали оный так, как и реку по имени своему Волотой или Володовой» [7].

В народных легендах богатыри являлись защитниками городов и деревень. Причем богатыри — покровители одного поселения т. е. «хорошие» могли делать зло по отношению к иноплеменникам (т. е. являются «плохими» для других). Волоты или Асілкі (у белоруссов) могли мимоходом вырывать сосны, передвигать горы, вытаптывать озера. Они перебрасывались друг с другом забавы ради огромными камнями, оставляя при этом отпечатки свих рук и ног на них [3].

Историк И. Д. Маланин отмечает, что места, на которых располагались культовые камни, часто связывают в народе с памятью об

основателях поселений [8]. В Ильинском районе Ивановской области у с. Спас-Городец находится большой камень с изображением восьмиконечного креста, который местные жители называют могилой «мамаева богатыря» или просто могилой великана. Считается, что богатырь, зарытый под камнем, охраняет село от набегов лихих людей, оберегает село от бедствий. [12].

Эти и многие другие факты позволяют видеть в Волоте типичного представителя преданий об аборигенах края, которые весьма распространены во всем мире.

В европейском фольклоре великаны изображены в виде язычников каменного века, которые «чуждались завоевавших страну людей, ненавидели их земледельческие занятия и звон колоколов... Часто племена великанов носят имена гуннов и чуды» [9].

В регионе Верхнего Поволжья народная память называет аборигенов края, т. е. народы, жившие здесь до прихода славян, — волотами, панями или чудью. Причем, внешние характеристики этих трех мифических племен — практически совпадают. Выше уже упоминалось о распространенности корня «волот» во многих топонимических названиях. В Костромской и Вологодской областях весьма много названий населенных пунктов с корнем «чудь». В Нерехтском районе Костромской области есть две деревни «Чудь», в Солигаличском районе Костромской области — два села «Чудца», деревня «Чудинево» и «Чудиха» [7].

В Ивановской области этот корень — «чудь», практически не встречается, но в качестве первопоселенцев часто упоминаются — волоты. Названия же «паны» очень распространено во всех северорусских регионах. Местное население зачастую так (до сих пор!) называет курганные группы. Многочисленные «панские могилы», «панки», «паны», «панщина» и т. д. в Верхневолжском регионе оказались курганными могильниками VII—XIII вв.

В силу специфических способов видения, древние аборигены края обычно изображаются в легендах и преданиях именно, как великаны [10]. При описании внешности «первopоселенцев» (аборигенов) используется гипертрофированный прием изображения. Исходя из этого, необычайно высокий рост чуды и волотов угадывается по описанию огромных костей, якобы находимых в древних захоронениях. В хронографе XIII века есть запись «Тогда бо биша чудове на земли, рекше волотове». У И. И. Срезневского в «Материалах для словаря

древнерусского языка» есть упоминание еще об одной записи из более раннего хронографа — «...*Гиганте то суть Волотове десяти сажень вверх...*» [11].

Очевидно, славяне-колонисты выражали словами «чудь», «волот» и «пан» общее понятие, обозначающее чужие этнические группы аборигенов-инородцев, с которыми им приходилось сталкиваться в ходе своего колониционного продвижения.

Как уже упоминалось выше, волоты в легендах всегда изображались очень сильными и необычайно высокого роста, а чудь довольно часто описывалась, как «белоглазое» (или одноглазое) племя низкорослых людей. В Вологодском крае рассказывают, что чудь заживо себя погребла, чтобы избавиться от крещения, а в Вятке бытует поверье, что чудь ушла в землю, и в определенные дни по ней устраивают поминки [7].

Такое разнообразие в описании аборигенов можно объяснить тем, что это — явление одного типологического ряда. И то, и другое обусловлено определенными мифологическими воззрениями пришельцев на коренных обитателей, а так же неосознаваемой потребностью отчуждения первыми последних [Криничная 1989]. В качестве жилища души покровителя, почти всегда используется камень [Тайлор 1989]. Можно предполагать, что в образе великанов-богатырей и карликов в народном сознании отложился характер процесса колонизации земель. Если аборигены изображены могущественными великанами, представляющими угрозу для пришельцев-можно предположить, что колонизаторы столкнулись с активным сопротивлением со стороны коренного населения. Мы предполагаем, что большие — «взрослые», почти гигантские следы на священных камнях, изображались именно в этих ситуациях.

В случае, если аборигены представлены как маленькие, слабые (или неполноценные), хотя и многочисленные племена, велика вероятность, что процесс освоения шел довольно гладко и пришлые племена не встретили здесь особых препятствий. В этих случаях след на камне будет выглядеть как очень маленький, «детский».

«Плохие» и «хорошие» камни могут являться своеобразными памятниками «своим» и «чужим» предкам — покровителям. В этнографии широко известен тот факт что предки — покровители одного поселения, которые посылали своим жителям многочисленные блага, могли выступать в качестве злой силы по отношению к иноплеменни-

кам. Можно найти объяснение тому, почему что на одних валунах выбивается только правая стопа (реже — ладонь), а на других — левая. Устное народное творчество донесло до нас предания о богатырях, как о мужчинах, так и о женщинах. Если вспомнить прием бинарной оппозиции, в котором строго разделяется правая и левая сторона, как мужская и женская принадлежность, то станет ясно, что камни с непарными изображениями следов могли принадлежать конкретным мужским и ли женским божествам.

Мотив оставления аборигенами «следов» своего пребывания в данной местности — очень популярен. В качестве основного «памятного знака» чаще всего используются предания о местах захоронения аборигенов-великанов. По легендам, места эти обладают сверхъестественной силой. На них могут зажигаться огоньки, возникать видения, от камней, лежащих на этих могилах, излечиваются люди. В качестве неперменного атрибута используются предания, что под этими камнями зарыты клады, т. п. «чудь в землю ушла», унося при этом свои несметные богатства.

Судя по преданиям, эти погребения, с одной стороны, вызывают страх у живущего здесь населения, а с другой — становятся объектом культового поклонения у местных жителей. Камень, лежащий на месте захоронения, становится священным камнем. В некоторых случаях священными становятся деревья или леса, растущие в районе расположения камей. Над захоронениями (которых могло и не быть на самом деле) сооружались церкви и часовни, которые в первую очередь возводились на местах древних языческих капищ.

На территории Верхней Волги до наших дней сохранились многие уникальные культовые камни и самые разнообразные формы поклонения им. В силу социально — экономических условий, деревни на Руси были однодворные, забиравшиеся в глухомань от ордынских наездов. Процесс христианизации в некоторых труднодоступных районах Верхневолжья шел очень медленно, что очевидно позволило, многим языческим культам существовать еще долгое время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Александров А.А.* О следах язычества на Псковщине // И. А. Вып. 175. 1983.
2. *Шорин М.В.* О цветовой символике в связи с интерпретацией культовых камней // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1989.

3. *Бараг Л.Г.* «Асілкі» Белорусских сказок и преданий // Русский фольклор, т. 8. М-Л., 1963.
4. *Альквист А.* О древних элементах культурной среды современной российской провинции // Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города. — Ярославль, 2004.
5. *Рыбаков В. А.* Язычество древних славян. —М., 1984. с.421—431.
6. *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903.
7. *Смирнов В.* Клады, паны, разбойники. Труды Костромского научного общества. Вып. 26 Кострома, 1919.
8. *Маланин И. Д.* Следовики // Памятники Отечества. 1989. № 1.
9. *Тайлор Э. В.* Первобытная культура. — М., 1989.
10. *Криничная Н. А.* Предания об аборигенах края //I Русский фольклор. XX. М. -Л., 1981.
11. *Средневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.1. Спб., 1893. с.295.
12. *Рогалева С. Б.* Семантика культовых камней в связи с распространением преданий об аборигенах края в Верхнем Поволжье. // Проблемы истории, культуры и природы Европейской России. — Нижний Новгород. 1992 г.
13. Легенды, предания, бывальщины — М., 1989, с.8.

К ВОПРОСУ О ПРАЩУРАХ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Носков А. А.

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы*

Проблема происхождения казачества одна из самых дискуссионных и ключевых в истории изучения казачества. На сегодняшний момент существует свыше двух десятков теорий о происхождении казачества (сюда входят как научные концепции, так и гипотезы, а также мифотворчество). Их условно можно разделить на «миграционные» и «автохтонные» концепции происхождения казачества. Многие исследователи, пытаясь ответить на вопрос об исторических предках казаков, пытаются либо утверждать, что это тюркские племена (их остатки), которые проживали на Диком поле, другие же полагают, что славянские племена, перебравшиеся сюда, чуть ли не во время великого переселения народов. При этом красной полосой по всей истории

изучения казачества проходит проблема «продления» казачьей истории. Это связано с различными моментами и со слабой теоретико-методологической базой некоторых исследователей «удревнителей», и с различного рода политико-конъюнктурными предпосылками. Хотелось бы остановиться на наиболее популярных теориях о происхождении казачества.

На современном этапе развития истории изучения казачества господствующими в общественном сознании и в научной литературе являются две полярные теории происхождения казачества. Так называемая «государственная» теория происхождения казачества некоторые исследователи именуют её как «казенную» (Яковенко И.), что видится мне не совсем научно, а скорее ангажировано в попытке популистской остроты. «Государственная» (или «бегло-холопская») теория происхождения казачества возводит казачество к вольнице беглецов из русских земель в Дикое Поле. Бежавшие от феодальной эксплуатации в степь «искатели воли» (в основном, крестьяне и холопы) и создали по мнению авторов этой теории (С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, М. К. Любавский) к середине XVI в. особую организацию — «казачество», постоянно подпитываемую новыми потоками переселенцев из Центральной и Западной России. Данная точка зрения окончательно сформировалась в советское время, а также доминирует в представлениях большинства неказачьего населения. Безусловно, данная точка зрения, является, наиболее проработанной и опирается на большую источниковедческую базу, хотя и подвергается критике со стороны «радетелей правильной истории казачества». К примеру, как пишет В. П. Громов: «не принимается во внимание тот факт, что в русских летописях казачество упоминается гораздо раньше, чем в стране возникли феодальные и крепостнические отношения». Между тем сам В. П. Громов явно слабо представляет себе, разницу между единично употребляемыми упоминаниями о деятельности «казаков» в русских летописях и крупного исторического процесса происходившего на окраине Русского государства в XVI—XVII веках. Примыкает к официальной точке зрения взгляд на происхождения казаков С. Г. Сватикова и Н. А. Мининкова (в постсоветское время) объясняющих появление казачества как следствие политики «собираания уделов» Московским государством. Также близка к этим точкам зрения позиция Р. Г. Скрынникова: «казачество

возникло из слияния немногочисленных русских переселенцев с населением татарских станиц в степях».

Вторая теория, приверженцами которой являются, в первую очередь, некоторые представители «казачьей науки» и некоторые исследователи, не придерживающиеся первой точки зрения. При этом их можно разделить на научные гипотезы и на мифотворчество и близкие с ним. Образчиком ненаучности является, к примеру, «интеллектуальные потуги» В. П. Громова, который стремление «удревнить» казачью историю («этрусская» теория происхождения казачества Е. П. Савельева) объясняет любовью к казачеству и гордостью за него. Уходит сам не далеко всего на тысячу лет и бездоказательно, то есть, не ссылаясь ни на какие источники утверждает: «Сегодня, несомненно одно, что казачество сформировалось на славянской, православной основе в IV—V веках нашей эры во время так называемого переселения народов-процесс в который были вовлечены германские, тюркские и славянские племена... Где-то к VII веку относится принятие христианства казаками, задолго до официального крещения Руси. В последствии присутствие славянского населения на этих территориях обусловило создание Тмутараканского княжества». Подобной позиции придерживаются большая часть современных историков-писателей, к примеру, А. А. Плеханов, который пишет: «Название казаки хорошо известно ещё до появления монголов. В X веке это были бродники ... Начиная с XI века территория границы Русского государства стала заселяться племенами черкес и касогов, тюркские племена торков и берендеев, среди них одно из племён называлось казаки. После XIII столетия все эти племена назывались уже казачьими».

Возрождение казачества, вспышка интереса к нетрадиционным подходам в изучении этнической истории придали упомянутой теории идеологическую функцию, сделав ее знаменем наиболее радикальных ревнителей национальной исключительности казаков.

Теперь упомянем несколько теории о происхождении казачества, которые могут с некоторой долей условности рассматриваться, как историографические факты в истории изучения казачества. Так, к примеру «Бродницкая» теория происхождения казаков (В. В. Голубовский, В. В. Мавродин, Н. М. Волынкин, В. Е. Шамбаров), «новгородская» версия происхождения казачества (А. А. Широкоград), тюркско-татарская (Г. Штёкль), черкесская версии происхождения казачества

(В. Н. Татищев), мещанская (Н. И. Костомаров). «Казак — Мосхи» (П. П. Сахаров). Гипотеза «казак — отдельный восточнославянский народ» (И. Ф. Быкадоров). «Половецкая» версия М. Аджиева, близки к этой позиции Л. Н. Гумилёв и И. Яковенко, так Л. Н. Гумилев неоднократно подчеркивал происхождение терских казаков от хазар-христиан, а в целом возводит казачество к крестившимся половцам, а И. Яковенко убежден в том, что казачество возникло в результате половецко-русского смешения при явном доминировании половецкого субстрата.

Одна из самых «ходовых» точек зрения (судя по тиражам) эта точка зрения А. А. Гордеева. Он возводит происхождение казачества к взятой Золотой Ордой с покоренной Руси «дани кровью» — «тамги». Забираемые в Орду русские юноши использовались для охраны степных границ и несения ямской службы, воспринимая уже готовые формы военной и общественной организации степняков (монголов и половцев).

Рассматривая различные точки зрения на происхождения казачества, невольно приходишь к выводу, что все они подчеркивают своеобразие казачества, которое предполагает влияние различных полиэтнических групп на формирование казачества, что обусловило его специфику в культурно-бытовом укладе. Безусловно, следует, прежде всего, говорить о крупном историческом процессе, который происходил в XVI—XVII вв. в котором помимо беглого русского населения принимали участие и соседние народы, это влияние чётко прослеживается в традиционном жизненном укладе казачества.

Рассмотрев множество различных теорий о происхождении казачества и на те факты, на которые они опираются, приходишь к выводу, что большая часть данных теорий страдает слабой научной и источниковедческой базой. Отвечая на вопрос о прашурах (предках) казаков, я придерживаюсь следующей позиции. Безусловно, на этой территории до заселения её беглыми крестьянами проживали тюркские племена. Но многие из них уже пережили пик своего расцвета и к концу XV века они пребывали в очень тяжёлом положении, что позволило, постепенно, достаточно легко ассимилироваться на этой территории и создавать кратковременные «бандитские шайки» (ватаги), а в последствии объединялись в станицы, юрты и Войска. При этом учитывался тот факт, что большинство обитавших людей на Диком поле были изгоями в своих сообществах, ко-

торые находились на различном социально-экономическом уровне, а также разного этнического происхождения. И они использовали те социально-политические институты, которые им были известны, вне зависимости от уровня их социумов, а именно тому, который при-мыкали к общинно-первобытному строю, т. е. принципу военной демократии.

В любом случае достаточно чётко прослеживаются влияние полиэтничности (на фоне преобладания славянского фактора сильно влияние тюркских народов и финно-угорских) и поликонфессиональности (на фоне преобладания православия (в виде никонианства) сильно влияние язычества, старообрядчества, мусульманство и даже сектантства).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Аджиев М.* Полынь половецкого поля. Любое издание.
2. *Быкадоров И. Ф.* История казачества. Прага. 1930. Т.1.
3. *Волынкин Н. М.* Предшественники казачества — бродники. // Вестник ЛГУ. 1949. № 8.
4. *Гордеев А. А.* История казаков. М., 2006.
5. *Громов В. П.* Казачество в истории России: формирование, расцвет, культурно-этнические процессы // krasnodarkrai.ru
6. *Гумилёв Л. Н.* От Руси к России. Любое издание.
7. *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, РГУ. 1998.
8. *Никитин Н.И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI- середина XVII века. // История СССР. 1986. № 4.
9. *Носков А. А.* Влияние полиэтничности и поликонфессиональности на повседневную жизнь казачества. // Изучение повседневности в отечественной и зарубежной исторической науке. Уфа, БГПУ, 2007. С. 75—80.
10. *Носков А. А.* Мифы и реальность наукообразности в изучении истории казачества. // Вестник П У. Уфа, 2007. № 1. С. 68—74.
11. *Плеханов А.А., Плеханов А. М.* Казачество на рубежах Отечества. М., Кучково поле, 2007.
12. *Проништейн П.А., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVII — XVIII веков и донское казачество. Ростов-на-Дону, РГУ. 1983.
13. *Савельев Е. П.* Древняя история казачества. М., Вече, 2007.
14. *Скрынников Р. Г.* История Российского государства IX — I I. Спб., СПбГ У. Наука, 2007.
15. *Широкопад А. А.* Казачество в Великой Смуте. М., Язуз. 2007.

16. Яковенко И. Подвижен, отчаян и храбр. // Родина, 1995. № 10.
17. Stokl G. Die Entstehung des Kosakentums. Munchen, 1953.

ВОЛГА И УШКУЙНИКИ. КОЛЫБЕЛЬ РЕЧНОГО РАЗБОЯ

Дутов Н.В.

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского*

Волга — это великий торговый путь из «варяг в арабы», который был известен с глубокой древности. Но как всякая большая дорога, связанная с перемещением большого количества товаров она притягивала к себе и лиц, стремящихся поживиться за чужой счет, то есть разбойный элемент. В древности, они получили наименование ушкуйников, от своего небольшого гребного судна — ушкуя. Именно они и служили основным средством передвижения и неожиданных нападений на избранный объект. Кстати, вплоть до XVIII века, в говорах архангельских поморов встречалось слово «ошкуй», которым они обозначали самого страшного в тех местах зверя — белого медведя. Можно с большой долей уверенности утверждать, что это слово имеет отношение к ушкуйникам — как наиболее опасному в древности виду разбойников, встречу с которым и сравнивали со встречей с белым медведем. Отряды ушкуйников отличались исключительной мобильностью в передвижении и, как правило, неожиданностью своих нападений. В то же время из-за легкости своих судов, они могли взять их на плечи и, таким образом, быстро ретироваться, встретив достойный отпор. Пробежав несколько километров с этим, сравнительно небольшим грузом, они садились в свои суда на ближайшем ручье или речке, и, таким образом уходили от погони.

Ушкуйники никогда не собирались в большие отряды, но в случае необходимости успешно воевали, объединившись между собой не только с русскими князьями, но, позднее, и с татарами. В финансировании ушкуйничества принимало активное участие и новгородское купечество. По его заказу «речные разбойники» (как называли ушкуйников летописи), производили поиск новых земель и торговых путей. Именно они являлись главной силой в колонизации новых зе-

мель для новгородского купечества. Использовались ушкуйники для охраны новгородских факторий, особенно во вновь освоенных территориях. Большое значение в деятельности ушкуйников имела борьба с «конкурентами» Новгорода в торговле. Верхнее Поволжье как раз и являлось тем местом, где пересекались интересы Новгорода и Ростова, в целом Северо-Восточной Руси, а, следовательно, и наш край. Он постоянно испытывал нападения ушкуйников.

Ушкуйники были практически неуловимы благодаря своей тактике. Часто они действовали под личиной купцов, и нападали только в том случае, когда были уверены в перевесе сил на данной территории, и всегда неожиданно. Их социальный состав был разнообразен. В отряды ушкуйников входили и купцы и другие категории населения, но их основную массу составляли преступные элементы, проще говоря, разбойники, которых всегда было много на всех торговых путях, особенно на Волге. Правда, новгородские летописи называли ушкуйников «молодечеством», деятельность которых в основном сводилась к активному разбою на торговых путях (водных и волоках), в том числе и в крупных масштабах. Воевали ушкуйники только за деньги, но отличались и большим своеволием. По малейшему поводу они могли предать своего нанимателя, и перейти на сторону его противника, если тот заплатит больше. Известно, что на контролируемых территориях ушкуйники строили свои крепости — остроги, которые служили местом постоянного беспокойства для русских князей, вынужденных брать их с боем, или нанимать другую группу ушкуйников. Как свидетельствуют летописи, такие остроги ушкуйников были первыми «форпостами» новгородской колонизации русского Севера и Верхней Волги. Именно таким форпостом был легендарный Чувиль в нагорной части города Плеса на Волге. На основе археологических раскопок был сделан вывод, что древний Чувиль был центром довольно обширной местности. Само название Чувиль (птица, пташка, свистулька) происходит, по-видимому, от большого количества птиц, оглашавших своим пением окрестные леса, овраги, долины. Поэтому и местность называлась «птичьим царством», что на северном наречии выражалось словом «чувиль». Он просуществовал, предположительно, около четырех веков и занимал срединное положение по отношению к таким городам как Ростов, Ярославль, Галич, Чухлома и другим.

В своем своеволии «ушкуйники» переходили все пределы. Так, именно в Плесе они осуществляли очень жесткий контроль над передвижением караванов купеческих судов по Верхней Волге, проводя их только им известным фарватером. Их беспредел, говоря современным языком, выразился, в частности, в захвате, по новгородскому заказу (то есть на деньги новгородских купцов), территории современной Вятки, которую они активно освоили, основав здесь город Хлынов. На его базе они даже создали независимое государство, которое сам Новгород со своими наемниками не мог покорить в течение длительного времени.

Образ жизни ушкуйников, а так же характерные для них действия дают основания предположить их происхождение от наемников-варягов VIII—IX веков. Сам термин «ушкуйники» впервые упоминается в русских летописях в 1147 году, когда идет речь об их походе по Волге. Хотя, и не без оснований, можно предположить, что такого рода походы были и раньше. Иллюстрацией этому, кстати, может служить и легенда об основании Ярославля князем Ярославом Мудрым, как теперь принято считать около 1010 года. В ней, как известно, говорится, что князь отправился с дружиной воевать с разбойниками, которые грабили купеческие караваны. Здесь необходимо напомнить, что транзитная и внутренняя торговля была чрезвычайно выгодным для князей делом. Все купцы, пересекая границы того или иного княжества, платили одну пятую часть объявленной стоимости товара (пятину), что значительно обогащало княжескую казну. При этом сам князь должен был лишь обеспечивать безопасность торговых путей на территориях своего княжества, или на его границах с другими землями. Именно потери от несостоявшихся торговых операций и заставляли князей тщательно оберегать эти пути. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Ярослав, в ответ на жалобы купцов о грабеже их товаров, немедленно принял меры и разгромил речных разбойников-ушкуйников, и, следуя «Сказанию о построении града Ярославля», основал здесь город — крепость для обеспечения безопасности прохода судов по Волге и Которосли к своей столице — Ростову. Кстати, в предании ушкуйников называют «язычниками», хотя и не говорится об их социальной или племенной принадлежности.

В 1149 году, зимой Ярославль подвергся нападению киевских и новгородских дружин, где, как обычно, участвовали и наёмники из «вольницы». Новгородцы разорили окрестности Ярославля, но сам

город захватить не смогли. Но уже летом Юрий Долгорукий, великий князь Владимирский, отомстил своим племянникам за их зимний разбой.

Войны с ушкуйниками не были столь кровопролитными как обычные с соседними князьями и их дружинами, но носили, как правило, затяжной, изматывающий характер. Но иногда, объединившись, они предпринимали и крупные военные действия. Так, например, кроме открытых войн с удельными князьями, они, профинансированные Новгородом, объединились в сравнительно большое войско и в 1366 году сожгли столицу Золотой Орды — Сарай.

Население Ростово-Суздальской земли, под влиянием разорительных для него татарских набегов, уходило подальше к северу, за Волгу. С рек Шексны и Костромы пришельцы передвигались на реку Сухону и, следуя по ее течению, выходили на Северную Двину. Встретив здесь для дальнейшего движения на север преграду в новгородской колонизации, ростово-суздальские колонисты направлялись на реку Молому и таким образом добирались до среднего течения реки Волги — до районов, заселенных удмуртами, где и поселялись. Ряд названий древнейших русских населенных пунктов и речек около Вятки связывают Вятский край с Ростово-Суздальской областью, где имелись в то время такие же географические наименования.

С началом собирания русских земель роль и функции ушкуйников изменяются. Они превращаются в летописях в «охочих людей», которые постепенно прибирались к рукам московскими князьями. За определенную плату они осуществляли «пограничную стражу», особенно со степной полосы, где существовала постоянная гроза вторжения кочевников. Со временем, охочие люди превратились в казаков, которые так же отличались своей вольницей. Примером того могут служить казаки отряда Ермака, которые «тревожили» земли контролируемые Строгановыми, и были приняты последними к себе на службу — осваивать (захватывать) новые земли в Сибири. А руководил ими хорошо известный Ермак.

Часто ушкуи украшались головами медведей. Так, в новгородской былине в описании корабля Соловья Будимировича сказано: «На том было соколе-корабле два медведя белым и заморские».

В 1453 году московский князь Иван Васильевич путешествовал на ушкуях по Волге от Вязовых гор до Нижнего Новгорода. Последнее упоминание об ушкуях содержится в Псковской летописи под

1473 годом. В летописях ушкуи считались более крупными судами, чем лады.

Обычно ушкуи строились из сосны. Киль ушкуя вытесывался из одного ствола и представлял собой брус, поверх которого накладывалась широкая доска, служившая основанием для поясов наружной обшивки. Она скреплялась с килем деревянными нагелями, концы которых расклинивались. Штевни были прямыми и устанавливались вертикально или с небольшим уклоном наружу, причем форштевень был выше ахтерштевня. Штевни соединялись с килем клинцами, которые вырезались из ствола дерева с отходящей под углом толстой ветвью. С наружной обшивкой и первыми шпангоутами штевни соединялись горизонтальными клинцами, причем верхняя кница одновременно служила опорой для палубного настила, а нижняя размещалась на уровне ватерлинии или чуть выше. Шпангоуты состояли из двух-трех «штук» (деталей) — толстых веток естественной погибы, стесанных по поверхности прилегания к обшивке, со слегка снятой кромкой на противоположной стороне. В средней части судна шпангоуты состояли из трех частей, а в оконечностях — из двух.

Речной ушкой не имел палубы. На внутреннюю обшивку ушкуя опирались 6 или 8 банок для гребцов. Благодаря малой осадке (около 0,5 м.) и большого соотношения длины и ширины (5:1), ушкой обладал сравнительно большой скоростью. Как морские, так и речные ушкуи несли единственную съемную мачту в центральной части судна. На мачте был один косой или прямой парус. Навесных рулей ушкуи не имели, их заменяли кормовые рулевые весла.

Ушкуи использовались как военные и торговые суда. Но в историю они вошли как военные корабли новгородской вольницы — ушкуйников.

Можно ли представить, что добрые молодцы-ушкуйники повезли бы свою добычу в виде дани в Орду, наперегонки поползли бы к ханскому трону с доносами друг на друга, как делали те же нижегородские, московские, рязанские и другие князья.

В жилах ярославцев текла кровь славян и варягов, которым при Игоре и Олеге платил дань византийский император, а при Святославе покорила вся Волга и Каспий. И ушкуйники решили впредь не мелочиться с нищими норвежцами, а заставить платить дань... Золотую Орду. Логика проста — раз Орда такая большая — от Днепра до

Енисея, да еще и Золотой зовется, значит, у них должны быть деньги, и, видимо, немалые.

Первый крупный поход на татар ушкуйники предприняли в 1360 году. С боями прошли по Волге до Камского устья, а затем взяли штурмом большой татарский город Жукотин (Джукетау близ современного города Чистополя). Захватив несметные богатства, ушкуйники вернулись назад и начали «пропивать зипуны» в городе Костроме. Одним из руководителей этого похода был Анфал (Афанасий) Никитин, который происходил из знатного боярского рода, выдвинувшего в XIV веке из своих рядов многих новгородских посадников. В конце XIV века за попытку передать Двинскую землю под покровительство Москвы он был изгнан из Новгородского общества. Через некоторое время он был принят великим князем Василием Дмитриевичем и участвовал по его поручению в военных походах на Двинскую землю. В 1499 году он был захвачен татарами в плен, но по дороге в Орду сумел вырваться и вернуться на Русь. Впоследствии, как и все ушкуйники, сочетавшие купеческую торговлю с разбоем, он в качестве купца побывал в Индии, о чем подробно повествовал в своем «Хождении за три моря».

Хан Золотой Орды Хидырбек отправил послов к русским князьям с требованием выдачи ушкуйников. Перетрусившие князья (суздальский, нижегородский и ростовский) тайно подошли к Костроме и с помощью части ее жителей захватили ничего не подозревавших ушкуйников. Князья поспешили выдать ушкуйников на расправу хану. Страх перед татарами затмил князьям не только совесть, но и разум. Но такие вещи ушкуйники не спускали. Взяли они и сожгли Нижний Новгород, а Кострому — так стали грабить почти каждый раз, как проплывали мимо.

Но эти, так сказать, карательные меры не отвлекали ушкуйников от основной задачи — борьбы с Ордой.

В 1363 году ушкуйники во главе с воеводами Александром Абакуновичем и Степаном Лепой вышли к реке Оби. Здесь их рать разделилась — одна часть пошла воевать вниз по Оби до самого Ледовитого океана (Студеного моря), а другая пошла гулять по верховьям Оби на стыке границ Золотой Орды, Чагатайского Улуса и Китая. По масштабам их путешествия не уступят и Афанасию Никитину.

Вернувшись с добычей, ушкуйники не уgomонились. В 1366 г. они с тем же воеводой Александром Абакуновичем уже оперируют на

среднем течении Волги. «Ходили люди молодые на Волгу без нашего слова, но гостей (купцов) твоих не грабили, били только басурман». Бить басурман было дело житейское, а насчет своей непричастности бояре слукавили. Действительно, основную массу ушкуйников составляла голытьба и пришельцы снизу (Смоленск, Ярославль, Тверь), но в большинстве случаев ими руководили опытные новгородские воеводы Осип Варфоломеевич, Василий Федорович, тот же Абакунович и другие. Оружием и деньгами ушкуйников снабжали богатые купцы, причем не безвозмездно — вернувшись, ушкуйники щедро делились добычей.

Надо отметить, что ушкуйники имели первоклассное вооружение, и не стоит их представлять толпой крестьян в зипунах с топорами да рогатинами. Это были профессиональные бойцы, умело действовавшие как в пешем, так и в конном строю. Ушкуйники имели панцири, чаще всего кольчуги или байраны (боданы), были и композитные панцири (бахтерец), в которых в кольчужное плетение вплетались стальные пластины. Кстати, ушкуйникам противостояли не воины Чингисхана, не имевшие панцирей, а отборные ханские отряды в защитном вооружении. Ушкуйники имели также традиционный набор наступательного вооружения — копья, мечи, сабли; причем саблям отдавали предпочтение. Из метательного оружия были луки и арбалеты как носимые, так и стационарные (корабельные), стрелявшие тяжелыми стальными стрелами — болтами.

С 1360 по 1375 годы ушкуйники совершили восемь больших ходов на среднюю Волгу, не считая малых налетов.

В 1371 году, ушкуйники, активно поддерживаемые новгородцами враждуя с Великим князем Дмитрием Ивановичем (будущим Донским), завоевали Ярославль, уже вошедший в состав Московского княжества, и разграбили его.

В 1374 году ушкуйники в третий раз взяли город Болгар (недалеко от Казани), затем пошли вниз и взяли сам Сарай — столицу Золотой Орды.

В 1375 году ушкуйники на семидесяти лодках под началом ни свод Прокопа и Смолянина явились под Костромой. Московский воевода Александр Плещеев с пятью тысячами рати вышел им навстречу. У Прокопа было всего полторы тысячи ушкуйников, но он их разделил на две части: с одной вступил в бой с московской ратью, а другую отправил тайно в лес в засаду. Удар этой засады в тыл Плещееву

решил дело. Москвичи разбежались, а ушкуйники в очередной раз взяли Кострому. Отдохнув пару недель в Костроме, ушкуйники двинулись вниз по Волге. Уже по традиции они нанесли «визит» в города Болгара и Сарай-Берке. Причем правители Болгара, наученные горьким опытом, откупились большой данью, зато ханская столица Сарай-Берке была взята штурмом и разграблена.

Паника охватывала татар при одной вести о приближении ушкуйников. Отсутствие серьезного сопротивления и сказочная добыча вскружили головы ушкуйникам. Они двинулись еще дальше к Каспию. Когда ушкуйники подошли к устью Волги, их встретил хан Салгей, правивший Хазтороканью (Астраханью), и немедленно заплатил дань, затребованную Прокопом. Мало того, в честь ушкуйников хан устроил грандиозный пир. Захмелевшие ушкуйники совсем потеряли бдительность, и в разгар пира на них бросилась толпа вооруженных татар. Так погибли Прокоп, Смолянин и их дружина, лишь немногие удалыцы вернулись на Русь. Это было самое большое поражение ушкуйников. Но подробности этой трагедии скорее подчеркивают силу ушкуйников, чем их слабость. Татары даже не попытались одолеть их в открытом бою, Хазторокань была не первым, а очередным городом, где ханы с поклоном предлагали дань, чтобы их только оставили в покое.

Москва не столько по окрику из Орды, сколько по своей инициативе начала борьбу не на жизнь, а на смерть с ушкуйниками. Причем сладить с дружинами ушкуйников московским воеводам было не под силу, и они действовали в стиле современных рэкетиров. Устроят ушкуйники погром в Орде, а москвичи схватят во Владимирской Руси какого-нибудь боярина или богатого купца и требуют выкуп, а то и пойдут в новгородские земли грабить мирных жителей.

Вот, к примеру, в 1386 году Дмитрий Донской решил наказать Новгород за очередные походы ушкуйников на Волгу и Каму, а заодно пополнить свою казну, и пошел на Новгород войной. Большая рать подошла к Новгороду и стала грабить окрестности, «много было убытку новгородцам и монашескому чину, говорит летописец, — кроме того, великокняжеские ратники много волостей повоевали, у купцов много товару пограбили, много мужчин, женщин и детей отослали в Москву». Дело кончилось тем, что новгородцы выплатили Дмитрию 8 тысяч рублей, только чтобы он оставил их в покое.

Естественно, что такие бандитские меры резко уменьшали, по крайней мере, на время, активность ушкуйников.

Новгород погубила близорукость его бояр и богатых купцов-лучше откупиться, «пронесло сегодня — и ладно». Не поняли они простой истины, что если волк узнал дорогу в овчарню, то он не успокоится, пока не перетаскает всех ягнят. Чем платить очередные 8 тысяч Дмитрию, не проще ли было нанять германских или французских ландскнехтов, от одной вести, о приближении которых Дмитрий поехал бы по делам не в Кострому, как при Тохтамыше, а драпанул бы до Сарая, а то и до Астрахани. Причем 8 тысяч рублей — это был бы аванс ландскнехтам, а остальное они вместе с ушкуйниками получили бы в Москве. Но история, как говорится, не терпит сослагательно-го наклонения.

Между тем в начале 70-х годов XIV века опорным пунктом ушкуйников сделался Хлынов-крепость на реке Вятке. В 1374 году новгородцы построили город Хлынов. «Общей единъ градъ и замокъ крепкой» Хлынов становится центром всей «Вятской страны» — новгородской колонии, в которой новгородцы «начаша общежителъствовати, самовластвующее правыми и обладаеми своими жители, и нравы своя отеческия и законы и обычаи новгородския имяху на лета многа до обладания великих князей Российскихъ; и прозвашася вятчане реки ради Вятки». Высшая власть в Хлынове принадлежала вечу. В отличие от Новгорода и Пскова хлыновское вече никогда не приглашало к себе служилых князей. Для командования войском вече выбирало атаманов («ватманов»). Географическое положение Хлынова облегчало его жителям походы как в Предуралье и за Урал, так и на булгар и Золотую Орду.

«Малочисленный народ Вятки, — писал Карамзин, — управляемый законами демократии, сделался ужасен своими дерзкими разбоями, не щадя и самих единоплеменников, за то, что стяжал себе не особенно почетное название — хлынские воры» («хлыны» — шатуны, бродяги; «ушкуйники» — разбойники по В. И. Далю).

Надо ли говорить, что золотоордынские ханы мечтали стереть Хлынов с лица земли. В 1391 году по приказу хана Тохтамыша царевич Бекбут разорил вятские земли и осадил Хлынов. По уходу татар, новгородские ушкуйники вместе с устюжанами напали на принадлежавшие татарам булгарские города — Казань и Жукотин, и разорили их. Следствием этого стало новое нападение на Хлынов со стороны татар.

Посылаемых на Вятку с ратью московских воевод вятичи старались подкупить добрыми «поминками», давая в то же время крестное целование быть на всей воле московских князей, но это крестное целование им было нипочем: они не раз ему изменяли.

В 1436 был пленён предводитель 7-тысячного войска, последний ярославский князь Александр Фёдорович Брюхатый. И сделали это ушкуйники — вятчане числом 40 человек. Произошло это в устье реки Которосль, где молодой князь уединился со своей молодой женой, расположившись чуть в стороне от основного лагеря.

После победы в феодальной войне (1428—1453 годы) Василий II в 1457 году¹⁶ отправил против вятских феодальных автономистов свое войско. Московские полки осадили Хлынов, но взять его не смогли. В 1459 году Василий II вновь направил сюда большое войско, но опять безуспешно.

Окончательно покончить с Хлыновым Москве удалось лишь в 1489 году, когда Иван III двинул на Вятку 64-тысячное войско под началом воевод Данилы Щени и Григория Морозова. Были в войске и казанские татары под предводительством князя Урака. 16 августа московская сила появилась под Хлыноном. Сопротивляться было невозможно. Вятичи попробовали прибегнуть к прежнему средству — подкупить воевод и заискать их милость. С этой целью они выслали воеводам хорошие поминки. Воеводы эти поминки приняли, но дали лишь день отсрочки штурма города.

Уже после начала штурма вятичи вступили в переговоры о капитуляции. Это позволило бежать значительной части осажденных. По приказу Ивана III с Хлыновым поступили, как раньше с Новгородом: большая часть жителей была выселена в московские города, вместо них поселены столичные жители, а главных «крамольников» казнили.

1 сентября повезли пленное население Хлынова в московские пределы. Великий князь велел их расселить в Боровске, Алексине и Кременце, где им были даны усадьбы и земли, торговых же людей поселили в Дмитрове.

Часть вятичей была поселена даже в подмосковной слободе: нынешнее московское село Хлыново свидетельствует об этом поселении.

Так было покончено с одним из последних оплотов ушкуйников. Но спасшись из Хлыново, они обосновались на Волге. Торговые караваны попрежнему давали случай этой «вольнице» приобретать

«зипуны», а пограничные Москве городки служили местом сбыта добычи, в обмен на которую ушкуйники могли получать хлеб и порох.

Постепенно из «воровских» людей происходит становление такого же наименования казаков, выходцев в том числе и из речных разбойников. В XVI — XVII часто происходил переход отдельных групп казаков из одного состояния в другое, с одной территории — на другую. Так, например, с Волги — на Дон, Терек, Яик. В первой половине

XVIII века из выходцев с Волги возникло основное население Яицкого войска, переименованного в 1775 году в Уральское.

В окрестностях Ярославля и по Волге в XVIII веке «лихие люди» наводили страх. Вполне естественно поэтому было издание Сенатом указа в 1756 года, в нем городскому магистрату предписывалось принять должные меры, так как «число воровских партий на Волге постоянно увеличивается, разбойники грабят и разбивают суда и до смерти людей бьют, и не токмо партикулярных людей (мирных граждан), но и казенные деньги отбираются и с пушками, и с прочим не малым огненным оружием ездят». Все Поволжье было разделено на участки для охраны от речных разбойников. В частности, участком от Твери до Кинешмы заведовал особый, живший в Ярославле офицер.

В 1759 году ярославский городской магистрат получил предписание ярославского воеводы о борьбе с разъезжавшей в лодках около Ярославля шайке разбойников. В нем содержалось требование «прилежно присматривать и ловить эту шайку». Численность этой шайки определялась в «человек 30 и больше». Особо отмечалось, что шайка грабит не только окрестности Ярославля, в том числе и храмы, но и разбойничает в самом городе.

«Разбойничество представляло серьезную проблему на Волге и в более поздний период. Особенно это касалось участка между Тверью и Нижним Новгородом. Речные разбойники часто нападали на казенные и частные суда, не оставляя своим внимание и такие крупные города как Ярославль, Тверь и др. Это серьезно беспокоило местные губернские власти. Так, например, на рубеже XVIII — XIX веков костромской губернатор М. И. Кочетов организовал рейд лейтенанта Сорохтина с командой из 17 человек на вооруженном «одною пушкою и четырьмя фузеями горткоуте», которому была поставлена цель поймать речных разбойников, нападавших на казенные и частные суда между Ярославлем и Нижним Новгородом.

В XIV—XV веках московские летописцы пытались всячески очернить ушкуйников и вообще, называли разбойниками, крамольниками и т. д. А вот потом о деянии ушкуйников было велено просто забыть. Упоминаний о них нет ни в школьных, ни в университетских учебниках XIX–XX веков. Тот же С. М. Соловьев в своем огромном труде «История России с древнейших времен» отводит ушкуйникам лишь несколько абзацев и без всяких комментариев. Авторы множества романов о временах Дмитрия Донского, как, например, уже упоминавшиеся Ю. Лощиц, М. Каратаев, зло и оскорбительно отзываясь об ушкуйниках, мол, мешали генеральной и прогрессивной линии Ивана Калиты и его героического внука.

Итак, на Руси ушкуйники были забыты окончательно. Но их никогда не забывали татары. Другой вопрос, что при царе и большевиках писать об этом было нельзя. Но вот с 1991 года практически ни один труд татарских историков не обходится без проклятий по адресу ушкуйников. Татарские художники рисуют полотна, где изображают схватки их предков со злодеями-ушкуйниками. Таким образом, мы выяснили, что жители поволжских районов, в том числе Верхней Волги активно участвовали в борьбе, как между князьями, так и с ордой, они являли собой очень грозную силу, стремясь к независимости от кого бы то ни было, а особенно от захватчиков. Этим и объяснялось их постоянное стремление к свободе и независимости.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2004. т. 4
2. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 2005
3. Ярославль. История города в документах и материалах. Ярославль, 1990.
4. *Ермолаев В.* Плес — жемчужина Волги. Ярославль, 1978
5. *Барцевский И.* Исторический очерк города Ярославля // История губернского города Ярославля
6. История города Ярославля с древнейших времен до наших дней. Автор текста Хаиров А. Р. М. 1999
7. *Лупиков П. Н.* Исторический очерк Вятского края. Вятка, 1930
8. *Широкопад А. Б.* Русь и орда. М., 2004
9. *Эмаусский А. В.* Вятка в XII—XV веках // Энциклопедия земли Вятской. Киров 1995. Т. 4.
10. *Спаская Н. Л.* Прошлое Вятки с момента ее заселения русскими и до воцарения М. Ф. Романова. Вятка. 1913. С.41

11. Повесть о стране Вятской / подг. К изд. А. С. Верещагин // Труды Вятской архивной комиссии (ТВУАК). Вятка, 1905. Вып. 3., отд. 2

12. *Аверин И. А.* Казачество // Русские. Серия «Народы и культуры». М. Наука. 1997.

13. *Мифтахов З. З.* Курс лекций по истории татарского народа (1225—1552 гг.) Казань, 2002

14. *Халиков А. Х.* Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, Фэн, 1994 и др.

«ЭТОТ ДЕНЬ СЧИТАТЬ НЕПРИСУТСТВЕННЫМ...»

Дутов Н.В.

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского*

В течение четырех месяцев 1612 года Ярославль был временной столицей ярославских земель, освобожденных к тому времени от интервентов. Осенью 1611 года в Нижнем Новгороде начало формироваться ополчение Д. Пожарского и К. Минина. Его целью было освобождение Москвы от засевших там поляков и выбора нового царя. Здесь в феврале 1612 года был создан «Совет всея земли» — в противовес бездействующему подмосковному правительству.

В феврале было принято решение о походе ополчения на Москву через Ярославль. Кроме того, «воровские казаки» по приказу атамана Заруцкого решили использовать Ярославль в своих целях — не дать возможности ополчению окрепнуть и расширить свое влияние на замосковские территории. Но посланный вперед отряд молодого воеводы Д. Лопаты-Пожарского освободил город от казаков и посадил их в тюрьму. Жители города активно содействовали ополченцам, подтвердив верность общему делу.

Вскоре из Новгорода выступили основные силы ополчения — около 3 тысяч человек, которые на протяжении всего четырехсотверстного пути до Ярославля постоянно пополнялись новыми силами. В начале апреля ополчение радостно было встречено в Ярославле и расположилось станами (таборами) на берегах Волги и Которосли и у стен Спасского монастыря. Ярославль стал земской столицей, где продолжил свою работу «Совет всея земли», в который входили

представители высшего боярства и лучших посадских людей тех земель, которые активно поддерживали ополчение. Главными задачами его было не только формирование ополчения и управление землями, но и созыв большого Земского собора для выбора царя.

Из Ярославля назначались воеводы в свободные от интервентов земли, направлялись войска против казаков, нападавших на замосковские территории (Пошехонье, Углич, Переславль-Залесский и т. д.).

После разоблачения «псковского вора» Лжедмитрия 3, казаки приняли попытку соединиться с ополчением, встав во главе его. Но, помня о неудачах предыдущих ополчений, убийстве казаками П. Ляпунова — главы первого ополчения из-за борьбы за власть, Д. Пожарский отказался с ними сотрудничать.

Объединения казаков, боярства и земского (ярославского) ополчения пытался добиться и А. Палицын, келарь Троице-Сергиевого монастыря. Он хотел подчинить земства своему влиянию, имея в виду, по-видимому, впоследствии быть выбранным на патриаршество. Но его сомнительная роль при переговорах с поляками в Смоленске, закончившихся получением больших льгот Троицким монастырем — сохранение владений, сбор пошлин с Москвы и откупов-все это не внушало доверия монастырскому посланнику. В целом, церковь в лице приглашенного в Ярославль бывшего ростовского митрополита Кирилла не путала церковные дела с мирскими.

Ярославль стал местом, где ратники, собравшиеся со всех сторон русской земли, утвердились в мысли, что победа может быть достигнута только в том случае, если забота о родной земле, об общем благе, станет не только превышением собственных забот, но единственной и всепоглощающей.

В Ярославле К. Минин блистательно подтвердил свою репутацию опытного организатора — «бывалого человека», как говорил о нем Д. Пожарский. «Мало что себе в дому своем оставив», он очень жестко собирал «пятую деньгу» (20% всего имущества — движимого и недвижимого) со всех земель. Самый богатый купец, ярославский земский староста — Григорий Леонтьевич Никитников, ни в какую не хотел подчиняться Минину. Поддержали его и другие богатые ярославцы, входившие в «Совет всея земли» — С. Лыткин и Н. Светешников, так как они не могли выступить против Никитникова, слово которого в Ярославле было сами веским. Кроме того, Никитников дал на ополчение еще в Нижнем Новгороде 500 рублей, внесли свои

деньги Лыткины и Чистые. Эти вклады никак не отразились на имущественном состоянии купцов, не сократили их богатство, которое было огромным (Никитниковы после «смуты» соперничали богатством с самими Строгановыми — наиболее известные своим состоянием купцы русского государства).

К. Минин распорядился взять их под стражу и отвезти к Д. Пожарскому, предупредив об изъятии всего имущества. Эта суровость Минина заставила Никитникова и других купцов покориться «нижегородцу» и внести необходимые деньги. Сбор средств позволил «произвести верстание денежными и поместными окладами дворян и детей боярских, ранее не верстанных, давались поместья лицам ранее их не имевшим, назначались придачи за новые службы уже поверстанным, наконец, принимались по челобитьям потерпевших меры к возвращению старым владельцам поместий»...

В Ярославле действовали Разрядный, Поместный, Монастырский приказы, Казанский дворец, Новгородская четверть — практически правительство земли русской. Была налажена работа Денежного (Монетного) двора, где из серебра чеканили монету, которая использовалась на жалование ратным людям и в уплату за вооружение и доспехи. Ярославская монета чеканилась на имя царя Федора Ивановича (сына Ивана Грозного) и имела его изображение на оборотной стороне и с буквами «Яр» под всадником — на лицевой.

«Совет» имел свой герб — льва. Сделано это было для того, чтобы отмежеваться от самозванцев, имевших, как и прежние цари, гербом орла.

Из Ярославля во все уголки государства направлялись грамоты, призывавшие собирать ополчение, денежные средства, не медлить с выборами нового царя. Здесь же говорилось и об атамане Заруцком, стоявшем лагерем под Москвой, как убийце П. Ляпунова, казнокрада, присвоившем собранные на ополчение деньги. Этого лихой казацкий атаман снести не мог. В Ярославль были отправлены два «засланных» казака — Обрезка и Стенька. Сначала они хотели подговорить ополченцев из ближнего окружения Д. Пожарского, убить его, но не получилось. Тогда они сами сделали попытку убить Пожарского, в то время как Пожарский осматривал пушечный наряд, подготовленный для похода, но лишь ранили его охранника. На допросе Стенька выдал всех сообщников, которых потом отправили по городам в темницы, а главных — исполнителей — взяли впоследствии в поход на Москву на обличение (свидетельство предательства атамана Заруцкого).

В это время в город стекались большие массы населения, желавшего пополнить ряды защитников родины. Число ополченцев даже превышало количество жителей города. Войска были рассредоточены по трем местам — как правило, за пределами города (таборы — в районе современного Октябрьского моста, Михайловское поле — недалеко от церкви Михаила Архангела, в закоротосельной части недалеко от Московского проспекта) Но, несмотря на эти меры предосторожности, в мае 1612 года в городе и его окрестностях вспыхнула эпидемия. «Тесно стало в Ярославле, — рассказывает об этом историческое придание, — вследствие этого открылась в городе заразительная болезнь — моровая язва, жертвами которой были тысячи народа».

Уже с 15 мая эпидемия приняла ужасающие размеры. Мертвых не успевали хоронить по приходским кладбищам города и его окрестностях. Это создало реальную угрозу гибели не только населения города, но и формировавшемуся здесь ополчению. Население и члены ополчения стали спешно покидать его. Дворяне разъезжались по своим имениям. Ярославлю грозило запустение, а ополчению — полный распад и, как следствие, потеря возможности освобождения Москвы от поляков.

В это время руководители отрядов получили жесткий приказ Дмитрия Пожарского: заставы на дорогах не должны были выпускать кого бы то ни было из Ярославля. И в это время было решено совершить крестный ход в Толгский монастырь, принять здесь чудотворную икону Божьей Матери и крестным ходом обнести ее вокруг города. Объяснялось это просто: «тогда к отвращению подобного рода несчастий знали одно только средство-молитва».

В это время, по словам предания, протоиерею Успенского собора Иоанну было сонное видение, в котором повелено было ему вместе с другими иконами взять в крестный ход икону Спасителя, находившуюся в древней часовне близ деревянной церкви Афанасия и Кирилла. Но протоиерей не найдя на иконе ни особенного украшения, ни вообще чего-нибудь особенного, оставил ее без внимания. На следующий день повторилось то же сновидение, но уже с угрозой за пренебрежение и невнимание. На этот раз протоиерей уже не дерзнул ослушаться, и икона была взята, согласно преданию. Уже на Ильинской улице слепец, оказавшийся рядом с иконой, получил прозрение. После этого под звон колоколов вокруг земляного города был совершен крестный ход, в котором

приняли участие почти все жители города. Когда церковное шествие поравнялось с часовней, где прежде находилась икона Спасителя, тайная сила, как свидетельствует об этом городское предание, остановило несших чудный образ так, что никак они не могли сдвинуться с места.

В этом месте с благословения Ростовского митрополита Кирилла построена была обыденная церковь во имя нерукотворного образа Спасителя. Это было древней традицией на Руси, когда в чрезвычайных ситуациях и в случае крайней необходимости немедленно требовалось отвести губительную напасть. Ставили и освящали их в продолжение одного дня — обыдень — до захода солнца. Этим «действиями» еще нашими предками заповедовалось не рассеиваться по одиночке и не отчаиваться в горе — несчастье, тем более не предаваться пьяным разгулам и безумствам, не множить грехов, обратиться в нечувственный скот, а искать и обретать спасение в соборном (общем) благом деле, едином подвижничестве, слиянии помыслов и устремлений. В это время люди пытались вместо страха показать твердость, вместо покорности — волю, вместо обреченности — надежду. Опять же по традиции, как и перед кровавой смертной сечей, люди облачались в чистую одежду.

Непременным было блюсти чистоту во всем. Даже храм воздвигался из чистого, только что сваленного леса. За день была водружена главка с крестом и началось посвящение ладного храма — Спаса обыденного. Произошло это 24 мая 1612 года. И дивомор в Ярославле прекратился. Этому способствовали, конечно, и меры ополченских начальников, обязавших ратников повсеместно заботиться о чистоте и порядке, а также жесткие запреты по ограничению передвижения.

Однако обыденный храм просуществовал недолго — через два года сгорел, а образ Спасителя, по словам предания, был найден в пепле сгоревшего храма нисколько не поврежденным. Выстроенная церковь сгорела во время большого пожара 1658 года, опустошившего большую часть Ярославля. Но образ и здесь остался невредим. Вновь возведенная деревянная церковь через 25 лет сделалась жертвой огня, но образ сохранился.

В 1696 году при земском старосте Мякушкине, священнике — Коне Акинфиеве и церковном старосте Кирилле Гнеушеве ярославцы воздвигнули на месте сгоревших деревянных храмов Двухэтажный

каменный храм. Он был освящен в 1705 году самим святителем Дмитрием Ростовским.

Чудотворная икона Нерукотворного Спаса была особенно почитаема ярославцами. Современники отмечали, что «нет почти ни одного случая семейного, радостного или печального, при котором они не обращались к сему чудотворному образу с молитвою прощения и благодарения». Многие ярославские церкви в свои храмовые праздники принимали икону Спаса Нерукотворного. Порядок был при этом такой: накануне праздника горожане направлялись из своего храма с крестным ходом в Успенский собор, брали Толгскую святыню, когда та находилась в нем, а на обратном пути присоединяли к торжественному шествию образ Спаса. Эта икона ставилась также в определенные дни и в торговых рядах, и в домах горожан. Икона Нерукотворного Спаса становилась, таким образом, почти домашней, наиболее уважаемой иконой для ярославцев.

24 мая, в храмовый праздник, ежегодно из Спаса — Пробоинской церкви совершался крестный ход с наиболее чтимыми чудотворными иконами города — Нерукотворного Спаса, Толгской и Смоленской богоматери.

В 1867 году этот крестный ход был официально подтвержден в ответ на ходатайство горожан «в воспоминании этого дня (24 мая) ежегодно совершать крестный ход из Спаса — Пробоинского храма... кругом того места, который занимал Ярославль в 1612 году». Город Ярославль «занимал тогда с восточной стороны р. Волгою с южной — Которостию, с северной и западной — Земляным валом, который проходил от нынешнего Семеновского съезда (Красный спуск) до Власьевской башни и от сей последней к Углической до реки Которости». Вплоть до 1917 года этот крестный ход совершался по следующему маршруту: «по Волжской Набережной до Стрелецкого (Первомайского бульвара) оттуда по Стрелецкой улице (Ушинского) к Спасскому монастырю, а от монастыря берегом реки Которости к Спасо — Нагородской церкви, отсюда же по Пробойной линии на Ильинскую площадь и к местной церкви»

На протяжении всей своей истории Спасо — Пробоинская церковь была в Ярославле на особом положении. При ней не было никакого прихода, а значит и поступления средств от прихожан. Все средства на содержание храма и его причта поступали непосредственно от города и благотворителей. Поэтому во всех клировых ве-

домостях, других официальных документах, она всегда именовалась «Спасо — Пробоинской общественной ружной церковью». Поэтому нет ничего удивительного в том, что сама Городская Дума избирала церковного старосту в этот храм. Должность эта была не только почетной, но и ответственной, т. п. староста в случае нехватки средств у церкви, сам «за свой счет» решал вопросы финансирования прироста и благоустройства храма. Неоднократно эту должность занимал сам городской глава И. А. Вахромеев, а позднее с 1905 — его сын А. И. Вахромеев. Они и сами жертвовали большие средства на храм. Об этом также свидетельствует и тот факт, что один из лучших церковных хоров был именно при этом храме и не случайно назывался «вахромеевским». Этот хор привлекался на самые ответственные храмовые праздники, крестные ходы и заслужил признание и любовь ярославцев.

С 1911 года ярославцы начали готовиться к торжественной встрече 300-летия пребывания в Ярославле ополчения Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина. Губернское Земское собрание выделило для этого соответствующие средства. Городская общественность обратилась в правительство и к государю — императору с просьбой — сделать день 24 мая 1912 года праздничным.

И вот 23 мая 1913 года в местной печати появилось радостное сообщение: «Государь — император по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, 11 сего мая высочайше соизволил на объявление 24 мая сего года днем неприсутственным для Ярославля, по случаю празднования 300-летнего юбилея чудесного обретения Нерукотворного Образа Всемилоственного Спаса и спасения им жителей города Ярославля и дружины князя Пожарского в 1612 от моровой язвы».

24 мая Ярославль торжественно праздновал 300-летие обретения Образа Нерукотворного Спаса. Во всех церквях города были совершены праздничные богослужения. Но главное торжество проходило в Спасо — Пробоинской церкви. На торжествах в этом храме присутствовало только начальство, простых богомольцев пускали по пригласительным билетам.

Почти во всех учреждениях города, а также в учебных заведениях занятия не проводились. Не работали многие фабрики и заводы. На Карзинкинской фабрике (в наши дни комбинат «Красный Перекоп») и главных железнодорожных мастерских работы шли

своим порядком. Кроме трактиров и пивных «торговли все были закрыты, некоторые торговцы стали торговать после четырех часов дня».

Город с утра был украшен флагами. Некоторые улицы, по которым должен следовать крестный ход, подметены и политы, со всех улиц к месту торжества стекался народ. Трамваи к городу шли полные.

Перед Спасо — Пробоинской церковью и далее к Успенскому Кафедральному собору шпалерами выставлены войска. От угла Казенной палаты (Демидовский сквер) публику на площадь не пускали. Полиция спрашивала билеты. В крестном ходе участвовали до пятидесяти хоругвеносцев, в том числе и приехавшие из Нижнего Новгорода. В числе икон была и украшенная ландышами и розами икона Спасителя. Крестный ход от плаца направился вокруг земляного города. На торжественном молебне пел знаменитый в Ярославле хор Вахромеевых.

В шесть часов вечера на плацу, на особо устроенном помосте, перед принесенными из собора иконами прошла всемогущая. По направлению к Спасо — Пробоинской церкви были выставлены солдаты. В храм пускали только по билетам, т. е. было очень много народу. Народ толпился за рядами солдат и полиции и в Демидовском сквере.

В восемь часов вечера в зале губернского правления, хором Вахромеева были исполнены торжественные хоры и гимны. Здесь состоялось торжественное заседание ученой архивной комиссии, где присутствовали первые лица города и губернии: Татищев с супругой, Римский-Корсаков, Штюмер, член государственного совета Берендтс, член государственной думы князь Куракин, академик Соболевский А.И., профессор архивного института Цветаев.

24 мая — а это был четверг — весь Ярославль торжественно отмечал свой праздник. Юбилейные торжества праздновались во всех структурах — от администрации, учебных заведений до рабочих фабрик и заводов.

В воскресенье, 27 мая в местных газетах была опубликована телеграмма императора Николая II, находившегося в то время в Ливадии (Крым). «Сердечно благодарю за молитвы и выраженные мне чувства всех собравшихся в славном городе Ярославле для чествования 300-летней годовщины великого подвига русского народа. Твердо верю, что святые заветы древней православной Руси всегда останутся в живых сердцах наших и что дух князя Пожарского, Кузьмы Минина и их

славных сподвижников никогда не переведется нашей великой и родной России».

А теперь продолжим наше повествование о событиях в Ярославле весной-летом 1612 года. Еще в апреле в Ярославль пришло известие, что шведы почти беспрепятственно прибирали к рукам из-за недостатка сил исконно русские земли — тверские, вологодские, псковские. Новгородцы были согласны на занятие русского престола шведским королем. Перед ополчением встала угроза борьбы на два фронта. Поэтому Пожарский и Минин с «Советом всея земли» склонны были оттягивать решение этого вопроса, стремясь договориться со шведами по-мирному, всячески затягивая переговоры.

Новгородцам шведский принц казался надежным гарантом стабильности. В июле 1612 года в Ярославль они прибыли с престарелым дядей первого самозванца — Смирной Елизарьевичем Отрепьевым. Этим они хотели не допустить выборы «советом» нового царя, напоминая о незадавшемся расстригином правлении.

Во-второй половине июня 1612 года через Ярославль проезжал возвращавшийся с персидским посольством подданный австрийского императора Рудольфа II — Юсуф Грегорович. Он предложил призвать на московское царство брата императора — Максимилиана, утверждая, что это примирит Россию с Польшей. Пожарский отправил с ним послание императора, где вовсе не упоминалось о Максимилиане, но подробно описывались «злосчастия минувшего времени, случившиеся в России». Тем не менее, известно, что император, получив послание, отправил своего посла Сигизмунду — королю Польши, чтобы упросить его не разорять московское государство.

Дипломатические усилия Пожарского имели целью избавиться от любых сторонних помех, отвлекающих земскую рать от главного врага, что был в Москве, остановить распад государства и избрать на царство родовитого, признанного большинством народа соотечественника.

В начале июля 1612 года Пожарский «занедужил» (ополченцы поговаривали, что это сказались чары ворожей, наславших по наущению Заруцкого черный недуг). Это было не удивительно в период сильнейшего нервного напряжения. Однако он направил к Москве ертаульные (передовые) полки, которые прибыли туда 24 июля, с целью закрепиться между Тверскими и Покровскими воротами и поставить там острог (небольшую крепость). Казаки Заруцкого пытались

отбить ополченцев от Москвы, но потерпели поражение. После этого казачьи таборы (станы) начинают переходить на сторону земского ополчения. Сам Заруцкий с Мариной Мнишек и ее сыном Иваном отошли к Коломне и далее на юг.

28 июля, после торжественного молебна в Успенском соборе (находился на стрелке, там, где сейчас ведутся археологические раскопки), ополчение вышло из Ярославля. К этому времени его численность достигла 20000 человек. Сопровождала ополченцев икона Пречистой Богоматери Казанской — покровительницы России. Войско соблюдало строгий порядок, в голове его и по бокам находились конные дозоры. Всякий обоз (кошт) шел со своим полком. Были назначены головы (ответственные) чтобы не допускать заторов и суеты. Высланные вперед устроители готовили стоянки для ночевки и отдыха войску.

Первый ночлег был в 7 верстах от Ярославля на Крестовой горе. Войдя в Ростов, Пожарский и Минин посетили известного всей Руси старца-затворника Иринарха, пребывавшего в Борисоглебском монастыре. Силой духа вооружал он соплеменников против лиходейства, пагубы и растрепанности... Старец вручил Пожарскому поклонный крест и благословил на борьбу с врагом.

Не дав гетману Ходкевичу прорваться к Москве на помощь осажденным полякам, 26 октября ополчение освободило город, заставив поляков сдаться. Вместе с поляками из Кремля вышли думные бояре с главой боярской думы Ф. И. Мстиславским, за которым следовали активно потворствовавшие полякам в передачи им власти И. Романов, Ф. Шереметьев, И. Воротынский, Б. Лыков и старица Марфа с юным Михаилом — будущим первым государем России из рода Романовых...

3 февраля 1613 года Земский собор в Москве избрал на царство М. Романова и отправил посольство в Кострому, где тот жил с матерью в Ипатьевском монастыре. По пути из Костромы в Москву юный царь из-за весенней распутицы и блуждавших близ дорог банд поляков и казаков задержался в Ярославле на 26 дней, которые и провел в Спасском монастыре.

В 1997 году в честь пребывания и выхода ополчения из Ярославля была сооружена часовня, посвященная иконе Казанской Божьей Матери — символу победы над поляками. Она находится близ Спасского монастыря на Михайловом поле, где когда-то располагалось ополчение Минина и Пожарского. Все это свидетельствует, насколько

ко большое внимание уделялось Россией Ярославлю — городу, в котором происходила окончательная подготовка к освобождению Москвы и самому ставшему в этот период временной столицей русского государства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. 1000-летний Ярославль. Российские смуты: истоки, последствия, преодоление. Материалы «круглого стола» 15 апреля 2005 года. Ярославль, 2005
2. ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 86, 90 Л.
3. *Генкин Л. Б.* Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. Ярославль 1939 г.
4. *Головищиков К. Д.* История города Ярославля // История губернского города Ярославля. Ярославль, 2006
5. *Голос.* 1912. 23, 24, 25, 27 мая
6. История губернского города Ярославля / сборник. Составитель — А. М. Рутман. Ярославль, 2006
7. *Каргалов В. В.* Русские воеводы XVI-XVII веков. Москва, 2005
8. *Любомудров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939
9. Минин и Пожарский — спасители Отечества. Исторические повествования // автор-составитель Шамшурин В.А. М. 1997
10. *Морозова Л. Е.* Россия на пути из смуты. Москва, 2005
11. О начале войн и смут в Московии // Исаак Масса. Пётр Петрей. Москва, 1997 (История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII—XX веков)
12. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве в XVI—XVII веках (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время). Москва, 1994
13. Русская смута начала XVII в: от противостояния к единению / сборник материалов межрегиональной научной конференции (Ярославль, 26 июня 2007 г.) под ред. проф. Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2007
14. *Рутман Т. А.* Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005
15. *Шаброва О. Г., Шабасова О. И.* Ярославль в XVII веке. Учебное пособие. Ярославль, 1999
16. Энциклопедический словарь Российской жизни и истории. М., 2003
17. Ярославль: история города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года / под ред. д-ра ист. наук А. М. Пономарёва. Ярославль, 1990
18. Ярославль-городок Москвы уголок. Ярославль, б.г.
19. Ярославский край. Сборник документов (XI в. — 1917 г.) Ярославль, 1972

«ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО».

К вопросу о судьбе верхневолжских общин старообрядцев-капитонов в конце XVII — начале XVIII вв

Бородин А. В.

*Российский государственный гуманитарный университет
филиал в г. Ярославле*

Церковный раскол XVII века продолжает привлекать самое пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей. Подобное положение дел вполне объяснимо. Актуальность изучения события произошедшего несколько столетий назад чрезвычайно высока. Однако, несмотря на многократное обращение специалистов к событиям второй половины «бунташного» столетия приходится констатировать наличие обширного комплекса не исследованной проблематики.

В этой связи особый интерес для исследователей представляет деятельность русского правительства и патриаршей церкви по созданию особого «правильного» представления о расколе и движении старообрядцев в частности. В ряде случаев, возможно, констатировать планомерно ведущуюся «информационную войну» целью, которой является создание определенного мифа (штампа) о причинах, ходе, лидерах и участниках движения ревнителем древнего благочестия.

В результате подобного мифотворчества в России культивируется особое отношение к старообрядцам как к религиозным фанатикам, смыслом жизни которых является не сохранение в чистоте веры предков, а противодействие властям и ярко выраженное асоциальное поведение свойственное темному, деклассированному элементу. С этой целью причины возникновения старообрядчества упрощаются, лидеры общин дискредитируются, численность участников занижается, существующий культ, в недавнем прошлом бывший обязательным в Московском государстве подвергается иронической критике. Кроме всего прочего, абсолютно сознательно, в тексты обличительных сочинений на старообрядцев инкорпорируются фрагменты, содержащие непроверенные сведения или явную дезинформацию. В результате реальные события «обогащаются» индивидуальными комментариями патриарших авторов, в результате чего на свет появляется абсолютно новая, удобная, версия произошедших событий и новые

религиозные объединения, которые для еще большего умаления получают «социально уменьшительные» окончания.

Целью настоящего исследования является изучение одного из мифологизмов русского раскола, не когда не существовавшего религиозного образования — «секты подрешетников» и ее создателя Подрешетника.

В качестве источников при написании данной работы были использованы сочинения авторов старообрядчества и патриаршей церкви, как опубликованные, так и хранящиеся в фондах архивных собраний. При необходимости, в тексте настоящей работы будут произведены необходимые ссылки и пояснения.

«Изучение» патриаршей церковью своих духовных оппонентов происходило на основе так называемых «сказок», которые во множестве и чаще всего охотно подавали приходские священнослужители. Они в свою очередь дублировались сведениями собственно лояльно настроенных мирян «доносами» или «челобитными». Сведения, которые таким образом переправлялись руководству, должны были представить более или менее полную картину происходящего на местах. Все материалы тщательно рассматривались и передавались далее по инстанции.

На их основе иерархи, следящие за духовной жизнью паствы на местах, отправляли свои «изветы» в епископаты регионов, а те в патриархат или с определенного времени параллельно в соответствующие канцелярии царя и патриарха. Чтобы привлечь к себе внимание приходские священники не сумевшие найти общий язык с паствой «живописали раскольников» столь, яркими, красками, что справедливо возникает предположение об их явном литературном даровании. Однако на этом этапе излишнее творчество не поощрялось, а вскрывшиеся факты злоупотреблений священников наказывались. Правительству была необходима по возможности объективная картина событий, так как ценность точной информации о вновь формирующихся общинах раскольников позволяла быстро их локализовать и по возможности ликвидировать. На основании вышеизложенных сведений в Москве (или в уездах) принимались решения о направлении на места стрелецких команд для проведения сыскных мероприятий.

Однако по мере развития событий, когда правительство осознает объективную невозможность уничтожения старообрядчества, меня-

ется не только механизм сбора информации, но и собственно подход к этому процессу. На смену четко отложенной системе оповещения приходит обильная, разрозненная информация из непроверенных и под час просто «странных» источников.

Даже столь авторитетный автор патриаршей церкви как Димитрий Ростовский вынужден прямо указывать на то, что использует информацию «самовидцев», «послухов», проходивших мимо монахов, лесных старцев и т. д. Таким образом прежняя система получения информации приходит в негодность, а новые источники информации, часто анонимные, не вызывают полного доверия.

О подобном положении дел первым категорически высказался П. И. Мельников. Он, не взирая на авторитетность труда Димитрия Ростовского, подверг жесткой критике «списки скитов» поданных автору. Достаточно упомянуть, что по «сказке» строителя Спасо-раевской пустыни Иосифа, весь современный раскол состоит из 20 «скитов» (течений), а по «сказке» Ярославского священника Петра Ермаилова и старца Борисоглебского монастыря Андроника из 15. Кроме констатации факта недостаточной компетентности руководства даже о примерном числе своих оппонентов в настоящее время не вызывает сомнений наличие нескольких редакций представленных Димитрию списков, что говорит о целенаправленной правке по созданию некой «третьей» компромиссной версии состояния современного автору раскола.

Авторы, не обладавшие историческим кругозором и литературными талантами Димитрия Ростовского, допускают в своих сочинениях целый ряд ошибок и прямых фальсификаций. В качестве примера достаточно привести хрестоматийный сегмент текста В. Флорова о причинах происхождения «самоубийственных смертей». Однако и у Димитрия наблюдается целый ряд досадных ошибок, например течение «капитонов», в его сочинении, упомянуто под тремя разными названиями в качестве самостоятельных образований. Ошибка Димитрия тиражировалась историками до середины минувшего столетия.

Нечто подобное происходит и с другим мифологизмом староверия — «подрешетниками». Совершенно не представляется возможным узнать, кому принадлежит честь введения в научный оборот «легенды о подрешетниках». Впервые это образование упомянуто в труде Димитрия Ростовского, однако, каноническая версия легенды

попавшая впоследствии практически во все сочинения посвященные дроблению русского старообрядчества была сформулирована в труде епископа Макария (Булгакова).

«Ученик Капитона поселянин Подрешетников не далеко от Костромы основал в пределах Кинешемских и Решемских раскольническое общество, называющееся по имени создателя своего подрешетниками». Димитрий Ростовский так же упоминает данное образование, но значительно осторожнее: «капитоны — они же подрешетники», следовательно, автор отождествляет оба названия. Помня об осторожности святого Димитрия, вполне логичным было бы предположить, что «подрешетники» позднее название тех же «капитонов», значит, некий поселянин, основавший общество уже выглядит несколько подозрительно. Вполне закономерным в этом случае представляется вопрос о принципиальном существовании этого нового ученика Капитона. Противоречие разрешается просто, ни какого Подрешетникова не существовало. В качестве аргументов в пользу подобного утверждения приведем следующие:

1) Макарий вводит свой исторический персонаж без ссылок на источник, откуда он почерпнул сам факт его существования, что уже подозрительно,

2) Все авторы признававшие существование Подрешетникова не могли найти подтверждений данному факту и были вынуждены ограничиться цитированием фрагмента, приведенного у Макария,

3) В старообрядческих поминальных статьях, синодиках, синодальных списках и других памятниках данного типа XVII—XX вв. поселянин Подрешетник не упомянут ни в статьях относящихся к пострадавшим в региональных сысках, ни в общих статьях поминаний умерших чего просто не может быть, учитывая его деятельность по основанию общин,

4) В известных исследователям правительственных актах по старообрядцам (опубликованных и архивных) он не упомянут ни как арестованный, ни как разыскиваемый вообще, следовательно, правительство он не интересует, что, весьма странно учитывая всю жесткость законодательства за «распространение раскола».

Все это позволяет выдвинуть предположение о не существовании Подрешетникова как реально жившего исторического персонажа. Однако вполне закономерным выглядит вопрос о причинах его появления на страницах исторической литературы.

Дело в том, что сам факт существования общин «подрешетников» позволяет прояснить судьбу одного из самых таинственных и оригинальных образований русского старообрядчества — «капитонов».

Основателем данного течения принято считать монаха Капитона Даниловского. Он прославился как строгий подвижник и аскет еще в начале XVII столетия. В созданных им монастырях и пустынях проповедовался принцип постоянного труда и само обеспечения. Ему принадлежит оригинальная эсхатологическая доктрина, которая в последствии станет общей для всего движения ревнителей древнего благочестия. Капитон предсказал наступление «последних времен», гонений на праведников и т. д. После разгрома правительственными стрельческими командами Вязниковского центра учения и смерти самого Капитона, созданное им учение более в сочинениях авторов патриаршей церкви как реально существующее не упоминается. До настоящего времени ряд исследователей считает Капитона Даниловского основателем и духовным отцом пути самоубийственных смертей.

В качестве одного из элементов учения «капитоны» объявили о невозможности вследствие прихода на землю антихриста исполнять в полном объеме святыя таинства. Вопрос этот в последствии будет широко обсуждаться в старообрядчестве. Подобная трактовка вопроса о благодати и святости обряда приводит «капитонов» к отказу от причастия. Однако обрывочные известия, содержащиеся у Макария, позволяют проследить финальную фазу догматической дискуссии у «капитонов».

В данном случае речь идет о так называемом «последнем причастии». Перед смертью, «капитоны», которых осторожный Димитрий Ростовский прямо отождествляет с мифическими «подрешетниками» принимают причастие виноградом, который выносится им в *«решете»* (курсив мой А.Б.). Таким образом «подрешетники» это часть общин «капитонов» локализованная в Костромском Поволжье и принявшие в силу наступления «последних времен» таинство причастия. Общины «капитонов» известны в регионе локализации «подрешетников» со середины XVII столетия. Правительственные сыски прервали их общение с единоверцами и поставили под вопрос сам факт их существования. Находясь в подобном положении «капитоны-подрешетники» принимая во внимание наступление последних времен причащаются изюмом, который выносится им в решете. Решето при обряде держится над головой принимающего причастие или

причащающего, символизируя тем самым отбор (отсев) истинных верующих от неверных. Подобная символика использования решета обычна и весьма характерна для верующих селян. Поэтому, упоминаемая мифического Подрешетникова (Подрешетника) Макарий всегда не забывает указать его происхождение — «поселянин», т. е. фактически сельский житель.

Таким образом, не имея ни малейшего представления о времени и причинах появления «капитонов-подрешетников» в регионе Костромского Поволжья, правительственные авторы попытались объяснить факт их существования используя прежнюю, привычную схему. С этой целью по страницам их сочинений отправился в путешествие новый вымышленный персонаж никогда не существовавший, но очень удобный для создателей новой «официальной» версии русского раскола. Поселянин Подрешетников становится собирательным образом русского раскольника. Его сельское происхождение, невысокий общественный статус, красноречивое отсутствие сведений об образовании, «простоватое учение» сами по себе позволяют говорить о странности и нелепости течения, к которому он принадлежит.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный Архив Ярославской Области. Редкий Фонд. Дело № 1434. Сборник старообрядческий. Л. 1—89-оборот.
2. *Бородкин А. В.* Персонификация Антихриста в русском расколе. //Ярославский педагогический вестник. № 1. С. 50—55.
3. *Бородкин А. В.* Антихрист в России. К вопросу о старообрядческой эсхатологии. /Тезисы докладов восьмой конференции молодых ученых П У. Ярославль, 2000. С.89—92.
4. *Гумилев Л.* От Руси к России. М., 2000.
5. *Димитрий Ростовский.* Розыск о расколнической Брынской вере о учении их и делах их. М., 1762. Листы: 33—34-оборот.
6. *Зеньковский С.* Русское старообрядчество. Духовные движения XVII века. М., 1999.
7. *Макарий.* История русского раскола известного под именем старообрядчества. СПб., 1855.С.243.
8. *Мельников П.И. (Андрей Печерский).* Письма о расколе. СПб., 1911. С.57—78.
9. *Румянцева В. С.* Народные антицерковные движения в России в XVII в. М., 1986.
10. *Флоров В.* Обличение на раскольников. М., 1737. Л.70.

О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ ЯРОСЛАВСКОЙ ТЮРЬМЫ

(на примере русского дореволюционного тюремоведения)

Коняев А. Е.

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского*

Ещё в середине 80-х гг. XIX в. «был усвоен прочно тезис о важности сохранения сведений о прошлом края, города, места, где историк рождён. Провинциальные авторы, начав с пересказов увиденного и услышанного, перешли затем к анкетам, но, не удовлетворившись ими, занялись собственными сочинениями». Так появилась русская провинциальная историография. Однако долгое время она оставалась непризнанной; «провинциальные опыты вызывали желание отодвинуться, дескать, «не наше». Ныне, под влиянием идей западной историографии нашего времени, сам термин «краеведение» всё чаще заменяется понятием «региональная история». Под ним подразумевается направление, равное по значимости «политэкономической» и «дипломатической» истории, которым в период господства марксизма отводился приоритет. Возрастают и требования: как к качеству «местного материала», так и к рамкам краеведческой работы. «В разработке» оказываются многие темы, ранее вовсе не затрагивавшиеся.

Одним из таких новых направлений в краеведении является история местных тюремных учреждений, «история которых сколь драматична, столь же богата, притягательна, а иногда просто невероятна». В её рамках автором этих строк разрабатывается концепция истории ярославских дореволюционных тюрем, образно названная «Экономическое чудо» за решёткой». Обращаясь к историографии проблемы, мы вынуждены отметить: *историография истории ярославской тюрьмы только начинает формироваться*. Целостных исследований практически нет; приходится искать *отдельные упоминания* о тюрь-

мах Ярославля указанного периода в литературе по тюремному вопросу *общего* характера.

Изучение истории российской тюрьмы до революции привлекало многих учёных: правоведов, историков, этнографов. Одним из первых был С. В. Максимов, выдающийся «бытописатель» (этнограф) 2-й половины XIX в. Он стал одним из тех, для кого «изучение народа стало уже не литературным аксессуаром, а действительной потребностью, внушаемой характером времени. Не по готовым печатным источникам, не из чужих рук изучал Максимов быт народный, а путём тесного сближения с народом, сам, входя в жизнь его и знакомясь со всеми мелочами её». Предприняв в 1855—1861 гг. ряд путешествий по России, этнограф создал цикл произведений, принесших ему заслуженную известность. Поэтому «на возвратном пути в Россию Максиму было поручено обозрение сибирских тюрем и быта ссыльных, но это расследование к опубликованию не было разрешено, а было издано Морским ведомством «секретно», под заглавием «Тюрьмы и ссыльные». Позже появились отдельные статьи Максимова по этому предмету, а затем и книга «Сибирь и каторга».

В ней учёный описывает картину практически полного неблагополучия российских тюрем. Арестанты содержатся в помещениях, напоминающих «гнилые сараи»; постоянно подвергаются поборам разного рода со стороны конвоиров и т. д. В ответ они объединяются в «арестантские общины» — закрытые сообщества, подчеркнуто дистанцирующиеся от тюремной администрации и её инициатив (в т. ч. «нравственному исправлению» заключённых), которые выполняются только в силу почти полной зависимости заключённых от их стражи. «Сибирь и каторга» ценна в первую очередь картинами арестантского быта, создаваемыми не только с высоким литературным мастерством, но и с высокой исторической достоверностью. Так, Максимов описывает проход арестантских этапов через города Европейской России и подчёркивает специфическую черту менталитета русского народа — странную любовь и сочувствие к преступникам. Выражается она в том, что «колодникам» охотно и большими суммами подают милостыню.

Виденное Максимовым в середине XIX в. было вполне актуально и для предреволюционной Империи. Так, в своей автобиографии Г. Я. Сокольников (известный большевик-экономист, а при царе — по-

литический арестант) писал о 1909 году: «Был переведен в Бутырскую тюрьму. До перевода в одиночку посылался на работы, вместе с уголовными подметал Долгоруковскую улицу и получал традиционные «копеечки» от добросердечных прохожих».

В 70-е гг. XIX в., в связи с преобразованиями в российской пенитенциарной системе, в России начинает стремительно развиваться новое направление научного исследования — тюрьмоведение: «совокупность теоретических, исторических и практических сведений об устройстве и управлении тюрьмами, а также о способах достижения целей наказания посредством лишения свободы». В рамках этого направления научного поиска отметим прежде всего труды профессоров Н. С. Таганцева и С. В. Познышева.

Выдающийся учёный-криминалист Н. С. Таганцев, доктор уголовного права, создал целый ряд научных трудов, издавал основные правовые акты Российской империи с разъяснениями и дополнениями из судебной практики, сам принимал участие в составлении этих актов. Одно из наиболее значительных произведений Таганцева — «Лекции по русскому уголовному праву» в 4 частях (окончены в 1892 г.). В этом труде «сосредоточено всё, что имеет прямую связь с учением о преступном деянии и наказании. Изложены все теории в их исторической последовательности; определения русского права разработаны с полной детальностью, как в историческом их развитии, так и сравнительно с определениями западных кодексов».

Особенно интересен нам раздел «Русская карательная система»: в нём исчерпывающе дана теория русского права, относящаяся к деятельности губернских и каторжных тюрем, исправительных арестантских отделений. «Лекции» Н. С. Таганцева дают нам некий правовой эталон, в сравнении с которым мы имеем возможность отчётливее видеть беззакония, творившиеся за стенами ярославской тюрьмы при построении там «экономического чуда» (данные об этом мы получаем в Государственном архиве Ярославской области).

Ещё более ценны в этом отношении «Очерки тюрьмоведения» профессора С. В. Познышева (первое издание — 1915 г.). Действуя с тех же методологических позиций, что и Н. С. Таганцев, Познышев, во-первых, более глубоко изучает вопросы русской тюремной практики; во-вторых, в его работе зафиксированы важные изменения русского уголовного права, имевшие место в начале XX в.

Главную задачу тюрьмоведения С. В. Познышев определяет так: «выяснить во всей их полноте те условия, при которых тюрьма, в настоящее время, будет в наибольшей степени достигать нравственного или юридического исправления арестантов, живя при этом по возможности на свой собственный счёт». Таким образом, Познышев определяет *главную цель* российского тюремного дела: найти, опираясь на практику, наиболее гармоничное сочетание эксплуатации арестантского труда (*экономический* аспект деятельности тюрем) и принципов законности в отношении заключённых (*социальный* аспект деятельности тюрем).

Сопоставляя выявленные Познышевым недостатки русской тюремной системы с положением в ярославских тюрьмах (по материалам ГАЯО), можем сделать вывод об *относительном благополучии* последних, и, вместе с тем, лишь о *материально-технической стороне* этого благополучия.

Нельзя не сказать о местном материале, а точнее — о его практически полном отсутствии. С учреждением в Ярославле Губернской тюремной инспекции, начали выходить ежегодные отчёты о её деятельности. Однако сегодня они практически недоступны. Несмотря на то, что в своё время эти материалы были опубликованы, в настоящее время они отсутствуют в библиотеках общего доступа. Некоторые ссылки на эти отчёты находим в исследованиях А. Н. Пичуева: этот краевед в настоящее время является кадровым сотрудником УИН по Ярославской области.

Косвенно об экономических успехах ярославской тюрьмы свидетельствуют материалы о прошедшей в 1903 г. в Ярославле «Выставке Северного края» — торгово-промышленной выставке, на которой были представлены достижения семи северо-западных губерний Российской империи. Были выпущены каталог выставки и фотоальбом. На фотографиях видим часть павильона «Изделия мест заключения Ярославской губернии» (одна из них недавно опубликована нами в популярном очерке), каталог же уточняет: в выставке приняло участие только Ярославское исправительное арестантское отделение, представившее «изделия мастерской, образцы слесарных, столярных работ, обёрточные пакеты, кульки, мешки из бумаги и холста». Это было единственное тюремное учреждение, принимавшее участие в выставке.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: история региональных тюрем является одной из сфер исследования, которые недав-

но попали «в разработку» историков. Соответственно, историографию этой сферы ещё только предстоит сформировать. В настоящее время имеется лишь возможность изучения литературы «общего» характера и выявление в ней критериев оценки деятельности региональных тюремных учреждений в сравнении с общероссийскими положениями. Таким образом, основное внимание краеведов, занимающихся историей местных тюрем, должно быть направлено на изучение источников по изучаемой проблеме.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Альбом выставки «Северного края» в Ярославле. Работа М. Н. Кривоногова. Б.м., б.г.;
2. *Быков П. В.* Сергей Васильевич Максимов. // В кн.: Максимов С. В. Сибирь и каторга. Т. I. СПб., б.г.;
3. *Галанишина Т. Г.* Владимирский централ. М., 2007;
4. Деятели СССР и революционного движения. Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1989;
5. Каталог выставки «Северного края». Указатель по отделам. Рыбинск, 1903;
6. *Коняев А.* Бизнес за решёткой. // Городские новости. 2007. 7 ноября. С. 14;
7. Лекции по русскому уголовному праву, читанные Н. С. Таганцевым. Часть общая. Выпуск IV. СПб., 1892;
8. *Максимов С. В.* Сибирь и каторга. Т. I. СПб., б.г.;
9. *Пичуев А. Н.* Временно-каторжная тюрьма «Коровники». // Путь в науку. Выпуск 10. Ярославль, 2005;
10. *Познышев С. В.* Очерки тюремоведения. Б.г., б.м.;
11. *Севастьянова А. А.* Рождение региональной истории и традиции в отечественной историографии. // Ярославская старина: Исторический журнал. Выпуск 2. Ярославль, 1995. С. 3—8;
12. Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Кн. 35. СПб., 1896;
13. Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Кн. 55. СПб., 1899;
14. Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Кн. 63. СПб., 1901;
15. Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Кн. 67. СПб., 1902.

Константин Федорович Некрасов, ярославский интеллигент, либерал, начавший карьеру земским деятелем и членом Первой Государственной Думы, в 1911 году был издателем демократической газеты «Голос», владельцем типографии, находившейся в Ярославле, и книгоиздательства, контора которого размещалась в Москве. Одним из издательских проектов Некрасова двумя годами позже стал журнал литературы и искусства «София», выходивший в Москве под редакцией П. П. Муратова. Обязанности секретаря редакции исполнял поэт и драматург, историк литературы П. С. Сухотин. Просвещенный предприниматель, наделенный художественным вкусом и чувством общественного долга, не лишенный к тому же финансовых возможностей, К. Ф. Некрасов привлек к сотрудничеству с издательством замечательных русских поэтов, писателей, исследователей искусства — словом, передовых деятелей культуры, каковым по праву можно считать и его самого.

Как издатель Некрасов вел обширную переписку. Одним из адресатов Некрасова был Валерий Яковлевич Брюсов. Уже знаменитый поэт, обладатель исключительных познаний в области отечественной и зарубежной литературы, признанный мэтр символизма, руководитель литературного «Кружка» и объединения «Эстетика», редактор московского журнала «Весы» и заведовавший литературным отделом «Русской мысли», Брюсов обладал редкостной работоспособностью. Своеобразно запечатлелись эти черты в письмах Брюсова к Некрасову. Сохранившиеся в Государственном ярославском архиве, сегодня они позволяют рассмотреть не только их «лица», а также важный этап совместной работы и «дружественных» отношений, но и увидеть в нем отражение времени, для которого было характерно, среди множества других ярких примет, отрицание границ культурных метрополий и провинции.

Сближению маститого писателя с К. Ф. Некрасовым, племянником Николая Алексеевича Некрасова, могло способствовать то, что Брюсов был поклонником поэта. К Брюсову Некрасов обратился с различными предложениями и просьбами едва ли не с момента от-

крытия книгоиздательства. Налаживанию их контакта служили первые письма, отправленные Валерием Брюсовым в сентябре и октябре 1911 года по адресу «Ярославль, Духовская 61». Личные отношения быстро стали «тесными», хотя сохранили деловую подоплеку. 28 декабря 1911 года Некрасов писал Брюсову: «Мне очень приятно, что вместе с новогодним приветом и самыми искренними пожеланиями могу послать ... книжечку, которая, я надеюсь, доставит Вам удовольствие: это прелестный «Ватек» Бекфорда». В. Я. Брюсов похвально отзывался о присланной книге, не отказывал в помощи и делал встречное предложение: «С величайшим удовольствием прочел еще раз «Ватека». ... Посылаю Вам с этим письмом только небольшой список некоторых произведений, особенно мне памятных. Постараюсь дополнить его в непродолжительном времени ... узнал, что Вы печатаете ряд выпусков «биографической библиотеки». Не издадите ли Вы в этой серии давно написанную мною биографию Каролины Павловой ... К. Павлова — поэт ... замечательный и, к сожалению, мало известный. Напомнить о ней и о ее поэзии русским читателям следует».

К письму был приложен впечатляющий список французских, английских, немецких, итальянских, испанских авторов с названиями их произведений, с замечаниями об уже имеющихся изданиях и переводах, с пометами и пояснениями, подсказками: «... Но кто переведет? (не Кузмин ли?)». А между тем оформлялся другой проект, который и был осуществлен в дальнейшем: «Наконец, можно составить сборник лирики XVIII в., так как переводы, и прекрасные, есть у Пушкина, Батюшкова, Баратынского, Козлова и мн. др.».

Список имел вид скорой рабочей записи. Развитию диалога способствовала желаемая встреча «дома». «Многоуважаемый Константин Федорович, буду очень рад видеть Вас у себя в четверг в час дня», — писал Брюсов 31 января 1912 года. А уже 13 марта уточнял в письме замысел — результат состоявшейся встречи, сдержанно обсуждал финансовые вопросы, в частности, касающиеся новых переводов и привлеченных к ним современных поэтов-переводчиков.

Сборник переводов «Французские лирики XVIII века» будет составлен Иоанной Матвеевной Брюсовой, женой поэта, под его редакцией и с его предисловием. В сборник войдут переводы из Вольтера, Бернара, Парни, Шенье, других известных и неизвестных русскому читателю поэтов. В предисловии, указывавшем на просветительскую

задачу предлагаемого издания, зазвучат и полемические нотки, обращенные к оппонентам, каковых у Брюсова было немало: «Можно различно оценивать французскую поэзию этой эпохи; несомненно одно: она оказала глубокое влияние на всю последующую литературу. Эта «легкая» поэзия была любимым чтением нескольких поколений; из нее вышел весь романтизм, частью усвоив себе, против желания, многие ее черты, частью — сознательно противопоставляя себя ей, отталкиваясь от нее. Не забудем еще, что именно на образцах французской поэзии XVIII века воспитывался Пушкин».

Успешно начавший новое дело Некрасов пытался расширить поле деятельности, ища поддержки и опираясь на авторитет расположенных к нему авторов, мнение знающих друзей. Весной 1912 года, задумав издание альманахов «Русский театр» и «Старые усадьбы», он написал об этом Брюсову, а осенью, после возвращения из Византии, вновь обращался в письме к завладевшей им идее: «Мой альманах о старых усадьбах почти созрел. М. А. Кузмин прислал стихи и рассказ. Ф. К. Сологуб пишет, что на днях пришлет мне рассказ «Барышня Лиза»; получил еще стихи от Гумилева. Может быть, летом Вы вспоминали об этом альманахе и написали 2—3 стихотворения. Я был бы рад и благодарен». Эта тема Брюсовым замалчивалась (да и издателем идея не была реализована).

В 1913 году важным звеном в общении Брюсова и Некрасова стали встречи. Переписку же с издателем в основном вела Иоанна Матвеевна. Уже 6 января она сообщила Некрасову, что «книга поэтов XVIII в.» ею закончена и будет послана в Ярославль, как только «Вал. Як.» напишет предисловие. Не ограничившись заверениями, корреспондентка просила извинить свойственную ей медлительность, а заодно нерасторопность и необязательность переводчиков; конечно, приглашала заходить, «бывая в Москве», и выражала надежду, что к возвращению из короткой поездки она получит корректуры, уточняла характер работы с ними.

Иоанну Матвеевну поддерживал Брюсов. В первом из двух январских писем 1913 года он подтверждал, что «Лирики XVIII века» переданы ему «в совершенно законченном виде», не исключая, однако, редакторской правки и некоторой доработки. В последовавшем через несколько дней письме Валерий Яковлевич сообщал о «высылке» рукописи «в 260 нумеров. страниц» без предисловия. «Предисловие пока мною не закончено: его можно будет напечатать с отдельной

нумерацией страниц, — предлагал он, рассчитывая таким образом избежать отсрочки производства книги. И тут же настаивал на определенном механизме взаимодействия с типографией, одновременно согласовывая с издателем детали оформления сборника: «Очень прошу Вас выслать нам, когда дело дойдет до набора, корректуры в гранках, в 2 экз., вместе с «оригиналами», т. п. новая проверка текста по источникам крайне затруднительна. Затем, для верности, необходимо знать: 1) хотите ли Вы ставить (как в рукописи) шмуцтителы перед каждым поэтом или это лишне? 2) следует ли печатать каждое стихотворение с отдельной страницы?». Это дает нам некоторое представление о стиле Брюсова-редактора, его издательских навыках.

В других письмах Иоанна Матвеевна слегка корила своего адресата за несостоявшиеся встречи и молчание; выражала признательность за своевременно присланный гонорар; досадовала на задержку корректур, искала разумного компромисса в общении с типографией, просила заступничества Некрасова. Вынужденная быть настойчивой, она защищалась именем мужа, подчеркивая пиетет к его мнению. А главное — напряженно ждала выхода «своей» книги, живо реагировала на новые замыслы, звала побывать и поговорить:

«Не получая от вас ответа, я уже готова была приехать к вам в Ярославль. Не могу, Константин Федорович, согласиться на то, чтобы не видеть верстки. Я согласна не получать гранок, но необходимо видеть, как будут напечатаны стихи. Валерий Яковлевич совершенно со мною согласен ... Надеюсь, что вы скоро будете в Москве, зайдете к нам и нам удастся при встрече переговорить о некоторых подробностях внешнего вида книги...».

Брюсов не только передавал приветы, но и сам в апреле 1913 года прислал Некрасову весточку «с берегов Немецкого моря, из Голландии», куда их с Иоанной Матвеевной «завела судьба туристов». Короткое это послание, подписанное «Дружески Ваш Валерий Брюсов», содержало напоминание об общих заботах: «В начале нашего августа будем в Москве (числа 5—6). И. М. очень надеется получить дальнейшие корректуры «Лириков»... Хорошо бы выпустить эту книгу осенью. Своего обещания о К. Павловой я не забыл».

«Лирики XVIII века» не вышли, однако, ни осенью 1913, ни весной 1914 года. В июньском письме в Ярославль Брюсов пытался разрешить недоразумение с якобы утраченными гранками, вел разговор о предполагаемом тираже и размерах гонорара, просил о высылке де-

нег в счет выполненных и выполняемых работ: «Лириков», «Павловой», статей для начавшей выходить «Софии». Предупреждая об отъезде в Петербург на несколько дней «по делам Кружка», Брюсов, как и всегда, приглашал Некрасова посетить их с Иоанной Матвеевной, теперь уже на даче, в Опалихе, «1 час езды по ж. д. и 5 минут ходьбы от станции».

Деньги были незамедлительно высланы и, соответственно, получены, о чем с благодарностью сообщал Брюсов. Возможно, и встреча состоялась бы, как многие другие: июнь еще не грозил бедой, и в голове издателя роились новые планы. Так, «замысливались» общедоступные, но корректные и качественные издания «старых русских поэтов», подбирались участники проекта. Брюсов реагировал на замысел сочувственно и, письменно апеллируя к издателю, вносил свои поправки: «Вчера виделся с П. С. Сухотиным и условился с ним относительно рассмотрения рукописей Н. А. Некрасова. Что до редактирования соч. Вас. Л. Пушкина, то прежде всего я не советовал бы Вам издавать его...».

Высказывались и мотивы — суждения вкуса и деловые соображения, такое, например, как наличие не утратившего связь со временем и внешне привлекательного — достойного издания: «Лучше, мне кажется, издать кого-нибудь из поэтов «Пушкинской плеяды». Во всяком случае, о задуманной Вами библиотеке старых русских поэтов стоит подумать и поговорить. Действительно, есть ряд поэтов, стихи которых следовало бы вернуть читателю».

Не тогда ли зарождалось представление о возвращенной литературе?

Следующее письмо продолжило тему, свидетельствуя о растущем интересе Брюсова к проекту: «Из числа старых поэтов, заслуживающих переиздания, мне наиболее значительным представляется Веневитинов (последнее научное — хоть отчасти — издание А. П. Петковского, 70 — х годов). Стоит издать и Языкова (посл. изд. Суворина 1898 г.) но, пожалуй, правильнее обождать хотя бы 2 тома «Языковского архива», издаваемого Акад. Наук. Я еще обратил бы Ваше внимание на Баратынского, потому что новое изд. Академией (только что появившееся) крайне неудовлетворительно и по тексту, и по внешности. Баратынским я много занимался, и сейчас у меня имеются неизданные материалы, в том числе неизданные стихи Баратынского».

Конечно, Брюсова волновали и корректуры Павловой, не оставляло желание ускорить работу, одновременно обогатить ее находками, но ждущие завершения и новые дела пришлось отложить из-за непредвиденных: их потеснила война.

Страницы июльских и августовских газет убеждают: Ярославль, как и вся Россия, жил патриотическим подъемом, с утра до вечера кипела уличная жизнь, все ждали известий, штурмовали газетчиков.

22 июля (4 авг.) в «Голосе» опубликовали Высочайший манифест и Объявление о военном положении, подписанные Николаем I I. На первой полосе этого же номера была набрана патетическая статья Некрасова «Единая Россия». Идея сплочения огромной и политически разобщенной страны во имя победы стала ее лейтмотивом.

26 июля (8 авг.) на газетной полосе появилось сообщение: «Известный писатель Вал. Я. Брюсов, отправляющийся на театр военных действий, телеграфно уведомил ...редакцию», что он будет писать для «Голоса». В письме Некрасову от 27 июля Брюсов, ожидавший в числе «всех корреспондентов всех русских газет» затянувшееся отправление на восточный фронт, уточнял: «Я буду корреспондировать в три газеты: в «Русские ведомости», в Ваш «Голос» и в «Сибирь» (Иркутск). Вам я предполагаю высылать 1—2 корреспонденции в неделю; если же Вы хотите, то и чаще».

Переговоры об условиях сотрудничества с газетой и издательские дела, включая «корректуры Павловой», Брюсов перепоручал Иоанне Матвеевне. Ее августовское письмо в Ярославль опередило отправленное им из Варшавы. Иоанна Матвеевна справлялась о «Лириках», просила издателя осуществить расчет за них до выхода книги, извинялась, говоря, что к просьбе ее побуждают условия военного времени и отъезд мужа. Кажется, она сетовала: «Можно, конечно, различно относиться к этой моей книге, но должно согласиться, что я немало над ней поработала». А дальше — естественный порыв спросить и поделиться известным: «Пишет ли В. Як. в «Голос»? По-моему, ему нечего писать, его куда-то не пускают, он ничего не видит, а перед отъездом Русск. Вед. вручили ему целый лист с указаниями, о чем, по разным соображениям, нельзя писать».

В последовавшем через несколько дней письме Брюсов объяснял Некрасову существующее положение, по сути повторяя ее слова: «По моим письмам в «Русс. Вед». Вы можете судить, как у меня мало ма-

териала. Посылаю Вам сейчас небольшую заметку о «Варшаве в дни войны». Буду очень рад, если пригодится».

Брюсов изображал фрагменты той действительности, о которой сражавшийся на польском фронте артиллерийский офицер П. Муратов, сообщал: «Дорогой Константин Федорович, вот уже две недели ... мы воюем с австрийцами, были бесконечные переходы днем и ночью, был бой 26—27 авг. Теперь 5-ый день стоим... Дождь, холодно, есть нечего. Но война с Австрией идет успешно. Всюду отбитое оружие, пленные».

«Небольшая заметка» Брюсова оказалась большой статьей, подписанной автором 26 августа и появившейся в газете 31-ого. А уже 3 сентября увидела свет написанная 27 августа статья «Рассказы беженцев». С тех пор объемные корреспонденции Брюсова, реже предполагаемого, но регулярно, печатались на второй странице «Голоса». Они являлись результатом поездок, совершаемых писателем в прифронтовую зону и освобожденные от врага районы. В них почти не слышалось грохота пушек и свиста пуль, обычных для заметок бывшего на авансцене войны кавалериста Н. Гумилева, но потрясали молчание развалины, изуродованная земля и уже как часть ее — убитые и орудия убийства. А победные возгласы ликования не заглушали стонов обездоленных, — статистов разворачивающейся трагедии. Это были кулисы войны и страшные ее декорации.

В конце 1914 — начале 1915 года Брюсов приехал на короткое время в Москву, где состоялась встреча с Некрасовым. Открылись новые творческие перспективы — издание сборника стихов, куда вошли бы и написанные на войне. Поэт был очень заинтересован в издании. Думается, имело значение и следующее событие.

Во время пребывания в Москве Брюсову было устроено чествование в «Русских ведомостях». При значительном собрании членов «Кружка» и представительных гостей его славили как военного корреспондента, вспомнили и о предстоящем в скором времени 25-летию литературной деятельности, охарактеризовали значение им сделанного в культуре. В адрес Брюсова звучали стихи и поздравительные телеграммы. Он сам прочитал стихотворение «В Карпатах», посвященное единению славян. Речи были пафосными, под стать им и ответ Брюсова, подчеркнувшего, что теперь для него главное — новое ремесло корреспондента, а когда «наступит грядущее торжество родины, явится поэт, достойный великого момента». Однако очевидно,

что Брюсов пытался приблизить привычный момент поэтического триумфа.

Весной поэт снова был в Варшаве. «Корреспондентская жизнь» не давала сидеть на месте, но «по случаю выбрался вечер», и Брюсов продолжал в письме к Некрасову начатый при встрече разговор. Его щепетильность выдавала крайнюю важность обсуждаемого вопроса. Пространно, со ссылками на другие издательства («Мусагет», «Скорпион», «Шиповник») Брюсов воспроизводил два варианта приемлемых для него условий оплаты новой книги. Причисляя ее к тем, которые составляют сущность его писательского дела, он настаивал: «Эти книги я, к сожалению, могу отдать издателю только при уплате мне гонорара вперед: 1/2 при представлении рукописи и 1/2 по выходе книги в свет /.../. За сборник стихов я желал бы получить 20% с номинальной цены /.../ — 800 р., в два срока по 400 р.»

Сказанное было принято и понято Некрасовым, не нанесло видимого ущерба взаимоотношениям. Впрочем, внешне даже несколько сократило дистанцию между поэтом и издателем, побудив их к выражению взаимной приязни — «душевной преданности».

10 июля Брюсов благодарил Некрасова за «живо тронувшее» отношением к его поэзии письмо («верьте, оно было мне очень дорого») и согласие печатать новый сборник стихов на предложенных поэтом условиях.

Писатель, упомянув, что отвергает возможные притязания других фирм (В. Вересаев, хлопотавший о сборнике в Москве, получил положительный отклик, дальше которого, правда, дело не пошло), Брюсов намекал на то, что у него есть причины предпочесть «Книгоиздательство К. Ф. Некрасова». Просил только изменить название «*Sed non satiat*» (т. е. «но не утоленный», «все же еще не пресыщенный»), так как книга с таким заглавием была обещана подписчикам «Скорпионом». «Что Вы думаете о названии «Семь цветов радуги», причем книга была бы подразделена на 7 больших разделов?» — обращался он к Некрасову, подчеркивая при этом, что объединяющая стихи мысль будет сохранена, «если в нее вложить содержание: «но не утоленный ни радостями, ни страданиями» — «все семь цветов радуги одинаково прекрасны, прекрасны и все земные переживания, не только счастье, но и печаль, не только восторг, но и боль».

Это была не случайная находка, а выношенный мотив. Еще в 1903 году в первой статье о К. Бальмонте Брюсов вместе с ним сла-

вословил «все обряды любви, всю ее радугу». Тогда же во второй статье о поэте-соратнике он упоминает сборник его стихов «Только любовь. Семицветник». Символ нашел место и в собственном творчестве Брюсова.

Он был готов приступить к формированию рукописи, в которой, уверял, «надо только разложить листки по местам».

В марте и апреле 1915 года появились последние публикации Брюсова «с театра войны» в «Голосе» — писатель вернулся в Москву. Зато письма в Ярославль шли чаще и становились длиннее: вопреки тому, что военных стихов в книге было не так много и они уже печатались в «Биржевых ведомостях» и альманахах, возникла проблема цензуры. Не желая замедлять набор, Брюсов, советовавшийся с «опытными людьми», побуждал Некрасова не дожидаться разрешения, в котором сам не сомневался: «Ведь разрешены же сборники военных стихов Сологуба, Моравской, Городецкого и др.»

Это и следующее августовские письма говорили о том, что завершилась работа по изданию К. Павловой.

22 октября П. Муратов уже из Севастополя, где он продолжал службу, писал Некрасову: «Спасибо за книги. Павлова издана прелестно!».

25 октября, с задержкой из-за болезни, издателю писал и Брюсов, благодарил за присланные лубочные издания, «которые всегда интересны», и экземпляры К. Павловой. Кажется, что в следующих его словах есть и упрек, и самооправдание, чуть завуалированные шуткой: «От одного московского критика слышал я жалобы на то, что будто бы много опечаток. Сомневаюсь, чтобы их действительно было много (хотя мне лично, как Вы знаете, почти не пришлось читать корректуры), а что они есть, так это не удивительно в 2 толстых томах. Обидно будет, если критик только это и усмотрит в изд. Остается вспомнить стихи Лермонтова: «Читал ль критику мою — Читал я! — мелкие нападки на шрифт, виньетки, опечатки...» Ибо сказано: история повторяется».

25 ноября в Ярославль было отправлено последнее письмо 1915 года. Непременная этикетная благодарность, в данном случае за сообщение денежных расчетов и любезное обещание выслать часть гонорара, не исключала и искреннего признания последовательности и точности Некрасова в финансовых делах, что было нелегко, потому что из-за войны он терпел убытки.

1916 год вместе с тревогами внес нервозность и назидательность в письма поэта к Некрасову. Вернувшись из поездки на Кавказ, Брюсов узнал об аресте сборника «Семь цветов радуги». Цензура инкриминировала ему одно стихотворение. Считая, что дело-пустяк, Брюсов готов тут же заменить стихотворение другим и, ограничившись перепечаткой страницы, освободить книгу «от греха». Подобные прецеденты ему были известны, и слова издателя об отсрочке выхода сборника на неопределенное время показались кощунственными. «Все же судьба моей книги меня совершенно отчаивает». Продолжение было не менее экспансивно: «Надо вызволить ее теперь, а не в неопределенном будущем. Со своей стороны я готов сделать все, что могу». Но Брюсов тут же признавался, что может не так уж много, что даже не знает, с чего начать, и побуждал издателя похлопотать об арестованной книге. Брюсов, действительно, предпринял ряд шагов (обратился в цензорский Комитет, был в суде, нашел знающего ходатая) и 18 марта выслал в Ярославль экземпляр сборника с «нужной надписью» — разрешением. К письму прилагалось и стихотворение, которым «должно заменить выпускаемое».

Вскоре книга «стала реальным фактом». Не заставившая себя ждать критика была неоднозначной. Рецензент петроградской газеты «Правительственные вести», не отрицая таланта Брюсова и устоявшейся репутации, обвинял его в творческом самомнении. Доказывая свою точку зрения, писавший подчеркивал, что стихи, «помещенные в отчетном сборнике, в значительной степени производят впечатление написанных наскоро, точно автор считал обязанностью во что бы то ни стало откликнуться на текущие события». Военные стихи признавались неудачными и обильно цитировались.

Поэтическим откровением новый сборник не стал, как не пришел торжественный миг скорой и безусловной победы в войне.

Поэт собрался на лето в деревню и спешил закончить все финансовые расчеты с издательством, скрупулезно их обговаривая и извиняясь перед Некрасовым, в аккуратности которого никогда не сомневался, за некоторую торопливость — следствие личных обстоятельств.

Изменились и личные обстоятельства издателя. Некрасов продал газету и типографию, хотя окончательно расставаться с издательством он не намеревался. Брюсову писал: «До окончания войны придется печатать книги в Москве, а затем, когда цены станут нормальными, надеюсь открыть типографию в Москве и перенести туда все дело».

В. Брюсов, несмотря на явный спад общественной эйфории, был настроен оптимистически, в чем признавался в развернутом постскрипте к письму. Но главное здесь — высокая оценка культурной заслуги Некрасова, признание важности сделанного им в качестве издателя в столь непростой для России период: «Верьте, что это известие крайне огорчило меня, вне всякого отношения к тем работам, которые я сам мог бы когда-нибудь вновь предложить вниманию издательства. Мне просто стало жаль, очень жаль, хорошее дело ... Поскольку я имею право говорить отвлеченно, от лица русской литературы, позвольте мне просить Вас не спешить. У меня есть твердая уверенность, что русской книготорговле предстоят скоро «красные дни», которые щедро вознаградят всех устоявших за испытания прошлого».

В 1917 году Брюсов уже по-другому смотрел на сложившуюся в стране обстановку и на войну, не оправдавшую «светлые надежды, может быть, обманчиво поданные намеренно разогреваемые» правительством. Искра веры, и им раздуваемая, потухла. Сориентированный на нее корабль, образ которого возникал в его письме и стихах, терял направление.

О Ярославле 1917 года один из ведущих журналистов «Голоса» писал: «Ужасы несчастной войны с немцами продолжались. В городе скопилось до 19 тысяч беженцев, масса раненых, беспокойно, тревожно». К. Ф. Некрасов переехал на постоянное жительство в Москву, где у него были единомышленники и собственный дом, но не было издательства. И столица, уже охваченная революционными волнениями, не могла стать удобной для передышки бухтой, а вихрь перемен, наполнивший выражение «красные дни» новым смыслом, не дал возможности закаленному испытаниями рулевому развернуть парус, чтобы достичь желанного берега.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1998. 288 с.
2. Алешина Л. С. Образы и люди Серебряного века. М., 2005. 271 с.
3. Белый А. Между двух революций. Воспоминания. М., 1990. 670 с.
4. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. М., 1994. 478 с.
5. Брюсов В. Я. Сочинения. Стихотворения и поэмы. М., 1987. 575 с.
6. Брюсов В. Я. Сочинения. М., 1987. 575 с.
7. Война и культурные задачи. // Голос. № 286. 13 (27) декабря 1914 г.
8. Государственный архив ярославской области. Фонд 952. Опись 1. Дело 18. Л.1—19

9. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Д. 34.
10. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Д. 46.
11. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Д. 47.
12. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Д. 48.
13. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Д. 49.
14. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Д. 50.
15. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Д. 51.
16. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Д. 53.
17. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Д. 54.
18. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Д. 76.
19. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Ед. хр. 110.
20. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Ед. хр. 258.
21. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Д. 321.
22. ГАЯО. Ф. 952. О. 1. Ед. хр. 355.

23. Из истории сотрудничества П. П. Муратова с издательством К. Ф. Некрасова. / Вступ. ст., публ. и ком. И. В. Вагановой. // Лица: Биографический альманах. 3. М., 1993. С. 155—265.

24. *Каныгин С. С.* Автобиографический очерк. // Ярославская старина. 2006. № 6. С. 32—39.

25. *Лидин В. Г.* Друзья мои — книги. Рассказы книголюбца. М., 1976. 381 с.

26. *Некрасов К.* Единая Россия. // Голос. № 167. 22 июля (4 авг.) 1914 г.

27. Объявление о готовящихся к выпуску книгах. // Голос. № 65. 18 (31) марта. 1912 г.

28. *Соколов А. Г.* История русской литературы конца XIX — начала XX века. М., 2000. 432 с.

29. Чествование В. Брюсова. // Голос. № 18. 22 января (4 февр.) 1915 г.

АРХИТЕКТУРНАЯ СРЕДА ЯРОСЛАВЛЯ (КОНЕЦ XIX—НАЧАЛО XX вв.):

на примере комплекса зданий ярославского кадетского
корпуса (ныне ЯВЗРУ ПВО)

Стовичек М.В.

Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО (военный институт)

Облик Ярославля, как и многих других русских городов, складывался веками. Но и теперь, когда перед нами раскинулся один из красивейших городов России, со своими культурными и архитек-

турными традициями, нельзя не заметить изменений, происходящих в архитектурной и градостроительной среде города. Совершаются они постепенно, но неуклонно. И мы видим, что город изменяется, что разные поколения ярославцев обитают в «разных Ярославлях». Мы без труда найдем отличия между Ярославлем 1950-х и Ярославлем 1990-х. Каждая эпоха оставляет свой след на лице города. В своё время эти приметы актуальны и определяют весь облик города. Так, например, дома «хрущёвки» полностью сформировали новые районы Ярославля в 1950-е годы. Но затем их сменяют более современные новостройки, и они — архитектурные явления проходящего или уже прошедшего времени — становятся своеобразным памятником ушедшей эпохи. Так в каждый момент своего существования город соответствует требованиям эпохи, и это позволяет ему быть древним, старым, но не устаревшим.

Цель данного исследования — проследить динамику ярославского градостроительства и те изменения, которые произошли в его архитектурной среде на рубеже XIX — XX веков. Для этого мы рассмотрим архитектурную ситуацию, то есть облик города, который сложился к середине XIX века, а также пути изменения архитектурного облика Ярославля со второй половины XIX — начала XX вв. на примере комплекса зданий Кадетского корпуса.

Синхронический подход к изучению культурной среды предполагает исследование взаимодействия нескольких одновременно существующих явлений в определённый момент времени, то есть «поперечный» временной срез. Диахронический подход — рассмотрение последовательного изменения культурной среды города в определённый период, то есть «продольный» временной срез.

В данном случае диахронический подход применим к изучению архитектурной среды Ярославля и изменениям, произошедшим в ней во второй половине XIX — начале XX веков.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению архитектурной среды Ярославля и её изменениям в заявленный период — вторая половина XIX — начало XX века — необходимо обратить внимание на то время, которое можно считать началом упорядоченного и «регулярного» градостроительства в Ярославле.

В 1778 году Екатериной II был утверждён «регулярный» план Ярославля, согласно которому старый, средневековый, беспорядочно застроенный город должен был стать упорядоченным, размеренным,

подобным Петербургу, то есть «просвещённым» городом. В основе плана лежал классицистический приём организации города по двум главным осям. Идеальной считалась строгая параллельно-поперечная планировка, построенная по ведущей оси (в Санкт-Петербурге такой осью является Невский проспект).

В Ярославле планировочная схема была реализована с поправкой на сложившуюся ранее архитектурную среду. Композиционным центром города — местом пересечения выбранных осей — стала церковь Ильи Пророка. Опорными узлами новой композиции города стали древние каменные постройки (преимущественно XVII века) — храмы и башни. Планировку центра организовали четыре оси: ось, параллельная р. Волге (вдоль Демидовского бульвара и Советской ул.); ось, перпендикулярная первой (от р. Волги к Советской площади); две наклонные оси (вдоль улиц Кирова и Нахимсона). Кроме введения радиальной системы застройки города новый план регламентировал высоту, стеновые и кровельные строительные материалы, отделку фасадов строившихся домов, то есть все их технические характеристики.

Классицизм — стиль, как нельзя лучше оформлявший присутствие сильной централизованной власти, — выполнил в Ярославле основные задачи планирования и упорядочения городской застройки. Кроме «строгих и стройных» архитектурных сооружений, этот стиль с присущей ему точностью и размеренностью положил начало традиции регулярного, то есть спланированного по строгой схеме строительства Ярославля, соблюдавшегося и архитекторами последующих поколений.

Таким образом, уже к середине XIX века город имел единое классицистическое решение центральной части.

Необходимо отметить, что центр города не был единственным районом, активно росшим и развивавшимся в период «регулярного» строительства.

Одним из прогрессивных, новых районов города был район Большой мануфактуры, построенной по императорскому (Петра I) указу о снабжении армии и флота.

Изначально этот район обустроивался по принципу регулярной (петербургской) планировки. Процесс формирования нового промышленного района Ярославля опередил те изменения, которые в конце XIX века произошли в центре города. Поскольку земля под строительство мануфактуры была выделена в отдаленной слободе,

в которой практически не было каменных построек, ничто не препятствовало организации идеального и прогрессивного, как тогда мыслилось, пространства. По сию пору сохраняются основные «регулярные» районообразующие оси перед собственно фабричной зоной, хотя в течение всего времени существования мануфактуры с ними конкурировал естественный секторный принцип формирования района. В настоящее время именно естественный секторный принцип является ведущим, что фиксируется даже схемой движения общественного транспорта в районе фабрики «Красный перекоп» — кольцевое одностороннее.

Таким образом, к началу XIX века в Ярославле, кроме исторических слобод, существовали два архитектурно сходных района (район Большой мануфактуры и центр), один из которых был административной доминантой города, другой же в силу отдаленности и ограниченности сложностью переправы не был ни противовесом, ни дополнением центра.

Комплекс зданий училища военного ведомства (позднее Кадетского корпуса) в Ярославле, возникший в первой трети XIX века, решил сразу несколько важных градостроительных задач.

Центральный корпус имеет огромное значение благодаря выполняемой им градостроительной функции. Здание фактически является основным градоформирующим элементом района Московской улицы (ныне Московского проспекта), направляющим градостроительную ось вдоль линии московского тракта. Здесь идеально реализуются классицистические принципы градостроительства: осевая планировка района. Квартал, образованный корпусами училища военного ведомства, не только акцентировал основную ось района, но и определял геометрически правильную форму квартала, который должен была стать своеобразной направляющей окрестной застройки. Вытянутое центральное здание комплекса и церковь Петра и Павла, встроенная в общую линию, образуют внешнюю границу квартала, выполняя функцию и градостроительной и архитектурной связки между двумя наиболее прогрессивными районами города: административным центром и районом Большой мануфактуры. Фактически в этот период корпуса училища военного ведомства были единственными каменными зданиями этой части Московской улицы.

Особо значимым архитектурным акцентом, образующим вертикальную ось района, был храм. Именно храмы отмечали администра-

тивные, общественные, торговые и пр. центры древних городов, посадов, слобод. В эпоху «регулярного» строительства в Ярославле их значение постепенно уменьшается, и градостроительные акценты переносятся на административные здания. Происходит секуляризация городского пространства. Особенностью комплекса зданий военного ведомства является то, что в нем сочетается и традиционный значимый элемент городского пространства — церковь Петра и Павла, и собственно корпуса училища, вытянутые вдоль Московской улицы и образующие новый «регулярный» квартал.

Благодаря большому размеру именно храм является доминантой фасадной композиции зданий, хотя это значение уравнивается протяженностью самих корпусов. Таким образом, комплекс зданий училища военного ведомства явился своеобразной четко продуманной связкой центра и периферии, традиционного градостроительного решения (храмоцентричного) и новаторского (секуляризованного).

Облик зданий, фланкировавших Московскую улицу, создавал впечатление гармонично выстроенного ансамбля. Классицизм как государственно детерминированный стиль создавал условия, в которых художественная среда улицы, квартала, города была единой, стилистически однородной. Изначально в концепцию этого стиля входила идея равновесия и гармонии, и архитектура как наиболее рациональный, геометричный вид искусства идеально воплощала эту мысль.

Общий облик церкви Петра и Павла и корпусов, расположенных по Московской улице, соответствует екатерининским планам типовой застройки идеального города в его первичном понимании. По указу Екатерины II ведущие архитекторы создали альбом типовых фасадов, рекомендованных к реализации в провинциальных городах, застраивавшихся тогда фактически заново. В этих проектах давался образец воплощения эстетических принципов классицизма: равновесие / симметрия, геометризм / простота форм, функциональность, гармония.

Так храм является композиционным центром застройки по Московской улице. Он заметно возвышается над корпусами и обладает более богатым декором по сравнению со сдержанным, простым украшением фланкирующих его фасадов. Простые геометрические формы, из которых складывается основной объем храма, придают ему ощущение устойчивости и статичности, а изящный шестиколонный портик и полусферический купол над ним не дают зданию стать приземистым и плоским. Подчеркнутая вертикаль центральных окон

и пилястры по обе стороны колоннады придают композиции фасада храма завершенный вид. Самый скромный декоративный мотив храмовой стены продолжается и на корпусных стенах, но в упрощенном виде — простые плоские четырехугольные ниши, многократно повторяясь, позволяют воспринимать эти различные по виду и назначению здания как единое художественное целое.

Однако первоначальный замысел ансамбля зданий не был воплощен в полной мере, а дальнейшее развитие архитектуры изменило и саму эстетическую концепцию архитектуры.

К началу XX века Ярославль уже не был стилистически единым классицистским городом. Различные новые стили входили в моду и находили своих почитателей среди архитекторов и заказчиков. Объемы строительства при этом возросли многократно, что делало невозможным утверждение всех частных проектов в Земской управе.

Одним из наиболее заметных стилей рубежа XIX–XX веков стал модерн. Прежде всего, это стиль частной застройки, но в силу отсутствия архитектурной теории стиля, зодчие ориентировались на собственное чувство стиля и художественную интуицию. Так, на территории Кадетского корпуса было построено здание в стиле модерн (сейчас это здание санчасти). Возможно, оно было перестроено из более ранней постройки, так как сочетает в себе и характерные для классицизма черты и элементы модерна. Форма здания и основная конструктивная вертикаль (оси окон) практически полностью соответствуют идее простых геометрических форм в архитектуре, тогда как модерн провозглашал принцип «изнутри–наружу», то есть свободной планировки здания и, как следствие, свободной же формы. Декор фасада, характерный для модерна: выступающие над поверхностью стены картуши с вдавленными подвесками — сочетается с типичным классицистическим украшением окон: фигурные и простые лопатки в верхней части. Здание являет собой своеобразный переход от классицизма к «новому стилю», начавшийся, но незавершенный. Такое освоение модерна в целом характерно для ярославских архитекторов и обозначает ранний этап реализации этого стиля в архитектуре города.

Таким образом, в комплексе зданий Кадетского корпуса в Ярославле нашли точное выражение основные градостроительные и стилевые тенденции развития города в течение двух столетий. Первый этап этого процесса — формирование классицистического ансамбля

Кадетского корпуса, второй — разрушение единой стилевой гармонии и попытка «модернизации», то есть осовременивания зданий с использованием новых, малознакомых тогда стилей. Итогом второго процесса явилось нарушение ансамблевости комплекса зданий и стилистический эксперимент, давший образец «фасадного» модерна.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Выголов В. П.* Ярославль. Памятники архитектуры и искусства. Альбом. Ярославль, 1994.
2. *Маров В. Ф.* Ярославль. Архитектура и градостроительство. Ярославль, 2000.
3. Ярославль. История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года. //Под ред. А. М. Пономарева. Ярославль, 1990.
4. Ярославль в старых открытках и фотографиях. / Сост. В. Горшкова, Е. Гузанов, А. Шемякин. М., 1998.

СОХРАНЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ ГОРОДА ТВЕРИ В 1918—1930 гг.

Личак Н.А.

Ярославский государственный технический университет

Города Верхнего Поволжья интересны для исследователей с точки зрения историко-архитектурного наследия — каменных жилых и хозяйственных зданий, огромного количества церквей, городских стен, снабженных мощными башнями. Одной из важнейших задач общества является сохранение и восстановление памятников истории и культуры. На современном этапе изучения советской истории существует распространенная точка зрения, что в первые годы Советской власти памятники старины только уничтожались. Ниже приведены факты, подтверждающие обратное.

Революционные события 1917 года и гражданская война не самым лучшим образом отразились на состоянии древнерусской архитектуры и живописи. Они привели к частичному или полному разрушению многих памятников. Желание сохранить древнее зодчество часто выливалось только в поддерживающий ремонт. Однако требовалось трудоемкое восстановление, сохранение и реставрация на основе

глубокой научной базы. Государство в короткий срок сформировало систему государственных органов охраны памятников, обеспечило законодательную основу для их деятельности. История советского этапа научного сохранения архитектурных памятников до сих пор была известна по деятельности только московских ученых. Начавшиеся процессы разрушения культурных ценностей на местах были на время остановлены с помощью восстановительных мероприятий тверских исследователей и мастеров.

На основании Постановления Народного Комиссариата по Просвещению от 27.12.1918 г., при Тверском губотделе народного образования был учрежден подотдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины (губмузей). Действовавший на основании положений и инструкций Центрального отдела при Народном Комиссариате по просвещению [1]. Ремонт, восстановление, переделки и использование памятников зодчества Тверской губернии могли производиться только по соглашению с отделом по охране памятников. В сферу деятельности данного органа входило принятие мер по регистрации, постановке на учет, сохранению и ремонту памятников старины.

С 1918 г. Тверским губподотделом по охране памятников были начаты исследовательские работы по изучению архитектурных и художественных особенностей древнерусских памятников [2]. Ремонтно-восстановительные работы, переделки и использование памятников зодчества производились только по соглашению с губмузеем [3]. Это объяснялось частыми посещениями губернии эмиссарами г. Москвы, уделявшими основное внимание именно памятникам архитектуры. Основным направлением в деле сохранения историко-культурных памятников Тверской губернии являлось выявление и перевод в экспонаты музея произведений искусства, реликвий старины. Первым памятником, взятым под охрану государства в январе 1919 г., стал Путевой дворец в Твери. Памятник отечественной архитектуры конца XVIII века.

Получив его в свое распоряжение, губподотдел стал располагать огромными выставочными площадями, которые, прежде всего, отвели под фонды старого Тверского музея, собравшего за полвека существования огромные научные исторические и археологические коллекции. Дополнив их дворцовой мебелью, картинами, образцами прикладного искусства, а также наиболее интересными вещами из окрестных имений, подотдел сумел создать, продуманную и исчерпывающую по полноте экспозицию [4].

28 ноября 1919 г. комиссия под руководством завгубподотделом по делам музеев и охране памятников искусства Твери произвела осмотр строений бывшего императорского Тверского Дворца. Состояние помещений было признано удовлетворительным. Так, при осмотре было выяснено, что многие комнаты Дворца были загрязнены и требовали капитального ремонта [5]. Результатом деятельности комиссии стало выделение лака и белил для ремонта [6].

Подведением итогов работы в Тверской губернии считалось составление детальных отчетов с указанием всех обследованных или отреставрированных памятников и усадеб за истекший период времени [7].

На основании циркуляра Народного Комиссариата по Просвещению от 26 марта 1920 г. за № 800, Тверской Подотдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы был реорганизован слиянием с Подотделом искусств, куда Подотдел по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы вошел в качестве секции [8]. В сферу деятельности губернской секции входило: заведывание музеями, принятие всех мер, по сохранению памятников искусства и старины, регистрация и взятие на учет, а также все ремонтно-восстановительные работы архитектурных памятников.

В 1920 году Тверской губмузей временно пересмотрел свою политику в отношении общин верующих, которые должны были производить ремонт храмов собственными силами. В своем отчете отдел отмечал, что исторические памятники архитектуры, церкви, находившиеся в пользовании коллективов верующих, плохо поддерживались общинами и не ремонтировались, а деньги расходовались на содержание духовенства. Поэтому предлагалось пересмотреть договоры общин верующих с руководством города для того, чтобы установить, какую ремонтно-восстановительную работу необходимо произвести [9].

Общины откликнулись на предложение о пересмотре договоров. Одними из первых свои отчеты представили советы верующих при Владимирской церкви, Козмодамиановской общине, Преображенском тверском Соборе, храме Святого Арсения, Христорождественском храме, Борисоглебском церковном совете.

15—21 июля 1921 г. в Твери прошел Первый губернский съезд по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и народного быта и природы. Относительно вопросов по восстановлению памятников архитектуры отмечалось, что необходимо увеличивать ассигнования на работы с помощью кредитов губмузею [10].

Штат комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы состоял из одного человека — заведующего, оплачиваемого из средств Губоно. Поддерживали комитет научные сотрудники Тверского государственного музея, которые работали по специальным заданиям, и отдельные специалисты-любители, приглашенные комитетом [11].

Тверской губмузей в своем отчете за 1923/1924 гг. отмечал, что все усадьбы и здания, состоявшие на учете губмузея, испытывали острый недостаток в средствах. Отсутствие в течение ряда лет самого необходимого ремонта грозило многим из них гибелью [12]. Ходатайство о ремонте было удовлетворено лишь для Микулинского Собора Старицкого уезда, дома Арефьева [13].

Факты подтверждают, что в Тверской губернии было самое сложное финансовое положение из всех губерний в отношении плановых реставрационных работ. Никаких средств на их производство в 1923/1924 выделено не было [14]. Был выполнен только самый неотложный ремонт зданий Тверского Дворца, а капитальный ремонт предполагалось поставить на очередь. Главной работой данного периода являлось составление списка требовавших ремонта зданий. Памятники, находившиеся под охраной, но эксплуатировавшиеся другими учреждениями, ремонтировались мало, за исключением мелкого ремонта. По разрешению губмузея, приходским советам вменялось в обязанность осуществлять ремонт собственными силами [15].

Реставрационные работы в полном объеме в Тверской губернии начались с 1925 г. Начало было положено ремонтными работами церкви Желтикова монастыря, где была восстановлена резьба, а также промыта живопись с последовавшей реставрацией всего храма [16].

В селе Архангельское Тверской губернии в 1926 году были произведены ремонт и исправление полов, крыши, покраска иконостаса, исправление крыши [17]. Те же работы были осуществлены в церкви Рождества Богородицы города Кашина близ Твери, Соборного, Средненского и Тверско-Вознесенского храмов, церкви Святого Великомученика Никиты в Твери с сохранением неприкосновенности архитектурного стиля и орнамента.

В 1928 году производились реставрационные работы в храме Николо-Теребенской пустыни. Разрушенные места были заштукатурены, побелены, главки окрашены масляной краской.

Подводя итоги, можно констатировать, что история сохранения памятников истории и культуры с 1918 г. — времени становления советской научной школы — актуальна и по сей день. Именно в эти годы в России начинают складываться теоретическая и научно обоснованная методика восстановления произведений искусства и памятников зодчества. Несмотря на трудности, восстановление поставленных на учет памятников архитектуры Твери было закончено к 1930 году.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Тверской области. Ф.Р. — 488. Д. 20. Оп. 5. Л. 88.
2. ГАТО. Ф.Р. — 488. Оп. 5. Д. 20. Л. 88.
3. Там же.
4. Там же. Д. 48. Л. 1.
5. Там же. Д. 56. Л. 57.
6. Там же. Д. 20. Л. 2.
7. ГАТО. Ф.Р. — 488. Оп. 5. Д. 20. Л. 3.
8. Там же. Л. 88.
9. Там же. Д. 69. Л. 16.
10. Там же. Д. 20. Л. 189.
11. ГАТО. Ф.Р. — 488. Оп. 5. Д. 48. Л. 1.
12. Там же. Л. 7.
13. Там же. Д. 37. Л. 2 об.
14. Там же. Л. 11.
15. Там же. Д. 41. Л. 15.
16. ГАТО. Ф.Р. — 488. Оп. 5. Д. 64. Л. 3.
17. Там же. Л. 6.

СТАНОВЛЕНИЕ СВОЕОБРАЗИЯ КУЛЬТУРЫ СИМБИРСКО-УЛЬЯНОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Тихонова А. Ю.

Ульяновский государственный университет

Любая территория России обладает богатыми культурно-историческими ресурсами. Совершив экскурс в историю культуры Симбирско-Ульяновского региона, проследим пунктирно основные социокультурные факторы ее развития, поскольку на каждом истори-

ческом этапе в жизни территории создаются условия для формирования отличительных черт ее культуры, трансформирующейся в дальнейшем в ее уникальность.

Каждый исторический этап развития региональной культуры вносил определенные черты и тем самым «создавал» уникальность культуры края. Археологические исследования (Г. М. Буров, А. В. Вискалин, В. И. Ледяйкин и др.) удостоверяют, что уже в эпоху мезолита (12—6 тысяч лет до н.э.) Среднее Поволжье стало западной окраиной сформировавшихся племен уральской языковой общности. А в конце неолита население Симбирско-Ульяновского края полностью входит в сферу продвинувшихся на Запад племен финно-угорской общности. Именно в этот период в регионе начался процесс становления древне-мордовской культуры.

Симбирско-Ульяновское Поволжье испытало несколько волн заселения. Народы с разными укладами жизни, религиозными взглядами, культурой искали на этой земле новые ресурсы развития. В VIII в. эти пространства освоили булгары, вскоре ставшие основным населением края. В конце IX-начале XII вв. образовалось государство Волжская Булгария и территория Ульяновского Поволжья постепенно вошла в ее состав. В данный период основным языком населения этой территории становится тюркский, лингвистическое влияние которого на культурные традиции края прослеживаются и до настоящего времени. Тюркизация края продолжалась, и в период золотоордынского ига, а затем — и Казанского ханства.

Собственно первые русские селения на этой земле появились в X—XII вв. Именно в этот период начался длительный процесс взаимовлияния русской и других этнокультур края, ставший характерной особенностью развития культуры территории. Но наиболее ярко данный процесс проявился при активном заселении края русскими после присоединения Казанского (1552 г.), Астраханского (1556 г.) ханств. Еще интенсивнее в XVI в. стала проявляться такая особенность развития культуры края как ее становление на стыке этнокультурных территорий и транспортных путей теперь уже Российского государства.

Единая географическая среда (ставшей таковой для конкретного народа раньше или позже) позволяла формировать общую для всех региональную культуру, отличную от культур каждого из народов в отдельности и от культур этих же этносов в других регионах, сохраняя при этом ментальность каждого народа. Именно благодаря этому на территории

края формирование собственной региональной культуры соседствовало с сохранением собственно национальных культурных традиций. Данная расстановка акцентов в становлении культуры на этой земле сохранилось и позднее. Следовательно, заложенные в древности самобытные этнокультурные традиции, отражающие особенности региона, толерантное взаимодействие этнокультур края, как отличительная черта культуры территории проявится на протяжении всей его истории.

Следующий этап развития региональной культуры начался после основания города, строительства Спасского женского монастыря и кремля в 1648 г. Симбирск становится культурным центром региона, региональные особенности культурной жизни начинают формироваться особенно активно, что отражалось во внешнем облике города, например, под влиянием религии. Так, уже первые городские сооружения проектировали не только дальнейшую архитектурную застройку города, но и организацию на его территории культурнозначимых учреждений. Например, только на территории Спасского монастыря в разное время размещались: Симбирское духовное училище, богадельня, больница, училище для девушек-сирот из духовного звания. Монастырь неоднократно горел, но вновь восстанавливался. Наверное, не случайно уже в наши дни в одном из указанных зданий был открыт Центр возрождения русской культуры.

В XVIII в. во времена Екатерины II формировалось еще одно направление культуры региона — своеобразная дворянская культура. Общеизвестным является тот факт, что Симбирская губерния принадлежала к наиболее «дворянским» территориям империи. Симбирск часто именовали «барином городов Поволжских», «дворянским гнездом». По количеству жалованных (действительных) дворян и дворян древнего благородного рода губерния к началу XIX в. опережала близлежащие Пензенскую и Нижегородскую. Даже на рубеже XIX — XX вв. 7,7% населения Симбирска принадлежало к дворянам. Среди этих категорий симбирского дворянства были фамилии Бестужевых, Оболенских, Орловых-Давыдовых, Столыпиных и других, сыгравших крупную роль не только в культуре края, но и всей России.

В дворянских усадьбах шло преимущественно концентрирование культурных ценностей и творчества, которые существовали первоначально в форме дворянских досугов. Постепенно в культурнодосуговую деятельность привлекалось значительное число окружающих. В домашних театрах, концертах, в собирании коллекций и т. п. пер-

воначально участвовала семья, затем привлекались соседи, затем челядь, крестьяне. Культурные мероприятия в дворянских усадьбах исподволь модифицируются в социокультурную активность населения, обрastaют новыми элементами: выписывание книг, создание библиотек, организация чтений, собственное творчество и др. В качестве примера можно привести театр, который обязан своим появлением в Симбирском крае именно дворянам. Помещичьи театральные труппы формировались из крепостных крестьян. Особую известность, в том числе и за пределами губернии, имели крепостные театры помещиков Н. А. Дурасова, Бестужевых, Ермоловых, Татищевых. Начавшийся во второй половине XVIII в. подъем в развитии разных направлений культуры территории продолжился в последующие периоды, и, одновременно, стал движущей силой указанного развития и источником сплочения проживающих в крае людей.

В XIX в. культуротворческая деятельность дворян становится престижной и желательной для губернского общества. Постепенно формируется региональная культурная среда, способствующая развитию творческого начала как отдельных членов общества, так и его социальных слоев. Во второй половине XIX в. культурная жизнь Симбирской губернии неразрывно связана с именами поэтов-земляков Д. П. Ознобишина, Д. Н. Садовникова, Д. Д. Минаева, П. А. Александрова, А. А. Коринфского, а также писателей И. А. Гончарова, В. Н. Назарьева и др. В произведениях названных авторов нашли отражение реальные события из жизни края. В 1833 г. Симбирск посетил А. С. Пушкин. В своих произведениях «История пугачевского бунта», «Капитанская дочка» он использовал материалы, собранные в Симбирском Поволжье.

Важной составляющей региональной культуры в XIX в. становятся художественные ремесла, которые развивались здесь благодаря богатым природным ресурсам и древним народным традициям, прежде всего коренных жителей. Художественные ремесла Симбирской губернии характеризуются специфическими чертами, которые выражаются в сложившихся художественных традициях местных народных мастеров. Самобытность изделий симбирских ремесел присутствует во всех их видах. Например, в вышивке большинства народов региона она проявляется в предпочитаемой технике («крест», «тамбур»), в излюбленных мастерицами цветах (красный и черный), в наиболее распространенных видах орнамента (геометрический, как самый древний, и растительный), в местных названиях известных в России

элементов. Так, например, восьмиконечная звезда издревле и сегодня называется симбирянками «перунов цветок» и считается оберегом от смерти. В. В. Стасов, изучая в XIX в. особенности русского народного орнамента, писал: «...в вышивках и тканях по холсту уцелели самые многочисленные, самые оригинальные, самые характерные и самые значительные остатки национального русского художества». В качестве примера, он приводит и Симбирскую губернию.

Социокультурные традиции Симбирской губернии во второй половине XIX в. во многом определялись развитием ее центра — города Симбирска, где были сосредоточены основные творческие силы края. К этому периоду в регионе сформировались основные культурные ценности, сложилась неповторимость его культурных традиций и сформировалась социокультурная среда, воспитавшая людей, способных реализовывать все функции региональной культуры (изучение, сохранение, создание и трансляция). Указанные трансформации привели к развертыванию достаточно масштабной работы по социокультурным изменениям полифункциональной культурной жизни региона. Таким образом, XIX в. стал важным этапом в истории культуры Симбирско-Ульяновского Поволжья.

Следующим этапом развития культуры региона стал XX в. Безусловно, определенное влияние на формирование культуры региона оказали события октября 1917 г. Одной из главных, как и по всей стране, тогда стояла задача приобщения именно трудового народа к культуре. Так, в мае 1918 г. в Симбирске в здании Симбирского общественного собрания была открыта народная консерватория в целях предоставления возможности «широким слоям городского населения ...за доступную плату получать серьезное музыкальное образование». Музыкальная культура края получила благодаря этому событию дальнейшее развитие. Но народная консерватория просуществовала недолго и была в 1921 г., в связи с голодом в Поволжье, преобразована в музыкальную школу 2-й степени.

Но все-таки стержнем социокультурной ситуации почти всего XX в. (советский период) в жизни региона была ориентация на сохранение и пропаганду ленинских памятных мест. Еще в 1924 г. город Симбирск был переименован в Ульяновск, а в 1943 г. была образована Ульяновская область. В 1950-е гг. в области созданы туристско-экскурсионные общества «Ульяновсктурист», «Интурист», «Спутник», пропагандирующие ленинскую тематику. При подготовке

к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина в 1966—70 гг. была реконструирована центральная часть города, где создана мемориальная зона, которая и сегодня включает элементы архитектуры старого Симбирска и новую застройку. Однако в начале 90-х гг. произошел спад объемов организованного в регионе туризма, в связи со снижением интереса к ленинским местам.

90-х гг. XX в. стали новой вехой в истории культуры Симбирско-Ульяновского региона. Организующим центром культурной жизни является областной центр, где работают театры (драматический, кукольный и юного зрителя), 7 государственных музеев, Ленинский мемориальный комплекс, Дворец книги (областная научная библиотека), пять высших учебных заведений, издается более 20 газет и журналов. А образованному в 1968 г. Ульяновскому симфоническому оркестру за большие заслуги в развитии отечественного музыкального искусства в 1993 г. присвоено звание «академический». Сегодня Ульяновская область, бывшая Симбирская губерния, с одной стороны — типичный субъект Российской Федерации, а с другой своеобразная территория, где сформировалась самобытная, в чем-то отличная от других субъектов государства, культура.

Нами были выявлены характерные черты культуры Симбирско-Ульяновского региона:

Глубокие исторические корни культурных традиций региона, сохранявшиеся на протяжении веков.

Бесконфликтное взаимодействие, взаимовлияние этнокультур края обеспечившее межэтническую консолидацию и интеграции.

Неповторимая дворянская культура способствовала формированию на территории Симбирской губернии активно развивающейся социокультурной среды, которая в свою очередь содействовала дальнейшему обогащению культуры региона.

Работа по сохранению ленинских мест позволила придать региону статус туристического центра, что оказало значительное влияние на развитие социокультурной ситуации края.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Амброз А. К. О символике крестьянской вышивки архаического типа. //А. К. Амброз //Советская археология. 1996. № 1. С. 34—36.
2. Стасов В. В. Русский народный орнамент: шитье, ткани, кружево. Выпуск 1 С-Пб., 1872. С. 89.

НАШИ АВТОРЫ

Белова Елена Евгеньевна — Ярославский филиал Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы, декан финансово-экономического факультета.

Бородкин Александр Викторович — филиал РГГУ в г. Ярославле, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно — методической работе.

Волкова Татьяна Игоревна — Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, кандидат исторических наук, доцент.

Волков Андрей Юрьевич — филиал РГГУ в г. Ярославле, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин.

Воронова Екатерина Владимировна — Военная Академия Республики Беларусь, кандидат культурологии, доцент.

Ганижев Магомед Закрияевич — Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО, курсант.

Гришанин Петр Иванович — Пятигорский государственный лингвистический университет, кандидат исторических наук, кафедра Отечественной и зарубежной истории, старший преподаватель.

Гуменный Владимир Викторович — Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, адъюнкт.

Гурьянчик Виталий Николаевич — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, кандидат исторических наук, доцент.

Дутов Николай Владимирович — Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, кафедра Отечественной истории, кандидат исторических наук, доцент.

Ефимов Андрей Владимирович — Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого, кафедра всеобщей истории, аспирант.

Жарков Виталий Викторович — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, кандидат исторических наук, преподаватель.

Зацепина Ольга Ивановна — Ярославская государственная сельскохозяйственная академия, кандидат исторических наук, профессор.

Иерусалимский Юрий Юрьевич — Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, доктор исторических наук, профессор, академик Академии военно-исторических наук заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории.

Иерусалимская Светлана Юрьевна — кандидат исторических наук, директор по маркетингу и рекламе ООО «Норд-Строй».

Исахаев Утебай Байзахович — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО.

Казаков Глеб Маратович — Российский государственный гуманитарный университет, Историко-Архивный институт, студент.

Коняев Александр Евгеньевич — Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, кафедра Отечественной истории, аспирант.

Койков Дмитрий Александрович — Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого, кафедра всеобщей истории, аспирант.

Корнилова Александра Сергеевна — Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, аспирант.

Кузнецова Ольга Владимировна — Государственный архив Ярославской области, ведущий научный сотрудник.

Личак Наталия Алексеевна — Ярославский государственный технический университет, кандидат исторических наук, кафедра политологии, старший преподаватель.

Лоханин Антон Михайлович — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, кандидат исторических наук.

Малахов Дмитрий Николаевич — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, адъюнкт.

Малыгин Артур Борисович — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, курсант.

Маслехин Владислав Леонидович — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, кандидат исторических наук, доцент.

Мурзо Галина Владимировна — Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, кафедра русского языка, кандидат педагогических наук, доцент.

Надежкин Евгений Геннадьевич — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, кандидат педагогических наук, до-

цент. Начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Науменко Алексей Александрович — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, курсант.

Никифоров Юрий Сергеевич — Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, аспирант.

Новосельцев Михаил Сергеевич — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, курсант.

Носков Андрей Александрович — Башкирский Государственный Педагогический Университет им. М. Акмуллы, научный секретарь «Лаборатории по изучению истории и культуры казачества России и зарубежья», преподаватель.

Осьмачко Сергей Григорьевич — филиал РГГУ в г. Ярославле, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, академик Академии Военно-исторических наук.

Павлов Александр Львович — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, адъютант.

Панин Евгений Николаевич — Московский институт физической культуры и спорта, кандидат исторических наук.

Постолаки Сергей Константинович — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, курсант.

Сараева Елена Леонидовна — Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, кандидат исторических наук, доцент.

Сергеева Ольга Александровна — Ярославский филиал Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы, кандидат педагогических наук, директор.

Сисигин Александр Игоревич — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, курсант.

Смирнова Анастасия Николаевна — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, кандидат искусствоведения, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.

Старостина Ирина Асхатовна — Московский институт физической культуры и спорта, декан Дневного отделения.

Стовичек Мария Викторовна — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, преподаватель.

Сыченко Руслан Александрович — Ярославское высшее зенитно — ракетное училище ПВО, курсант.

Таточенко Виктор Валерьевич — Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, кафедра Отечественной истории, аспирант.

Тихонова Анна Юрьевна — Ульяновский государственный университет, кандидат педагогических наук, кафедра регионоведения и международных отношений, доцент.

Ульяновская Елена Витальевна — Филиал РГГУ в г. Калининграде, кандидат исторических наук, доцент.

Чернецова (Рогалева) Светлана Борисовна — МОУ ДПО Городской центр развития образования мэрии г. Ярославля, историк.